

ДЖУЛИ ДЕЙС

ВСЕГО ПЯТЬ НАВСТРЕЧУ
И НИ ОДНОГО В ДОГОНКУ

Five steps towards
**ПЯТЬ
ШАГОВ
НАВСТРЕЧУ**

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Мечты сбываются

Джули Дейс

Пять шагов навстречу

«Автор»

2020

Дейс Д.

Пять шагов навстречу / Д. Дейс — «Автор», 2020 — (Мечты сбываются)

ISBN 978-5-532-96411-2

Любовь — последнее, что они желают и первое, чего не хотят. Это простое слово соткано из боли, предательства и лжи. Избегать влюблённости — их жизненное кредо. Хорошая репутация, планы на будущее — это всё не про него. Мэйсон Картер — тот, от кого окружающие бросаются в бегство. Он не даёт слабину и уворачивается от стрел Купидона. Возможно, за внешностью бездушного хулигана скрывается гораздо больше? Находка для создания семьи, вера в хорошее — это всё не про неё. Трикси Лейтон — девушка с реальным взглядом на мир. Она не ждёт чуда и не верит словам. Она способна постоять за себя независимо статусу оппонента. Возможно, за силой и гордостью скрывается тонкая ранимая душа? Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-96411-2

© Дейс Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 2	12
Глава 1	19
Глава 3	26
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	51
Глава 8	57
Глава 9	62
Глава 10	66
Глава 11	70
Глава 12	75
Глава 13	81
Глава 14	87
Глава 15	90
Глава 16	95
Глава 17	100
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Джули Дейс

Пять шагов навстречу

*«Всего пять навстречу
и ни одного вдогонку»*

Пролог

Ноябрь
Мэйсон

– Может, ты сначала будет думать, а потом делать? – спрашивает мама, подперев дверной проём и скрестив руки под грудью.

Поворачиваюсь к ней и широко улыбаюсь.

– Где-то я уже это слышал.

– Да, уже на протяжении двадцати лет пытаюсь донести суть данного выражения до твоего отца.

Не сдерживаю смешок и убираю мобильник в карман.

– Тогда ты знаешь исход, – перекидываю ремешок спортивной сумки через плечо и миную её хрупкую фигуру. – Я домой.

– Интересно, а этот *дом*, когда перестал быть твоим?

– В девятнадцать, когда переехал.

– Не останешься на ужин?

Я хитро прищуриваюсь.

– А что на ужин?

– Когда услышу ответ, тогда и скажу.

– Пахнет курицей, мам, – улыбаюсь, раскрывая её тайну, покрытую мраком или дверцей духового шкафа.

– Пусть будет так.

Отпрянув от дверного косяка, она выпрямляется, и её пристальный взгляд карих глаз скользит по мне от макушки до пят и обратно.

– Конечно, останусь, ма.

Быстро чмокнув её щёку, направляюсь к лестнице и со смехом добавляю:

– Ты же не думала, что откажусь от чего-то домашнего? Жутко задрали полуфабрикаты.

– Ты меня используешь! – оскорбляется она, но затылком ощущаю заразительную улыбку.

Останавливаюсь на первой ступеньке и бросаю на неё насмешливый взгляд через плечо. Подмигиваю и скрываюсь за поворотом.

Ди и Мэди уже сидят за столом, из-за чего автоматически хочу выругаться.

Так получилось, что ещё один мой друг запал на мою сестру. И спустя несколько месяцев, продолжаю мириться со сложившейся ситуацией. На самом деле, плевать, кто с кем встречается, трахается или временно развлекается, но не тогда, когда дело касается Мэди. Я имею полное право быть против любых отношений, особенно, если это мой друг и моя сестра. Уже проходил. Знаю, чем закончится.

Я не доверяю никому, даже себе. До определённого времени думал, что у меня есть друзья. Ну, как минимум лучший друг и девушка. Всё с легкостью поменялось. Для них. А осознание того, что друзей не существует – пришло. Твои друзья – твоя семья. Возможно не у всех, но у меня. Ди – исключение. Как бы ни хотел, но не могу назвать его просто знакомым. Он больше, чем все те, кто окружает. Не знаю, по какой причине, но так вышло. Я верю ему, но уже не на сто процентов, как мог раньше. Надеюсь на лучшее, но готовлюсь к худшему. У меня есть причина придерживаться подобного мнения, и она кроется в человеке напротив: в сестре. По неволе мы были преданы близкими людьми. Кажется, она забыла, но я не тот, кто забывает. Возможно, прощаю, но прощение не равносильно потере памяти. Я всё помню, как вчера. Жизнь преподала хороший урок. Почти смертельный урок.

Встречаюсь взглядом с небесно-голубыми глазами сестры, и ту же получаю вопросительно изогнутую бровь.

Она знает, о чём я думаю. Эта чертова нерушимая связь близнецов. Иногда хочу закрыться, но понимаю, что маску видит, как минимум один человек. Я посылаю немой сигнал «всё в грёбаном порядке». Как всегда.

Дверь распахивается, и на порог заваливается отец и Эйден. Оба смеются и пихают друг друга, благодаря чему отшатываются в стороны.

– Три года вас ждали, – ёрничаю я, хотя прижал задницу к стулу меньше минуты назад.

Отец закатывает глаза одновременно с братом, и первый промахивается, когда хочет отвесить мне подзатыльник, а второй бросает коньки и клюшку у лестницы.

Я усмехаюсь.

– Теряешь хватку.

– Да? – иронизирует отец, занимая соседний стул. И я не успеваю уловить то, как быстро прилетает его ладонь в мой лоб. – Ты всё ещё так думаешь?

– Да, – лениво киваю. – Решил уступить, должен же ты хоть где-то выиграть. Ты такой предсказуемый.

Отец целует маму, которая ставит на стол пару огромных блюд и подмигивает мне, на что закатываю глаза.

– Слюняй, – отмахиваюсь рукой.

– Картер! – возражает сестрёнка.

– *Картер!* – передразниваю я.

– Заткнитесь оба, – подаёт голос Эйден.

– А ты какого фига вякаешь, малявка? – я смеюсь, награждая младшего брата взглядом старший-всегда-прав.

В его ореховых глазах возникает раздражение. Ничего нового. Подумать только, пятнадцатилетний засранец спорит со мной. Что ж, признаю, люблю это. Мы максимально разные характером, но вот внешность всегда выдаёт родство.

– Прекратите все, – устало вздыхает мама, на что Ди тихо смеётся, смотря на неё с сожалением и пониманием, а папа самодовольно усмехается. Мэди скрещивает руки под грудью и морщится, ёрзая по стулу. – Боже, когда-нибудь мы поужинаем нормально?!

Не думаю, что мама обращалась к нам, скорей, разговор с самой собой, что довольно комично, учитывая, что мы живём так всю сознательную жизнь.

– Напомните, сколько вам лет? – продолжает она.

– Двадцать два, неделя, и двадцать три, – без энтузиазма растягиваю я. – Еще есть пятнадцатилетний засранец. Не помню, чтобы когда-нибудь просил братика.

– Мне шестнадцать, – ворчит малявка.

Точно, шестнадцать. Временами забываю, что Эйден вырос, и мы оба поменялись. Могу измываться над ним сколько угодно, но никогда не позволю другим.

– А мне скоро двадцать три, и что теперь?

– Что мозгов нет, – бурчит он.

– На твоём месте, я бы молчал. У меня может случайно дёрнуться локоть на фоне нервного тика.

– А у меня нога.

– Мы можем поужинать как семья? Спокойно? Без споров? – очередной раз перебивает мама.

– Ладно, – я кошусь на отца, который едва держится, чтобы не рассмеяться. – А молитва будет?

– Возьмите каждый по ножке, – указывает мама.

Выгибаю вопросительно бровь, но подчиняюсь, как и Эйден.

– А теперь засуньте её в рот, чтобы замолчать хотя бы на пять минут, – завершает она, и отец не выдерживает, начиная громко смеяться.

Удивительно, как мы можем уживаться на одном квадрате, по крайней мере, могли.

Я переехал жить отдельно сразу с поступлением, а Мэди задержалась в родительском доме ещё на год. В конце концов, теперь делит отдельный квадрат с Ди, кочуя между братством и квартирой. Не скажу, что её сильно расстраивает. Отныне, где Ди – там Мэди. И наоборот. Это довольно забавно: моя неудержимая и импульсивная сестрёнка со спокойным и хладнокровным Ди. Абсолютные противоположности нашли гармонию, чего невозможно было сказать по его прилёту и их бесконечным стычкам по любому поводу. В итоге, вся любовь и забота родителей перепала Эйдну, но в отличие от нас, он желает свалить в Канаду или Миннесоту. Не потому что задрала опека, а потому что брат метит в профессиональный хоккей. Уверен, он более, чем доволен жить с ними, и я понимаю. Завтрак, обед, ужин, родители рядом, карманные деньги и прочая пурга, о которой я позабыл. В общем-то, наша семья не из тех, кто будет нависать грозовой тучей над головой, талдыча нотации, а даст полную свободу выбора. Но это вовсе не означает, что отец не стукнет по столу, а мама не нахмурится. Раз в неделю, а то и два, сам возвращаюсь сюда, обретая заботу, которой окружает мама. Знаю, она могла бы привозить приготовленное в квартиру, но как бы сильно ни хотелось, – нельзя. Я достаточно взрослый, чтобы позаботиться о себе самостоятельно. дело гордости, чести и самоуважения. Не позволительно жить за их счёт. Беззаботное время бесследно ушло. Я не восемнадцатилетний мальчишка. Несмотря на всё, семья всегда на первом месте. За неё – отдам всё. Это не то, чему научили и что вбили в голову с детства. К пониманию пришёл сам. Нет ничего важнее, видеть их живыми и здоровыми.

– Возьмёшь с собой? – спрашивает мама, когда убирает со стола, а я помогаю ей, как и отец.

– Нет, всё есть.

– Например?

– Морозилка забита.

– Попроси отца научить тебя готовить.

Обращаю взгляд к папе и дёргаю бровью.

– Ты думал, я не подкупил её своими кулинарными способностями? – усмешка украшает его губы, а в тёмно-карих глазах пляшут огоньки.

– И не сжёг кухню?

– Я умею готовить, засранец.

– Именно поэтому всегда готовит мама?

– Ага. Советую научиться, иначе помрешь от голода.

– От пиццы ещё никто не умирал. Ты же в курсе, что все рестораны готовят на вынос?

– Разве?

– Ага, – подтверждаю я.

Ди и Мэди собираются уезжать первыми.

Я провожаю сестрёнку, и прощаюсь с Ди в парадной.

– Подхватишь завтра? – прошу я, намереваясь чуть позже уточнить, когда моя машина вернётся ко мне из сервиса.

– Без проблем, – соглашается он.

Мэди открывает дверцу машины, но обращает внимание ко мне. В ту же секунду несётся обратно и оставляет беглый поцелуй на щеке.

– Так-то лучше.

Проводив их взглядом, возвращаюсь на кухню. По какой-то незримой причине не тороплюсь уезжать, а вновь занимаю место за обеденным столом.

– Останешься сегодня? – спрашивает мама, поставив перед собой кружку с кофе и заводит выпавшие каштановые локоны за уши.

Качаю головой и коротко улыбаюсь.

– Не знаю.

– У тебя всё хорошо? – она хмурится и изучает меня вдоль и поперёк, к подобному рентгену подключается отец.

– Да, жаркое выдалось лето, с трудом отхожу.

– Не сомневаюсь, – не скрывая отвращения, соглашается мама.

– Ей не обязательно знать об этом, – вмешивается отец.

– Да ладно, – я усмехаюсь. – Ты же не думала, что я девственник и берегу себя для одной единственной?

– Конечно, нет. Как я вообще могла об этом подумать?

– В пятнадцать, мам.

– Это ужасно, – фыркает она, пока я и папа разражаемся хохотом. – Мы можем не говорить об этом?

– Что в этом такого?

– Я не хочу знать о твоей половой жизни. Можешь обсудить с отцом. Уверена, он как никто другой поддержит тему.

– Мне кажется, он берёт вишенку для тебя.

Мама фокусируется на папе, и мрачная гримаса медленно застилает её нежные черты.

– Сомневаюсь, – она кривится.

– Это мужской организм, Лиз, – парирует отец. – Не будь ребёнком. Их тоже не аист принёс.

– Да, но это вовсе не означает, что желаю знать об успехах и неудачах сына.

Отец уже было открыл рот, как мама резко перебивает:

– И о твоём прошлом тоже!

– Но о дочери ты знаешь.

– Это совершенно другое.

Его былая усмешка сходит на нет.

Кажется, он не хочет знать ничего о подобном, когда дело касается Мэди. Я понимаю. Растить сына проще, чем дочь. Сомневаюсь, что сам мог охотно интересоваться сексуальной жизнью дочери, в то время как с сыном это вполне нормальное явление. Эту теорию подтверждает тот факт, что не стремлюсь знать что-то по части сестры. Всякое упоминание секса от неё – становится тошнотворным. Особенно, когда понимаю, что всё происходит с моим другом.

Мама поднимается и, обогнув кружку тонкими пальцами, покидает нас.

Причиной могла послужить тема разговора, но так будет думать только посторонний человек. На самом деле, она уходит, чтобы оставить меня и отца наедине. Ди, может быть, друг, но лучшим всегда будет отец. Яблоко от яблони не далеко упало, я – его копия. Вот же везение. Что действительно так. Он как никто другой понимает. Разве не счастье найти того, кто разделяет твои взгляды? В моём случае, искать не приходилось. Отец всегда был рядом.

Он провожает спину мамы и поворачивает голову, вновь останавливаясь на мне.

– И?

– Что?

– Ничего.

Его взгляд скользит по мне, изучает, читает, проникает глубоко в мысли. Я отвечаю встречным. И тупая игра в гляделки длится не меньше минуты.

– Дай угадаю: ты упиваешься свободой.

– К чему это?

– В твоём возрасте, я уже стал твоим отцом.

– И что хочешь этим сказать? Чтобы я обрюхатил первую попавшуюся девчонку?

– Нет, но в двадцать я уже познакомился с твоей мамой.

– Тебе просто повезло.

– Не спорю, – соглашается он.

Я развожу руками.

– Да, я кайфую, никому ничего не обязан и беру то, что хочу, – слова слетают с губ достаточно естественно, если не брать в расчёт, что всё совершенно не так. Я просто запутался. – С каких пор нужно обзаводиться семьей в определённом возрасте?

– Никто не обязывает плодить детей.

– Ты стареешь.

Отец проводит пятерней по волосам и лукаво улыбается.

– Я вроде прокрашиваю седину.

– Я двину тебе, если скажешь, что посещаешь салоны красоты, как девчонка.

Смеясь, он качает головой. Но взгляд меняется. Тяжелеет.

– Я серьёзно.

– Что именно?

– Возьмись за голову.

– За какую? – подраживаю я.

Отец фыркает и закатывает глаза.

– Тебя не исправить.

– Странно, а я слышал, что ты неисправим.

– Нет, обычно я делаю, а потом думаю.

– Твои таланты передались по наследству. Не хочу быть неблагодарным, но не мог бы забрать обратно?

– Нет, спасибо, – отец гордо улыбается.

Я вытягиваю ноги и создаю замок из пальцев на затылке, раскинув локти в стороны, чтобы казаться непринуждённым.

– И как ты понял это? – интересуюсь у него.

– Что?

– Что любишь маму.

Его брови разрезают потолок, и проницательные глаза приступают к сканированию. Снова.

– У тебя нет такого человека, иначе не мог возникнуть вопрос, – ощущение, что он испытывает меня на прочность, заочно владея правдой. Он знает, кого имею в виду, но хочет поиграть в дурочка.

Я подыгрываю.

– С какой стати? Может, я сбит с толку.

– Потому что не надо знать, надо чувствовать.

– Говоришь, как будто мы в сраной мелодраме.

– Нет, так и есть. Ты уже миллион раз слышал эту историю.

– Я слышал от мамы, но не от тебя. Твою версию.

Отец поднимает один уголок губ и, отодвинув стул, поднимется на ноги.

– Расскажу от своего лица, когда признаешься, что у тебя *кто-то* появился.

– Никого нет, – возражаю я, скрывая внутреннее смятение. — Банальное любопытство.

– Мы оба знаем, что это не так.

С этими словами, он скрывается за поворотом, а я недовольно фыркаю. Отец один из лучших засранцев, знающих, когда необходимо свалить и не попасть под обстрел.

Проклятие!

Никогда не думал, что один человек способен зажечь огонь, о котором никогда не подозревал. Или подозревал, но подобное пламя когда-то выжгло поле. Найти что-то стоящее не так легко, как кажется. Цепляясь за каждую вновь обретенную «любовь», мы подпитываемся иллюзиями «навсегда». Каждый раз, встречая нового человека на своём пути, думаем: вот он, это точно он. Но ошибаемся. Да, согласен с утверждением, что каждый уходящий и проходящий приносит в жизнь что-то своё, но я тот, кто без труда прощается.

Отпустить? Без проблем. Конечно, отпустить, а лучше сказать, выкинуть из своей жизни грязь – проще. Это как избавление от ненужного хлама, наполняющего наши жизни, даже если грязь проникла под кожу и впиталась в сердце. Тяжело, но оно того стоит. Становится легче. Или нет, это спорный вопрос. Есть ряд людей, которые вносят в судьбу возможности, рост и развитие, с такими всегда сложнее. Как бы тяжело ни было, мы всё равно отпускаем, потому что должны идти вперёд, потому что нельзя гнаться за тем, кто хочет уйти. И я вовсе не тот, кто побежит вслед, я тот, кто даже не обернётся на прощанье. Мне удаётся ускользнуть от засранца Купидона, который пытается прицелиться в задницу или голову. Пока показываю средний палец – очередная стрела пролетает мимо.

Всё это грёбаная брехня.

Он попал.

Я не увернулся.

Чувствую себя слабым и не способным бороться. Это моя погибель. Она – моя погибель.

Глава 2

Мэйсон

Амфитеатр настолько переполнен, кажется, последующие входящие попусту сядут на шею друг друга. Но не я. Моё местечко свободно. Собственно, на него и приземляется моя светлость и величество. Женские руки тут же скользят по плечам, и я подмигиваю Треку, который занимает соседнее.

Он одобрительно улыбается и стучает мой кулак в знак приветствия.

– Какие планы на вечер?

– Грандиозные, – провозглашаю я.

В синих глазах отражается веселье, и я заранее знаю, что он что-то задумал.

– Поточнее, Картер.

– Занимаюсь с отцом.

– Составить компанию?

– Собрался гонять мячик по полю в одиночестве?

– Могу перестроиться и принять боксёрскую веру.

– Дерьмовая идея.

– Да ладно, твой отец способен перешить меня.

Не прошла минута, как от общения со мной хотят вынести выгоду. Вот, каких людей никогда не смогу перевести в ранг «друг».

– Вряд ли, – отрезаю я.

Трек молчаливо соглашается и расслабляется в кресле.

Единственный человек, который не напрашивался на тренировку или знакомство с моим отцом – Ди. Это вторая причина, по которой держу каждого на расстоянии вытянутой руки. Практически каждый решил, что может воспользоваться и войти в круг моей семьи. Каждый думает, что мы – друзья. Могу подыграть до поры, до времени. Что касается Ди: мы знакомы с юношеских лет, пересекались лишь на соревнованиях. Но по счастливой случайности, его занесло в Нью-Йорк, где встретились. Последующее время он всегда был рядом и не торопился нарушать личные границы, ко всему прочему, не набивался в приятели. Ди – мой разум. Я – его эмоции.

Достаю наушники из кармана и заглушаю нудную лекцию профессора группой I Prevail и песней Stuck In Your Head.

Я закрываю глаза. Плевать на вселенную до тех пор, пока музыка наполняет внутренний мир. Когда заключительные мягкие аккорды раздаются в ушах, приоткрываю веки и встречаюсь с золотисто карими на другой стороне амфитеатра. Подмигиваю своей вчерашней стрип-тизерше, она, в свою очередь, отворачивается к профессору.

Проклятие, девчонка крепкий орешек.

Даже отсюда замечаю прозрачный блеск на пухлых губах. Небрежно раскиданные локоны по плечам, струятся по белой футболке, поверх которой накинута джинсовка военной расцветки. С удовольствием мог пройтись взглядом по идеальным ножкам, но они прячутся под столом. К счастью, рыться по воспоминаниям не приходится, я отчетливо помню каждый изгиб её тела. Зрительная память достаивается отдельной честью.

Вытаскиваю наушники и пихаю Трека локтем.

– Ты нигде не видел ту девчонку с третьего ряда напротив? Блондинка, белая футболка и джинсовка.

– Какая из них?

– Джинсовка военной расцветки.

Трек находит цель.

– Вроде нет, – мне не нравится, что его похотливый взгляд продолжает изучать её. – Она ничего. Сколько?

– Неделя.

– Ты не разведёшь её за неделю, – я хочу врезать ему из-за громкого тона, но подавляю желание.

– Ты её не знаешь.

И он протягивает ладонь под столом.

– Пари?

– Иди на хрен, мне есть, чем заняться.

– Как хочешь.

Я продолжаю следить за девушкой, которая больше не поворачивается в мою сторону, а если и делает это, то взгляд встречается с моим и выражает полное безразличие. Но в одном точно уверен: в заинтересованности. Черт возьми, другого не дано. Ко мне подкатываю даже те, у кого имеются парни. Мои знакомые парни. Каждая из них априори опустилась ниже плинтуса, если мы станем теми, кто должен возродить человечество – я буду тем, кто погубит окончательно. У меня принципы, и первое: не трахаться с чужой девушкой. Именно я знаю, насколько это дерьмово. Именно я стал тем, кто по незнанию делил одну девушку с другим почти год. Клятвы, пустые слова о любви и прочая хрень от неё – гребаное разбитое сердце и душа от меня.

Эмили. Та, кто кардинально поменяла и помогла дойти чёртовой точки невозврата. Того Мэйсона, который доверял и впускал в жизнь любого больше не существует. И никогда не будет. Любовь – ложь.

Из неприметной девушки она превратилась во всадника Апокалипсиса. Та сука, которая разгуливала по коридорам школы со своей свитой, больше не была моей тихой спокойной Эмили. Я создал Дьявола. Дьявола, который кувыркался с моим лучшим другом и который на тот момент был в отношениях с моей сестрой. Чертова Санта Барбара под названием *жизнь*.

Новый прилив ярости настигает внезапно, из-за чего приходится уносить ноги.

Десятки взглядов прожигают спину. Нет необходимости подносить спичку, чтобы бомба с моим именем рванула и уничтожила всё в радиусе мили.

Из аудитории вылетаю, как из горящего здания, а в следующее мгновение от костяшек на пальцах до плеча ползёт агония. Физическая боль – ничто, когда орудует душевная. Словно в органы впиваются когтями, раздирая их долго и извращённо. Оппонент не даст ответ, потому что представляет собой стену, но боковым зрением замечаю движение.

Рон смотрит на меня с ядовитой усмешкой и тем же ядовитым блеском в зелёных глазах. Именно ему, мать вашу, в эту секунду приспичило шагнуть мимо.

– Картер, у тебя окончательно фишку дунуло?

– Отсоси, – рычу в ответ.

– А это кто? Твоя новая потоскушка? – продолжает он.

Приходится оглянуться, чтобы застать ту самую блондинку, которая с мрачным выражением переглядывается между мной и Роном. Дебил, в свою очередь, не затыкается.

– Ну, и как она?

В следующую секунду кулак впечатывается в его челюсть, и за пеленой перед глазами, улавливаю железный привкус крови на языке.

Кретин успел зарядить мне.

Но это первый и последний раз, потому что дальше всё как в тумане. Эмоции берут верх, а руки принимаются за работу. Меня как минимум исключат и лишат всех званий, но ярость сильнее. В это мгновение последнее, о чём могу думать – исключение из спортивного сообщества. Я хочу избавиться от душасшей злости.

Вокруг талии обвиваются руки и пытаются оттащить. Крики смешиваются в одно неразборчивое брюзжание, но не могу остановиться. Я получаю каплю возмездия. Ублюдох давно bestолково трепал языком и сегодня поймал вспышку.

– Картер! – грубый мужской бас вырывает из состояния аффекта и тело каменеет. – Я жду ваших родителей! Сегодня!

Глаза ректора метают искры чистейшего безумия, а это говорит о том, что моя студенческая жизнь могла завершиться прямо сейчас.

Я отшатываюсь от Рона, который в луже крови, и не могу проглотить страх, поселившийся в груди.

Я только что мог убить человека. Живого человека, чёрт возьми, человека за то, что он попал под горячую руку и трепанул лишнего о той, кого не знаю. Я не знаю даже её имени!

Проклятие!

Сбрасываю руки с талии, но эта же рука огибаёт запястье и тащит за собой.

Толпа провожает нас с диким ужасом, застывшим в глазах и на лицах, и расступается в стороны, как только делаю шаг. Среди них Трек, который не торопится идти следом. Вот ещё одна причина, по которой у меня нет друзей. Весь этот жалкий сброд не способен на дружбу. Они никогда не кинутся ни в огонь, ни в воду. Они всегда будут искать выгоду. Они – чёртова грязь под ногтями, не стоящая внимания.

Валюсь на кресло и утыкаюсь лицом в окровавленные ладони, расставив локти по коленям.

Все внешние звуки померкли, осталась пронизывающая тишина. Она может свести с ума.

Руки в крови, тупая боль в костяшках и ноющая в грудной клетке. Всё напрасно. Трата времени. Трата сил. Трата себя. Внутри прежний гнев, непонимание, отрешение. Но у меня есть совесть, уйти могу самостоятельно.

Я поднимаюсь на ноги, вслед чему звучит резкий возглас:

– Сядь!

Фокусирую взгляд на знакомой незнакомке и морщусь.

– Какого черта тебе надо от меня?!

– Сядь обратно, – она без колебаний указывает на кресло и выражает абсолютное спокойствие. Обо мне такое сложно сказать.

– Ты кто такая? Отвали на хрен!

Желание вырваться из клетки настолько велико, что могу пройти сквозь стены. Я чувствую себя подобно заключённому. Это не то, чего хочу. Я не тот выдающийся студент, зубрящий днями и ночами. Мне нужна грёбаная свобода. Здание души.

– Сядь, Картер! – снова верещит сирена, и я фыркаю, повернув лишь корпус, когда распахиваю дверь.

– Ты кто, мать твою, такая? Скорая помощь?

– Трикси, – говорит она, словно поинтересовался именем.

– Мне плевать на твоё имя, Трикси, как и на остальных в целом. На каждого из них. Ты ещё не поняла?

– Кого ты строишь, Картер? Стива Роджерса¹?

Что?! Я же не ослышался?

– Отвали на хрен, Трикси. Так понятней?

– Дай мне помочь тебе! – её голос надрывается, и я почему-то не могу противостоять.

Делаю шумный вздох и возвращаюсь обратно.

Девушка делает шаг и медленно садится на колени, поставив в ногах аптечку. Лишний раз радуюсь, что её глаза не на уровне моих.

¹ Стив Роджерс – борец за справедливость и один из самых смелых супергероев киновселенной Marvel.

Приходится проглотить гордость и сжать челюсти. Ещё немного, и раскрошу зубы.

Смочив вату жидкостью из бутылка, она рассматривает мой подбородок и разбитую губу, после чего едва касается рассечения. Я почти не дышу, несмотря на острое жжение и горящие лёгкие. Поднимаю взгляд и сверлю стену над её макушкой.

Неспешные, мягкие касания разжигают давно забытые чувства, и я отстраняюсь в сторону, чтобы не ощущать тёплое дуновение, аромат и прикосновения. Мне не нравится уединение с ней ровно так же, как нравится. И особенно не нравится, что она стоит на коленях между моих ног.

– Оно того стоило?

– Да, – сквозь зубы, беспристрастно заявляю я.

Девушка качает головой, её глаза вновь находят мои. В них вижу собственное отражение. Это плохо. Чертовски плохо.

– Я могу сама за себя постоять.

Я поднимаюсь с кресла и направляюсь к выходу, оставляя её в том же положении.

– Просто скажи спасибо, – вкладываю в эти слова всю чёрствость и сухость.

Открываю дверь и делаю шаг за порог, избавляясь от крови с помощью футболки. Когда голос за спиной произносит ранее предложенную мною благодарность, закрываю дверь и делаю вид, что не услышал.

Первый поворот и кулак врежется в стену, вокруг костяшек тут же образуются новые кровоподтёки, а тупая боль напоминает о себе с двойной силой. Но я рад её почувствовать.

– Дерьмо! – цежу себе под нос.

Быстрые глухие шаги, эхом отзывающиеся в стенах коридора, говорят о приближающемся человеке. И это последнее, чего хочу. Никого не желаю видеть.

– Даже не думай сваливать! – орёт за спиной Ди, из-за чего автоматически торможу.

Ди буквально налетает, хватая за футболку и сжимает в кулаках. От него разит злостью и непониманием.

– Какого хрена ты творишь? Ты хоть понимаешь, что мог убить его? Ты хоть понимаешь, что нарушил правила? Очнись, черт возьми, Картер!

На последних словах он срывается на крик.

– Я ухожу, – сбрасываю его руки и разворачиваюсь, чтобы уйти.

– Твой отец сейчас придет. Если не будешь присутствовать, тебя везде исключат!

Останавливаюсь и бросаю на него взгляд через плечо.

– Не везде.

Продолжаю путь, и когда дохожу до выхода, слушая шаги друга за спиной, не успеваю положить ладонь на дверную ручку, потому что она распахивается.

Внутри всё взрывается.

Я разочарован и зол, что может быть хуже?

Легко.

То, когда видишь это во взгляде самого близкого человека. Того, кто с детства был тем самым идолом, кумиром, идеалом мужчины, мужа, друга и отца.

Взгляд папы выражает только одно: разочарование. Несколько секунд, он смотрит на меня, после чего переводит взгляд на Ди. За гулом в ушах, я не слышу их диалог, но это наверняка вопрос о произошедшем. Когда ладонь отца ложится на плечо – вздрагиваю.

– Пошли.

Медленно киваю и сам не понимаю, как, но следую за ним. Успеваю уловить хлопок по спине от Ди, как знак поддержки. Он не был рядом в те злополучные минуты срыва, но пришёл сейчас. Более чем уверен: он сделал это, как только услышал мою фамилию или имя. Достаточно инициалов, чтобы Ди пулей прилетел в то место, где буду я.

На горизонте появляется Мэди, её голубые глаза наполняются сожалением и огорчением. Это добивает. Разочарование от отца, огорчение от сестры, негодование от друга. Осталось увидеть маму и Эйдена. Мне отлично удаётся губить всё живое вокруг.

– Ты в порядке? – запыхавшись, спрашивает она, вцепившись в мою руку.

Всё, что могу – выдавить кивок.

– Что произошло?

На этот раз отрицательно кручу головой. Никто не поверит моим словам. Я не врезался в дверной косяк и, тем самым, не разбил губу. На кулаках не краска, а кровь. Они разбиты. Футболка в кровоподтёках, а не рисунках. Картина красноречивей некуда.

– Найди Ди. Потом поговорим, – это всё, что могу сказать.

Мэди хлопает широко распахнутыми глазами, и отец кивает, соглашаясь с просьбой. Но моя сестра не такая послушная, как многие того желают. Конечно, она остаётся с нами до тех самых пор, пока не доходим до кабинета ректора.

– Мэди, уходи, – говорит отец, угрюмо смотря на неё.

– Я буду с Мэйсом!

– Оставь нас.

– Но пап...

– Мэдисон, не время спорить!

Несколько секунд она борется с упрямостью и просовывает ладонь в мою, сжав, как делала всегда.

Немой жест означает, что мы всегда были, есть и будем друг у друга в любом случае, при любом исходе и в любой ситуации. Всегда рядом. Что бы ни произошло, только вместе. Мне не приходится выдавливать улыбку, Мэди всё поймёт без слов.

Целую каштановую макушку и киваю, отпустив ладонь.

Ещё сотню раз оборачиваясь, она наконец-то скрывается за поворотом, а ладонь отца вновь ложится на моё плечо.

– Что сделал? – без осуждения, спрашивает он.

– Избил Моринсона.

– Насколько сильно?

– Я не помню.

Даже если мои слова разочаровывают ещё сильнее, он прячет всё за непроницаемой ширмой.

– Что произошло?

– Заступился за девчонку. У кретина язык слишком длинный.

– Враньё, – он сдавливает моё плечо. – Что ещё?

– Я был на взводе, он ляпнул лишнего про меня, потом про неё. За это выхватил.

– Что ещё я должен знать?

Многое, что я не говорил тебе за эти годы.

– Ничего, – как можно спокойнее отвечаю я.

– Стой тут.

С этими словами, отец заходит в приёмную, а я закидываю голову назад и выдыхаю всю тяжесть, упавшую на плечи.

Занимаю место на лавочке и не пытаюсь примкнуть ближе к кабинету, чтобы подслушать, а наоборот заглушаю посторонние звуки новой порцией музыки. В таком положении провожу пятнадцать минут. Все мимо идущие – обходят стороной, словно могу сорваться с цепи и в один счёт открутить их головы. Скажу, что они правы. Но смешнее то, что это делает мужская составляющая. Женская продолжает строить глазки и глупо улыбаться, как будто одна из них таким способом может растопить проклятую глыбу льда внутри, которую называют сердцем.

Ни одна из них.

В тут же памяти всплывает образ Трикси, который зачем-то сохранился.

Я трясу головой и отправляю его в мусорный бак. Получается неважно, потому что она снова и снова появляется, когда закрываю глаза.

Первым из кабинета выходит ректор, а за ним отец. Оба смотрят на меня, и приходится встать, убрав наушники.

– Мистер Картер, вам чудом повезло, – говорит мужик, но его серо-голубые глаза говорят об обратном. Он спит и видит, как избавится от меня. – Вторая сторона не имеет никаких претензий, но это вовсе не означает, что их не выдвинет университет. Четыре месяца остаётесь после лекций и помогаете в библиотеке.

Я фыркаю, взглянув на отца. Тень улыбки отражается на его довольном лице.

– Это шутка? Я покроюсь пылью и помру от передозировки скукой.

– Каждую неделю жду сочинение по заданной книге, которую для вас подберёт миссис Райт. Вы беспрекословно выполняете любое её поручение. В ином случае грозит отчисление. Я понятно изъясняюсь?

– Ещё бы, – сухо отзываюсь я.

Дортон жмёт ладонь отца, и они прощаются короткими кивками.

Я не жду, когда ректор скроется.

– Дерьмо. Я в дерьме. Обложился дерьмом.

– Считаешь отчисление лучшим решением? – интересуется отец, когда направляемся к выходу.

– Считаю это хренью из всей существующей хрени. Я окончательно двинусь.

– Повеселись там.

– С кем повеселюсь? С правой или левой?

Отец бросает предостерегающий взгляд.

– Ты ничего не скажешь? Не прочитаешь нотацию? Нравоучения? Не поставишь на путь истинный?

– А что я должен сказать?

– Не знаю.

Он останавливается и поворачивается ко мне лицом.

– Тебе двадцать два, а не двенадцать. Это твоя жизнь. Твои решения. Если хочешь отчисления – иди и сообщи об этом. Если хочешь уехать за решетку – иди и добей его. Если хочешь разрушить себя и своё будущее – продолжай в том же духе. У тебя неплохо получается. Ни я, ни Лиз, ни Мэди, ни Эйден, никто не будет мешать. У тебя своя голова на плечах и, если не хочешь жить в дерьме, возьми, черт возьми, за мозги. Ты не маленький мальчик, а я не твоя нянька. Ты вырос и можешь отвечать за проступки самостоятельно так же, как я отвечал за свои. Я уже говорил, что в твоём возрасте стал отцом. Я взял на себя ответственность за жизнь твоей мамы, твоей сестры и твоей. За нас всех. За наше будущее. Я не хотел плыть по течению и стремился поменяться в лучшую сторону. У тебя ещё есть время.

Эти слова способны добить какого-нибудь слюнтяя и подкосить слабака. Но не меня. Я всегда ценил честность. Лучше услышу правду, чем получу нотации о том, как правильно жить, что делать и как дышать.

Он продолжает движение, и я тороплюсь догнать.

– Подожди!

Отец смотрит на меня через плечо.

– Я не буду говорить Лизи.

– Я не об этом. Знает мама или нет – ничего не поменяется.

– Что тогда?

– Спасибо.

– За что?

- За то, что моим отцом являешься ты.
- Я старался, – усмехается он, благодаря чему теплеет на сердце.
- Я не хочу знать о том, как ты старался с мамой.
- Ты сам говорил, что это естественно.
- Да, и вообще-то, это ты говорил. Я не хочу вести речь о сексе между родителями.
- Ладно, вас принёс аист, а Эйдена нашли в капусте.
- Что за нахрен?
- Ты же не хочешь думать, что это был секс.

С неприкрытой насмешливостью смотрю на него, вышагивая нога в ногу.

- Получается, за всю жизнь ты трахался дважды. Вот же дерьмо, старик.

Получаю подзатыльник и смех отца. Мы снова на одной волне, которую я берегу, как зеницу Ока. Мой лучший друг снова мой лучший друг, это ощущение находит отклик в душе и белый платочек, которым смеясь, подтираю слезки радости.

Глава 1

Сентябрь
Мэйсон

– Чёрт, Картер, ты прикалываешься? Тебя где носит?! – бурчит Ди, на что закатываю глаза и отвожу мобильник в сторону.

Парочка зануд.

Друг не останавливается, он продолжает триаду, и я слышу всё, даже когда кладу мобильник на скамейку.

– Твоя сестра в ярости.

– Дай пару минут надеть трусы, придурок, я не могу сверкать яйцами в коридорах. Она переберется, кинь в неё шоколадкой.

– Она уже съела. Не помогло. Я передаю трубку.

Смеясь, сбрасываю вызов, как только в динамике раздаётся шорох.

– Ты всё? – спрашиваю я, когда девчонка поправляет блузку, словно только что не терлась о стену. Выглядит помятой, не поможет утюг, а влажные пятна выдают с потрохами.

– Мы не можем выйти вместе? – хнычет она.

– Нет, сваливай уже.

Она вскидывает подбородок и направляется к выходу.

Провожая её раздражённым взглядом и радуясь, когда иссиня-чёрные волосы не мелькают на горизонте.

Да, секс не всегда помогает снять напряжение. Это было бы слишком просто. Всегда интереснее, когда на покорение вершины требуется чуть больше пяти минут. Сегодняшняя вершина не доходила до колена. Как итог: скучно.

Натягиваю футболку и, словно по волшебству, перед глазами возникает блондинка.

Она бросает чёрную спортивную сумку на пол и снимает толстовку.

Я наблюдаю за происходящим с замешательством и толикой любопытства, благодаря чему золотисто-карие глаза оставляют на мне многозначительный взгляд. Ощущаю дразнящий прилив возбуждения, когда незнакомка смело смотрит на меня.

Соблазнительные пухлые губы в форме сердечка сомкнуты в прямой линии, отчего чувствую себя пустышкой и негодующе хмурюсь, а девчонка собирает белокурые волнистые локоны в небрежный хвостик на затылке, предоставляя возможность подробнее изучить черты лица. Кремовая кожа без изъянов, но имеется едва заметная россыпь веснушек на переносице. Аккуратно вздёрнутый носик, брови с изломом, и одна из них постоянно дёргается, словно задаёт вопрос и одновременно отвечает предложению. От неё веет раздражением, моё же бесследно исчезло, остался интерес. Я уже не помню, что несколько минут назад развлекался в душевых с другой. Вниманием полностью овладела незнакомка.

Она принимает воинствующую позу. Расставляет кулачки по бокам, куда спускаюсь взглядом и ставлю плюсик за подтянутую фигуру.

Она чертовски хороша.

Но ровно до тех пор, пока не открывает рот.

– Долго будешь пялиться? Одевайся и вали.

– Ты перепутала двери, – растягиваю губы в хищной улыбке. – Это мужская раздевалка.

Наградив меня смертоносным взглядом, она игнорирует и стягивает через голову футболку, оставаясь в атласном лифчике нежно-розового оттенка без дотошных бантиков, которые лепят на каждый второй.

Это уже что-то новенькое.

Я оцениваю небольшую грудь, которая легко поместится в ладони, и почему-то прихожу в восторг из-за отсутствия полных форм. Всё естественно и мило.

Мило.

МИЛО.

Я готов рассмеяться от подобных мыслей.

– Сделаем вид, что я ничего не видела, как и ты. Ага?

– Не уверен, – ставлю локоть на дверцу шкафа.

– Тогда скажу тренеру, что ты оскверняешь душевые.

– И что будет? Меня выпорет лично ректор?

– Как минимум, – говорит она и надевает спортивную майку.

– Она носится без лифчика, – учтиво замечаю я.

– Я обязательно прислушаюсь к твоему совету, а сейчас свали, иначе пакуй манатки и вычеркивай имя из списка.

Я фальшиво капитулирую, подняв руки.

– Без проблем.

Тупо, но продолжаю стоять на месте, превратившись в дерево Туле, которое не вырубить топором и не свалить танком. Очень увлекает конечная станция диалога.

– Аллю?! – восклицает крошка, щёлкая пальцами перед моим лицом. – Очнись.

– Могу прикрыть твой тыл.

– Если не заметил, то я не нуждаюсь.

– Я всё равно прикрою.

– Хорошо, – без всякого энтузиазма выдаёт она. – Раздевайся.

Брови взлетают вверх, как и уголки губ.

Охренеть, две с разницей в пять минут.

– Я шучу, придурок. Чисто теоретически, могу переспать с тобой прямо тут. На лавочке или в душе. Не знаю, где ты только что это сделал, плевать. Но не буду.

Все бурные фантазии моментально растворяются, как будто вода сбежала в канализационные трубы и оставила сухой след.

– Мистер-неприятность, вали, – очередной раз, просит девчонка. – Ты слишком надоедливый, Картер.

– Мистер-неприятность? *Картер?* – с недавних пор люблю прикидываться идиотом. – С чего ты взяла что я – это он?

– Как часто пропускаешь удар?

Я опешил.

– Что?

– Понятно. Часто. У тебя на лбу неоновая вывеска и розовые дневники девочек-Братц пестрят твоими фото топлес.

– Твой тоже?

Она остаётся беспристрастной, снова приняв позу строгой мамочки.

– Сотри с лица самодовольную ухмылку и исчезни. Умоляю. Либо захочу поговорить с тренером. Последний раз предупреждаю.

– Когда я стал неприятностью?

– Серьёзно? Ты не знаешь, что говорят у тебя за спиной?

Щёлкаю языком и тут же прикусываю, чтобы не взболтнуть лишнего. Но, кажется, желаемого не получил. Ей действительно не интересно, и это бесит.

Отлипаю от шкафчика и выпрямляюсь в полный рост, превосходя её на голову или даже полтора. Она смотрит на меня снизу вверх, провоцируя крошечную, но довольную улыбку.

– Коротышка, ты думаешь, что я из тех, кто интересуется чужим мнением?

И вновь не получаю ничего.

Где промахиваюсь? Что делаю не так?

– Долго будешь стоять? – раздражается она, склоняясь над сумкой, откуда вытаскивает тайтсы.

Бокс?

Она и бокс?

Хотелось бы посмотреть.

– Хочу досмотреть до конца.

Она поднимается и вынимает пуговицу из петли, стягивая джинсы. На лице нет и унции смущения, словно скидывать одежду перед незнакомцем – привычное дело. Проглатываю слюну, чтобы смочить горло, в котором пересохло. В итоге, джинсы повисают на крючке шкафчика.

Мои глаза жадно скользят по идеально длинным ножкам, над которыми усердно работали и продолжают работать. Чёрные трусики той же ткани, что и лифчик, подчёркивают подтянутую округлую попку, которая отворачивается от меня, но я и перед готов рассмотреть детально.

Стоя передо мной практически голой, на её щеках нет румянца, она не переминается с ноги на ногу, нет смущения. Она остаётся равнодушной и холодной, словно пытается оттолкнуть подобными действиями.

– Достаточно посмотрел или мне покружиться?

– Ещё пару оборотов, – вежливо соглашаюсь я. – Будь так добра.

– Вали, иначе номер тренера добавлю в быстрый набор.

Подхватываю сумку и оставляю на девчонке последний взгляд.

– Думаешь, он сможет помочь?

– Давай, скажи, что я тебя не возбуждаю и сострой морду тяпкой. А потом выйди отсюда, думая, что ты соврал себе.

– Я этого не говорил. Я бы трахнул тебя прямо тут, но дела ждут. Можешь поиграться одна, думая обо мне.

С этими словами, покидаю стены раздевалки.

Смешно, что слышать угрозы вылета из команды, ведь я даже не в ней. Ко всему прочему, о какой команде речь?

Было забавно подчиняться её условиям. И я не врал. Я охренеть, как захотел её. Правда вылетает сама по себе.

Почему мой внутренний радар не засёк её раньше? Она же не могла три года прятаться, а я не слепой. Есть два варианта: она избегала меня или перевелась в этом году. Есть третий: у неё кто-то есть. Но почему-то вариант не воодушевляющий. Если это так, то придётся нехотя отступить. Я уже был тем, с кем скоротали время, повторять не желаю.

Подмигиваю девочкам, когда прохожу мимо, и получаю вздохи, улыбки и перешёптывания. Говорил же: скучно. Не чувствую ни капли возбуждения. А мысленно возвращаясь в раздевалку – одобрительное шевеление ниже живота даёт о себе знать.

– Не прошло и года, – бубнит Ди, когда появляюсь у машины.

– Моя сестра заразила тебя занудством.

– Это не занудство! – возражает Мэди. – Это уважение к чужому времени!

– Ну, так поехала бы одна.

Получаю ледяной взгляд, из-за чего тут же жалею о сказанном. Протягиваю руку и тормозу её плечо, в то время как сестрёнка упрямо буровит лобовое стекло перед собой.

– Я не хотел.

– Наплевать.

Ложь.

Ей никогда не наплевать, это лишь маска.

– Прости, Мэ, – тихо выдыхаю, называя детским прозвищем, которое объединяло нас и наши имена в одно.

– Не называй меня так!

Она сбрасывает мою руку, и я огорчённо падаю на спинку сидения.

Дерьмо.

Я определённо должен следить за языком, особенно когда дело касается Мэди.

День быстро сменяется вечером, как и путь к залу.

Мы доезжаем буквально за тридцать минут, хотя обычно не меньше сорока, при том, успеваем закинуть домой Мэди. Парочка часов в зале не вымотает, это лишь аперитив. Мне нужно больше, гораздо больше. Батарейка в заднице не способна на разряжение. Она закаляется.

Я стучу по груше, рассекаю воздух, тягаю всё, что попадает в руки, встаю на спарринги. И только тогда, когда на ринг выходит Ди – расслабляюсь, позволяю телу получить должную усталость.

– Зачем ты это делаешь? – без веселья спрашивает он, когда уворачиваюсь от удара.

Карие глаза на фоне загорелой бронзовой кожи выглядят зловеще. Испанские корни не остаются незамеченными. Ни стоит воспринимать его за весёлого чувака с кастаньетой. Когда-то Сид хотел задеть его, потому что чувствовал равного противника, а, возможно, превосходящего. Он с треском пролетел. Слился с поверхностью ринга. Ди не кажется плюшевым мишкой, он читается за секунду и шутки с ним порой вредят исключительно тебе. Мне нравится, что за его спиной не видно Мэди. Он защищает её от всех. И от меня в том числе. Мне тоже прилетает. Это первое, что ценю, почему не лезу в их отношения и не занимаю позицию против.

– Что? Не получаю в пятак?

Безусловно, понимаю, о чём речь, но разбавляю гнетущую атмосферу.

– Обижаешь её.

– Я не хотел, вырвалось случайно.

– Считаешь себя правым?

– Нет.

– Тогда извинись. Мы ждали, пока ты развлекался.

– Я был на тренировке.

– Ты трахался в душе. Держишь меня за идиота?

Вздыхаю и опускаю руки.

Конечно, он знает меня. По крайней мере, часть меня или моей природы.

– Дерьмо.

– В следующий раз предупреждай, – ровным тоном произносит Ди, сняв перчатки и разматывая бинты.

Молча киваю и принимаю его слова, которые не имеют схожести с упрёками. Слегка пихаю в плечо, и один уголок губ друга поднимается. Он отпустил недопонимания, а я получил своё успокоение. Он важен. Но главное, что он очень важен для Мэди, я не имею право вмешиваться и ломать их отношения.

Переодеваюсь и покидаю раздевалку вслед за Ди. И когда мы проходим мимо приоткрытой двери, улавливаю знакомый голос.

Смех отца разносится по полупустому залу, в котором обычно бегают по кругу или проходят групповые тренировки. Желудок сжимается, когда в голову врежется самая хреновая мысль за всё то время, которое его знаю. То есть, за всю жизнь.

Чуть приоткрываю преграду в виде двери и нахожу глазами отца и Люка. Позволяю облегчению вырваться со вздохом.

– Привет, мелкий, – улыбается Люк, найдя меня в проёме.

Отец тоже поворачивает голову.

– Пока принесу бумаги, – кивает его тренер, удаляясь из зала, и похлопав меня по плечу, переглядывается между мной и Ди: – Как жизнь, парни?

– В самом соку, – отвечает за нас Ди.

В принципе, не могу отрицать. Друг глаголет истину.

Люк скрывается за одной из дверей в коридоре, а я устремляю взгляд к отцу.

Поверить не могу, что подумал о всяком дерьме. Он всегда смеётся. Темная сторона меня просыпается довольно часто. Она портит мне жизнь. Недоверие – разве есть что-то похуже? Думаю, да: человек, который стал причиной вечных презрений.

– Вы вдвоём?

– Втроём, – усмехается отец, но тут же задумывается и, скребя подбородок, указывает на пустое место рядом. – Забыл представить. Бо.

Видя наши обескураженные лица, он кивает подбородком.

– Я не говорил о своём воображаемом друге детства? Странно.

– Шуточки, – иронизирую я.

– Не задавай тупые вопросы и не получишь тупые ответы.

– Где мама?

– Дома, если полагать.

– Ладно.

– Мне надо в туалет, – вмешивается Ди. – Тебя ждать?

– Да.

Получаю кивок, и друг удаляется в противоположную сторону от той, куда ушёл Люк.

Брови отца встречаются на переносице.

– И что это было? – данный суровый тон не терпит язвительные ответы.

– Ты о чём?

– Не делай дебилский вид.

– Я ничего не делаю.

– Не смей даже думать об этом.

– О чём?

– Сам знаешь.

С этими словами, он подбирает бинты с пола и приступает наматывать на кисть, не желая смотреть в мою сторону.

Отлично, я только что обидел второго члена семьи. С этим что-то нужно делать, в ином случае будет комбо, о чём подумать тошно. Он, как и Мэди, может видеть меня насквозь, но не знает, что действительно было. И я, черт возьми, никогда об этом не скажу. Он убьёт за свою дочь, и уверен, за меня тоже, хотя последнее не требуется. Я сам готов разорвать на части. На кривую дорожку не ступил только благодаря сестре.

Перевожу дыхание.

Извиняться хреново. Очень хреново. Для раскаяния нужно переступить через гордость, а во мне её выше крыши.

– Ты же любишь маму.

– Люблю, – кивком соглашается отец.

– И ты никогда... никогда не изменял ей, так?

– Так.

– Не строй из себя обиженного, ты же понимаешь, почему я могу подумать не о Люке, а о ком-то другом.

Отец поднимает голову, и каменное выражение говорит о многом. Спустя мгновение, черты приобретают прежнюю беспечность и мягкость.

– Что происходит?

– Всё в порядке.

– Не верю ни единому слову. Ты знаешь, что можешь поговорить со мной обо всём. В чём проблема сейчас?

– У меня нет проблем.

– Ладно, бесполезно.

Поджимаю губы и сглатываю ком. Некоторое дерьмо колеблется в горле, если не поделюсь с кем-то, просто-напросто взорвусь.

– Как насчёт позаниматься завтра? – предлагаю я.

– Без проблем. Встретимся в шесть.

– Нет, не тут. Завтра в центральном парке. Вдвоём.

– Хорошо.

– Спасибо, – говорю я, собираясь уйти, но останавливаюсь. – Что за девчачьи шорты? Подарю тебе на Рождество мужские.

– Себе подари, засранец, – смеётся он, сверкнув тёмно-кариими глазами. Напряжение моментально сменяется беспечностью.

– До завтра, поцелуй за меня маму.

Губы отца растягиваются в широкой улыбке, как будто свалил с ног армию и не получил и царапины.

– Поцелую.

Закатываю глаза и, игнорируя его насмешки, покидаю стены зала.

Нахожу Ди в машине, который, кажется, отрубился, пока меня не было. Я едва держу смех из-за слюны, которую он решил пустить по подбородку.

Резко шлепаю ладонью по стеклу с водительской стороны, и он подскакивает на месте, а я заливаюсь смехом.

– Придурок, ты напугал меня! – недовольно ворчит Ди, а я приземляюсь на пассажирское кресло.

– Нехер спать, смотри в оба и держи защиту.

– Это ты мне говоришь о защите? – улыбается Ди, выезжая с парковки.

– Забери камень из моего огорода, иначе кину два в ответ.

Резко вскидываю руки и ставлю перед лицом защиту, потому что Ди решил проверить теорию на практике.

Я игриво шевелю бровями.

– Чистое везение, – хохочет он.

– А мне кажется, что это просто хорошая реакция и отличное владение боевыми искусствами.

– Заткнись, – получаю кулаком в предплечье, но не даю ответ, чтобы машина не съехала с полосы и по доброте душевной не вытянула из кошелька деньги на ремонт той, в которую въедет.

– Она всё ещё дуется на меня? – с осторожностью спрашиваю я.

– Ты же знаешь, что она хочет, но не может. Тебе повезло. В следующий раз следи за языком.

– Из меня хреновый брат.

Ди бросает в мою сторону беглый взгляд.

– Нет, ты не контролируешь агрессию. А следует.

Жму плечом и скольжу ладонями по лицу. Последнее время, из меня действительно никудышный сын, хреновый брат и скверный друг. Это понятно по сегодняшнему дню.

– Так и? – продолжает Ди.

– Что?

– Ладно, забей.

Поджимаю губы и окидываю его взглядом.

Не знаю, почему, но такое чувство, что он всё знает. Наблюдаю, как белеют костяшки его пальцев, и смотрю на свои. Ничего нового: мои в точности такие же.

– Я не хочу говорить об этом, – хрипит Ди, как будто предвидит мой вопрос.

Молча киваю и смотрю перед собой, борясь с пеленой перед глазами.

От былой усталости не осталось следа, я снова хочу убивать или что-нибудь сделать. И когда Ди подъезжает к жилому комплексу, пулей вылетаю из машины, прощаясь практически на бегу.

Цифры на табло в лифте молниеносно сменяют друг друга, а нужный этаж остаётся где-то внизу. Выскакиваю на самом последнем и, озираясь по сторонам, проскальзываю к лестнице. Игнорирую таблички «вход запрещён». Я прохожу их тысячный раз, и пройду тысячу первый.

Прислоняюсь бедром и подталкиваю дверь, резко дёрнув металлическую ручку вниз. Если для её открытия нужен ключ, то легко обхожусь.

Бросаю сумку по пути и расставляю ладони по кирпичной перекладине, смотря вниз с высоты птичьего полёта.

В голове моментально всплывает образ блондинки из раздевалки, но, когда закрываю глаза и выдыхаю, он испаряется и на смену приходит другой: той, что одновременно ненавижу и люблю, помню и хочу забыть. Ненавижу это чувство пустоты, которую вынужденно пытаешься заполнить любым увлечением.

Воздух чист, в отличие от сознания. Тут, наверху, чувствую себя лучше. Как будто это единственное место, не считая родительского дома, может успокоить и выбить всю дрянь из головы, оставляя после себя чистоту и умиротворение.

Перед глазами расстелился целый мегаполис, тёмные уголки которого хранят множество секретов. Этим мы похожи: внутри меня дюжина подобных мест. Они издают протянутые мерзкие звуки, заглушить которые можно лишь несколькими способами. Один из них был использован меньше часа назад, а другой лежит в кармане, с сообщениями от неизвестных номеров. Я не сохраняю ни один. Сохранить – значит выделить полочку внутри. Но они всего лишь массовка, а в моей жизни для неё не осталось мест. Я выжег все кресла вокруг сцены, где я – главный герой. Зрителей не будет. Лишних не будет.

Глава 3

Трикси

– Мам, прошу тебя, пожалуйста, – тихо молю я.

– Знаю, милая, но решать вовсе не мне. Я подчиняюсь приказам, – её голос мягкий и пронизан грустью. – Приеду, как только смогу.

– Хорошо, – это всё, что могу ответить, ведь она далеко только ради меня.

– Я люблю тебя, помнишь об этом?

– Да.

– У тебя всё хорошо?

– Всё прекрасно.

Через динамик разносится её тяжёлый вздох.

– Ты говоришь так, чтобы я была спокойна?

– Всё действительно хорошо, – заверяю я. – Привыкаю к городу, часовому поясу. Ко всем переменам.

– Ладно, постараюсь вырваться. Я должна идти.

Выдаю бульканье в виде согласия и сбрасываю вызов, потому что мама не сможет сделать это первой.

Моральная сила перешла ко мне от папы, который покинул нас пять лет назад, получив смертельную пулю в Афганистане. Не знаю, как маме удаётся служить в вооруженных силах, если её выдержка толщиной с хрупкую нить, в то время как моя и папина – с канат. Так устроена моя жизнь, мой мир. Она – это всё, что у меня осталось.

Всю жизнь метаться между штатами, чтобы быть ближе к ней: так выглядит мой путь. Сменить десяток школ, пару университетов. Нью-Йоркский стал третьим. Тут должна выжать последнее и получить диплом, конечно, если её вновь не переведут. Проще было остаться в Луизиане и завершить обучение там, но остаться одной – перспектива не самая привлекательная. Тяжело заводить друзей, когда знаешь, что не останешься на одном месте надолго. До шестнадцати лет я позволяла людям войти в жизнь, сохранить о себе воспоминания и общие моменты, но это касалось друзей, а не любви. Её до чертиков боюсь и остерегаюсь. Покидая вновь приобретённый дом – отпадает кусочек пазла. Я уже не могу его отыскать, он теряется в прошлом и там остаётся. Моя жизнь – мозаика, и пазлы в ней частично отсутствуют, не представляя полную картинку. За спиной рушатся мосты, отрезая обратный путь. После очередного переезда в начале второго курса, я окончательно разорвала всякие связи с людьми, не желая подпускать кого-то ближе мили, а сосредоточилась на учёбе. Мой друг – моя мама, остальные испарились, словно их и не существовало. От них больше нет сообщений. Нет звонков. Ровным счётом ничего. Словно мы никогда не присутствовали в жизнях друг друга. Я – не та, кто будет напоминать о себе, страшась одиночества.

Собираю остатки самообладания и поднимаю голову, прокладывая путь к университету.

Телефон подаёт сигнал о новом сообщении, на экране всплывает уведомление: «Я только что совершила невозможное». Лёгкая улыбка трогает уголки губ.

Джен – моя интернет-подруга. Но не та, что рядом, а та, кто нашлась в сети. Кроме мамы, есть она. Получается, я не так асоциальна?

Наше общение растянулось в четыре года, и за всё это время мы не виделись. Наверное, иметь хоть какого-то друга помимо мамы тоже неплохо, даже если это друг по переписке. Её жизнь вовсе не похожа на мою, мы словно инь и янь, но это сблизжает. Одинаковые люди не открывают друг для друга новые грани, в то время как разные показывают мир своими глазами.

Джен пропустила половину семестра прошлого года курса высшей математики из-за нежелания *копаться* в цифрах, но каким-то чудом пересдала сейчас. Набираю быстрое: «Это невозможно» и отправляю. Она не теряется, тут же всплывает следующее: «Да». Смеюсь и отправляю ей поднятую ладонь, мысленно отсалютовав пять. Джен делает то же самое. Несколько тысяч миль не кажутся таким большим расстоянием, если вам интересно вместе.

Убираю мобильник в карман без того узких джинс и тянусь к массивной дверной ручке, но как только кладу ладонь на холодный металл, кто-то рискует жизнью, останавливая движение за локоть.

Устремляю взгляд к самоубийце и натываюсь на тёмно-карие глаза. Очень хорошо знакомые глаза, несмотря на короткое знакомство, которое хотела избежать. Так уж вышло, что сомнительная слава парня шагает впереди него. Он смотрит на меня так, будто должна броситься на шею с восторженным визгом, что практически невозможно.

– Я должен извиниться, – его глубокий голос делает все грязные вещички в фантазиях девочек-подростков с пустой головой. Моя, отчасти, тоже пуста, ведь флюиды Картера могут уложить к ногам целый штат. Притяжение к нему работает и на мне, но не так, как с другими. Странно знать о человеке всё из трёпа девочек в раздевалке. Кажется, без подобного парня не существует ни один университет или школа, а то и вселенная. Не будь таких – система могла дать сбой.

Дёргаю рукой, тем самым, избавляясь от прикосновения, и всё же открываю дверь.

– Мне не нужны *твои* извинения. Это всё?

– Может, проявишь хотя бы немного вежливости и дослушаешь?

Он следует за мной по протянутому коридору, заполненному студентами. Нью-Йоркский – это муравейник с бесконечным движением, где никогда не бывает безлюдно.

– Нам не о чём говорить. Мы обоюдно попросили друг друга отвалить, не думаю, что это сложно.

– Я не извиняюсь дважды.

– А я не ждала и первого. Ты помог мне, я помогла тебе. Мы в расчёте.

Заворачиваю за угол и ненароком смотрю туда, где только что шёл этот парень, но не обнаруживаю его на горизонте. Тем лучше. Надеюсь, он действительно не извиняется и не подходит дважды.

Какой черт дёрнул проследовать за ним? Теперь чувство вины гложет ещё и меня, ведь длинный язык того парня помог довести Картера до крайней точки, если, конечно, это был его предел. Не думаю, что каждый может сорваться с цепи, когда про незнакомого человека что-то скажут. Хотя, сомневаюсь, что могу сдержаться и не защитить кого-то от беспочвенных нападков. Конечно, не стала бы прибегать к физической расправе без нужды, но словесно дам отпор. Я делаю успехи, ведь за неделю из-за меня кто-то пострадал. Но не скрываю: приятно чувствовать себя защищённой, даже если это было не ради меня, а ради выброса эмоций.

В течение нескольких часов, перевоплощаюсь в губку и жадно впитываю все знания, которые дают профессора. Для перевода требовалась сдача разницы. Даже небольшие различия в предметах несмотря на одну и ту же программу, приводили к тому, что нагоняла и подтверждала знания, каждый чёртов раз в школе и университете.

– Ты не могла бы помочь? – шепчет женский голос, на который тут же перевожу взгляд и встречаюсь с ярко зелёными глазами с крупными голубого.

Яркая футболка ядовито-розового цвета выделяет её из серой массы, небрежный пучок на голове из кудрявых рыжих локонов, чёрные лосины чуть ниже колен и такие же шлёпанцы. Не могу не улыбнуться, потому что ногти на руках и ногах девушки выкрашены в салатный.

– *Помочь?* – разве что по стилю, но это довольно забавно. Я редко встречаю людей, которые не боятся выделяться.

– У меня села проклятая батарейка, ничего не сохранилось.

- Без проблем, – соглашаюсь я. – Могу скинуть на почту.
 - Спасибо. Ненавижу эту дряхлую штуковину, лучше бы писала от руки.
 - Тут ты хотя бы можешь попробовать восстановить файлы, а если утонут бумажки, плакали твои конспекты.
 - Ты права. В любом случае, спасибо.
- Девушка протягивает мне помятый лист, на котором написала адрес электронной почты и благодарно улыбается.
- Кортни, – представляется она, и я тут же думаю, что это плохое развитие сюжета, но невежливо грубить.
 - Это имя тебе совершенно не подходит, Кортни, – тихо смеюсь, потому что так обычно зовут девчонок, которые не знают о существовании обуви на плоской подошве и о том, что спать с макияжем вовсе не обязательно. Но всё же приветливо улыбаюсь: – Трикси.
 - Мне всегда так говорят, Трикси. Приятно познакомиться.
- Если маму переведут вновь, наше знакомство будет недолгим и не самым приятным.*
- Взаимно.
 - Спасибо, не все согласны выручить.
 - Мне не жалко. Не думаю, что стучать по клавиатуре слишком сложно.
 - Вовсе не сложно, сложнее слушать эти занудные лекции, – хмыкает она.
 - Твоя правда. Теперь это имя подходит тебе больше.
 - Почему?
 - Девушки с твоим именем вряд ли интересуются научными статьями.
 - Девушки с твоим именем сейчас спят после жаркой тусовки в одном из братств.
- Я издаю смешок.
- Не исключено, что с твоим тоже.
 - Скорей, они отхватывают самого сладкого мальчика и сейчас их с позором выводят из дома, вешая лапшу на уши.
 - Что тогда делают с моим?
 - Пользуются их мозгом в паху и бросают сразу после секса, – предполагает Кортни.
 - Перспектива подцепить букет из венерических заболеваний не самая воодушевляющая.
 - Как на счёт пяти видов хламидий? Разве не возбуждает?
 - Почитаю об этом перед сном.
 - Философские мысли, как спонсор бессонницы?
 - С этим сталкивается каждый. Последний раз я задумалась, откуда появились дробы, и кто их придумал.
 - Узнала? – звонко хохочет она.
 - О да. Первые понятия появились в Египте.
- Её аристократически вздёрнутый нос морщится.
- Ты серьёзно это читала?
 - Мой пылкий мозг не мог отпустить тему до тех пор, пока не закончилась статья.
 - Тоска смертная.
 - Знаю, зато спалось сладко.
- На этом диалог завершается точно так же, как и лекция.
- Когда ноутбук проваливается в рюкзак, а следом за ним телефон, моя соседка настырно съёт свой и не может утрамбовать в сумке, удивляя спешкой.
- Эй, ты сейчас понесёшь его в руках, – говорю я, останавливая её безуспешные попытки.
 - Терпеть не могу её, но не могу дойти и купить новую.
- Я помогаю, оттянув боковые ремешки, чтобы штуковина вошла на положенное место, но замочек уже не сходится из-за разных размеров в высоте.
- Не суетись и всё получится.

– Опаздываю на смену, – ворчит она. – Ненавижу это.

Я поднимаю голову и вопрос повисает в воздухе.

– Ежедневно видеть заносчивые лица, – она читает меня с полуслова.

– Так уволься.

– Не могу, нужны деньги на обучение и на съём квартиры.

– Как на счёт переезда в кампус?

– Если кто-то любезно решит освободить кровать, то с удовольствием соберу манатки и буду там через час.

С этими словами, она торопится к выходу, выкрикивая слова благодарности. Смотрю вслед сумасшедшей рыжеволосой девушке и качаю головой.

Торопыги такие забавные, особенно Кортни: та, которой совершенно не подходит собственное имя.

Плетусь к выходу и радуюсь солнечному дню, которому абсолютно не возрадуется Дракула.

Знаю, придя в кампус, вновь засяду за учебники, а выполнив все задания – уйду в сериалы. Вариант с работой не кажется плохим, дабы занять свободное время с пользой. Кроме того, мама не загребает деньги миллионами, оплачивая всё на свете. После смерти папы, доходы сократились, но это не то, что волнует. Будь он рядом, без раздумий дам согласие жить в коробке из-под телевизора, лишь бы ощущать ту заботу, тепло и любовь. Мама старается вдвойне, словно считает себя обязанной. Мы обе понимаем, что его никто не заменит.

Глава 4

Мэйсон

Это должно превратиться не иначе, как в пытку. Но интуиция подсказывает, что заточение в данном месте слишком сладко называть пыткой. Это преисподняя, куда меня доставили на блюде с золотой каймой. Четыре месяца или сто тринадцать дней, которые, клянусь Богом, сделают из меня чучело, а то и скелет, покрытый пылью в самом дальнем уголке библиотеки.

Кто, вашу мать, все эти люди? Им говорили, что всё давно переведено в цифровой вариант? Что за мезозойский период? Может, сейчас из-за угла выглянет гигантораптор или на голову сядет птерозавр? Собственно, это практически происходит, потому что, сделав шаг, из-за стеллажа на меня буквально налетает им подобная.

Отшатываюсь от чудо-создания и окидываю взглядом, в котором более чем понятно моё отношение. Волосы заплетены в тугую косу, которая практически делает из разреза европейских глаз – азиатский; сжимая в руках книгу, она хлопает хрустальными голубыми глазами, словно увидела приведение. Нижняя губа начинает дрожать, и я ещё не успел открыть рот. Обхожу её стороной. Не хватает того, чтобы какая-то девчонка совершила из-за меня суицид на почве испуга. Я даже не понял, чего конкретно она напугалась: неожиданности или лично меня, но выяснять нет желания.

Подхожу к стойке и наблюдаю за женщиной, лениво шлепающей печатью по книгам.

Этим займусь я?

Вот же дерьмо.

– Мистер Картер, – причмокивая, говорит она, подняв голову и впиваясь в меня глазами болотно-зелёного оттенка. Да, я однозначно повеселюсь с женщиной преклонных лет.

– Мистер Картер? Вы меня с кем-то путаете, – отпираюсь, используя самый лёгкий вариант для бегства.

– Меня предупреждали о вашем высококлассном чувстве юмора.

– Вы меня с кем-то путаете.

– Вряд ли у вас есть брат близнец, полностью идентичный вам во внешности и характере. Ох, Эйден, подкачал с возрастом и внешностью. Мэди тоже могла бы уродиться братом. Выдыхаю и принимаю поражение.

Попытка не была пыткой, я хотя бы что-то предпринял.

– У вас нет частичной потери памяти? – интересуется она.

– Я бы очень этого хотел, и сейчас не пришёл сюда по уважительной причине.

– Да, всё в точности, как и говорил мистер Дортон.

– А что он говорил? – покладисто любезничаю я, желая вытянуть каплю информации.

– Что у вас потрясающие навыки манипулирования и отменное чувство юмора.

– Я хорош, – соглашаюсь кивком.

– К сожалению, это всё, что вы можете.

– Да? А разве вам не рассказали о моей ловкости, прозорливости, хитрости, красоте и превосходном владении боевыми искусствами?

– Это я знаю без предупреждений ректора.

– Я могу поинтересоваться о том, кто доложил такие тонкости моего характера?

– Любители шептаться слишком громко, – отчеканивает она. – Ваше воспитание говорит лишь о том, что вы капризный, избалованный, ветреный и глупый.

– И как я, такой глупый, доучился до третьего курса?

– Благодаря спонсорским взносам вашего отца и представлением университета на спортивной арене.

– Вы забыли ещё кое-что.

– Разве?

– Да.

– А, по-моему, это все ваши способности. На большее не претендуете. Роль весёлого дуручка приходится по вкусу, хотя в вашем возрасте это время давно пора перерасти.

– Вы забыли о моей хитрости.

– И в чём она заключается?

– В том, что я могу хитрить со своей проплешиной в голове. Вдруг за образом *весёлого дуручка*, прячется тот, кто далёк от этого звания?

– Пока все ваши поступки говорят о моей правоте. Докажите обратное, мистер Картер, но на сегодняшний день правда на моей стороне.

Поднимаю уголки губ и кладу ладони на столешницу, смотря в её глаза.

– Мы живём в то время, когда никто ничего друг другу не должен, и тем более доказывать. С каких пор меня должно заинтересовать мнение постороннего человека, имя которого мне неизвестно? Не припомню, чтобы были какие-либо стандарты, по которым должен проходить отбор в ту или иную категорию людей. Возможно, обязан что-то себе, где-то семье, но запомните: я не обязан что-то доказывать другому. Мне равным счетом плевать, кто и что обо мне думает. Я сойду с ума, слушая мнение каждого о том, каким должен быть, равным счетом, как и вы. Родители учили меня быть собой. Я придерживаюсь данной позиции всю жизнь. И если вам или кому-либо ещё не нравлюсь, то предлагаю просто забыть моё имя и продолжить жить дальше, потому что, думая обо мне, вы делаете хуже себе. Я не навязываю свою дружбу и общество абсолютно никому. Каждый в этой жизни проходящий и уходящий. Так что будьте добры, вытирайте ноги и входите, либо закрывайте дверь и проваливайте, потому что я не побегу.

Кажется, на какой-то миг в её глазах вспыхивает интерес. Женщина подхватывает очки и изучает меня через диоптры, как будто так сможет разглядеть душу и сердце.

– Думаю, я объяснился вполне доходчиво. Да, кстати, забыл сказать, что ненавижу ложь, поэтому не собираюсь радоваться своему пребыванию тут и уведомляю об этом вас. Я не фанатик литературы.

– Честность – одно из лучших качеств в человеке.

– Получается, с ваших слов, во мне есть хоть что-то хорошее.

– Вполне возможно, если вы не пытаетесь ввести меня в заблуждение и выдать недостаток за добродетель.

– У нас будет время проверить.

Она кивает.

– Можете обращаться ко мне миссис Райт, и я буду руководить вашей работой тут.

– Я в курсе, – без особого энтузиазма, буркаю я. – Моё имя Мэйсон, но я предпочитаю мистер Картер.

– Желаете добавить что-то ещё?

На ум тут же приходят разные предложения с сарказмом и иронией, но портить отношения и делать свою последующую жизнь в этих стенах ещё хуже – не тороплюсь. Лишнее слово и каждая секунда тут превратится в кромешный ад.

– Как вариант, можете называть Великолепный. К примеру, мистер Картер Великолепный.

– Не высока честь? – клянусь, на губах женщины тень улыбки.

– Подстать мне. Но, так уж и быть, можете звать меня просто Мэйсон. Делаю скидку.

– Как любезно с вашей достопочтенной высоты, *Мэйсон*.

– Не благодарите.

Она поднимается на ноги и, полагаю, сейчас будет экскурсия.

Ветхий запах книг и бумаги витает в воздухе. Деревянные стеллажи больше похожи на лабиринт, откуда можно не выбраться, счастье, что у меня нет картографического кретинизма. Паркет под ногами в некоторых местах сменяется ковролином, от чего кажется, что хожу по газону. Чертовски унылое место для вечеринки и отличное, чтобы помереть.

За длинным протянутым столом свободных мест меньше чем занятых, что, безусловно, удивляет. Неужели кто-то любит всю эту бумажную волокиту? Но я забываю все недопонимания, когда разглядываю пару тройку девочек подстать моему вкусу. И, черт возьми, каждая из них смотрит на меня. Плохой мальчик становится хорошим, как пропустить зрелище?

Одной лукаво подмигиваю, второй обольстительно улыбаюсь, на третьей оставляю многообещающий взгляд и так по кругу. Каждая из них реагирует улыбкой, а это верный знак на согласие. Неважно, что предложу, они возьмут всё. Стоит только открыть рот и бросить несколько сладких речей, как последний клочок ткани упадёт на пол.

Отворачиваюсь и чувствую любопытство затылком до тех пор, пока не скрываюсь за поворотом.

– Расставьте данную секцию в алфавитном порядке, проверьте бирки и сделайте влажную уборку, – говорит миссис Райт, взяв одну из книг и показав мне карточку на первой странице.

Книга возвращается на место. Женщина приглаживает непослушные кудрявые локоны русым оттенком и окидывает меня самым суровым взглядом, который, конечно, не способен повлиять.

– Ведро и тряпку можно найти в кладовой.

Она удаляется в обратном направлении, оставляя меня в одиночестве, где готов завывать.

Мобильник появляется в руках, следом пишу сообщение отцу: «Лучше бы меня отчислили». Клавиша отправить, и я вновь набираю следующее: «У тебя когда-нибудь был секс в библиотеке?». Не знаю, хочу ли знать правду, но уже поздно удалять то, что было прочитано.

Отец не заставляет себя ждать.

Его короткое *нет* и моё ответное: «Получается, я снова тебя сделал. Должно быть, обидно». Я буквально слышу смех и то, как он качает головой.

Перед глазами возникают женские туфли, на которые переключаюсь и скольжу взглядом вверх по загорелым ножкам.

Юбка-шотландка выше колен уже нравится, как и стройная талия. Миловидное личико, на котором полные губы и большие блестящие зелёные глаза. Она смущённо заводит белокурые локоны за уши и улыбается.

Я знаком с женскими штучками. Каждый жест для привлечения внимания, скромностью не пахнет. Фальшиво и глупо.

Убираю мобильник в карман и ставлю локоть на полку стеллажа, проникаясь интересом.

– Привет, – растягивает незнакомка. – Чем занимаешься?

– Хочу найти уборную, – показываю одну из отточенных улыбок, зная, что в ней нет необходимости. Рыбка уже на крючке.

– Я знаю, где это.

Я протягиваю руку и завожу вновь выбившиеся локоны, отрезая всякие пути назад. Вполне возможно, ошибался на счёт смертной тоски в этом месте. Всё поправимо.

– Буду благодарен, если покажешь дорогу.

Она замороженно кивает и, клянусь, делает небольшой шаг навстречу. Но быстро понимает, что идти нужно не ко мне, поэтому зазывает рукой, предлагая проследовать за ней. Это я и делаю: иду за ней.

Стены библиотеки остаются позади, а коридоры пусты, словно вся вселенная идёт на уступки.

Рука девчонки *случайно* задевает мою и, ставлю на кон сотню баксов, что не с проста. Это приглашение. Принимаю условия её игры, которые легко подстрою под себя и пальцами про-

бегаюсь по позвоночнику спутницы. Её ресницы трепещут, а губы приоткрываются, выпуская томный вздох. Прерывистое дыхание услышат на другом конце города.

Так быстро?

Первый пустой проём между стенами, который по непонятной причине сделал архитектор, хотя, возможно по вполне понятной, как минимум для меня.

Зрачки девчонки расширяются, когда она искоса смотрит на меня.

Сигнал принят.

Подталкиваю её в проем и прижимаю к стене, скользнув под тонкий материал блузки. Она закидывает голову на моё плечо и нервно сглатывает, отвечая смелостью, когда заводит руки и ведёт по моим бёдрам. Дьявол, а она не промах. Прокладываю дорожку поцелуев по нежной коже на шее, заставляя её дрожать и издавать сдавленные стоны. Пробираюсь под ткань лифчика и щипаю за сосок, отчего она оттопыривает попку и прижимается к моему члену. В таких местах главное не медлить и не растягивать прелюдия, поэтому задираю юбку, пока её хозяйка извивается и прижимается плотнее, и кусаю за мочку уха, скользнув по внутренней стороне бедра. Громкий стон, срывающийся с её губ, отзывается в паху, и я достаю презерватив из кармана.

– Будь тихой, – предупреждаю, и она отрывисто кивает.

Не понимаю, её заводит общественное место, я или же она всегда возбуждается по щелчку пальцев.

Будучи спиной ко мне, её нетерпению можно позавидовать, потому что не приходится растёгивать пуговицу и ширинку. Всё делается за меня и за долю секунды.

Всё прекращается, как только ушей достигает топот ног, затихающий рядом.

Проклятие!

Я поворачиваю голову, и впервые задумываюсь о перекуре. Сигарета как никогда кстати.

Охренеть, в каком я дерьме!

Глаза ректора готовы метать молнии, а я разочаровано вздыхаю.

Как всегда, вовремя. Девчонка испаряется, как будто в сие веселье участие принимал в одиночестве. Ничего удивительного.

– Картер! – его взбешённый громкий тон услышат на Аляске.

Испепеляя меня взглядом, Дортон, вероятно, ждёт оправдания, извинения, чего не спешу делать. Оправдываться? К чему это? Он не слепой.

Лениво привожу себя в порядок, а красные пятна на его лице сливаются в единое целое. Моё равнодушие и непринужденность оказывают пагубное влияние.

– Упс? – предлагаю я, подавляя улыбку. Пункт «секс в коридоре университета» почти завоевал галочку.

– Вы должны быть в библиотеке! – рычит он.

Слышали о чуде? Так вот, оно случится, это если отец не убьёт меня. На второй день после первого выговора смог вляпаться по новой.

Готов поспорить, мужика трясёт от кипящего гнева. На шее пульсирует вена, а желваки играют на дряхлой коже. Губы сложены в ровную полоску, похожую на бритву, которой можно полоснуть на смерть. Я люблю испытывать судьбу.

– Я там был. Мне поручено провести влажную уборку.

Влажную.

Да я одной ногой в гробу.

В глазах Дортона лопаются кровеносные сосуды, а из ушей вот-вот повалит пар.

– Вы знаете о стадиях? Отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие? Знакомо?

Едва могу обуздать смех, видя отливающую кровь от его лица.

– Вы на стадии гнева, – объясняю ему. – Пора перейти к торгу и заключить сделку с самим собой: я не изменюсь. Ваши методы воспитания не работают. Уже три года терпят крах, не пора ли сдаться? Конечно, депрессия будет, но недолго, потом настанет приятное: принятие.

– Картер! – ядовито шипит он, явно сдерживая желание совершить убийство.

– Предлагаю альтернативный вариант. Я – хороший мальчик, который является спортивным лицом университета. Наблюдатели уже увидели мою покладистость и спят спокойно. Не морочьте голову себе и мне. Тут я являюсь тем, кем являюсь на самом деле.

– Вы предлагаете терпеть ваши выходки?!

– Кого это волнует, кроме вас?

Ректор начинает пыхтеть.

– Подумайте над моим предложением.

Усмешка расплывается на губах, и я без полученного разрешения отклоняюсь в сторону кладовой, путь к которой известен без помощи. Это была игра, которую она хотела.

Нахожу кладовку и подготавливаю всё для задания, которым меня торжественно наградили в библиотеке.

Для меня нет правил, а если есть, то только одно: никаких правил. Я беру от молодости каждую каплю удовольствия. Насрать, если кто-то считает подобное дикостью. Обязательно послушаю таких людей в старости. Скорее всего, максимум испытанного ими адреналина будет заключаться в воровстве конфетки из супермаркета. Просто уссаться кипятком.

К счастью, по пути присоединяется пятерка девочек, вожделеющих и пускающих слюни на футболку. И это только на руку.

– Мы можем тебе помочь, – говорит уже третья из них.

– Да, – кивком подтверждает та, что предложила до неё.

– И что мне за это будет?

Пятёрка переглядывается между собой, и их тупости можно только позавидовать. Это я должен быть обязанным за услугу, а не они, хотя, добровольное вмешательство не требует обязательств. Они предложили – я согласился. Занавес.

– Мы будем помогать тебе каждый день, – предлагает блондинка.

– Без проблем. С двух я тут в вашем распоряжении, – добавляю к словам улыбку и мой мини-клуб выпускает вздохи.

Чёрт возьми, насколько же тупо.

Пятёрка подхватывает тряпки и начинает шелестеть по полкам, пока я в своё удовольствие наблюдаю за их работой, припав к одному из стеллажей. Сообщаю, что попутно нужно проверять наличие карточек в книгах и расставлять их по алфавиту. Я возлагаю огромные надежды, что они знают его в правильном порядке, но в печальном случае могу напеть мотив детской песенки.

Наверное, бесконечно можно смотреть на огонь, воду и то, как кто-то выполняет работу за тебя. А в особенности, если это касается пятерых хорошеньких девочек в коротеньких юбках из фантазий девственника или порнофильмов. Мне требуется только улыбаться и наблюдать за происходящим.

Это удивительно, просто, мать вашу, удивительно.

Делаю снимок и отправляю Ди, подписав: «Работа кипит». Друг лишь отвечает эмоджи, который закатывает глаза, но следом от него приходит большой палец вверх. Что ж, первый ответ наверняка принадлежит моей сестре. Эту же фотографию пересылаю отцу, и он тоже не заставляет себя ждать. Издаю смешок, когда читаю ответ: «Засранец».

Не успеваю опомниться, как на горизонте возникает миссис Райт.

Суровый взгляд скользит по квадрату и встречается с моим. Но когда рядом с ней возникает никто иной, как Трикси, мои брови подпрыгивают.

– Мистер Картер, что тут происходит?

– Вы всё ещё считаете мои навыки манипулятора прискорбными?

– Эта работа должна положительно влиять на ваше поведение, а не на усовершенствование способностей, которые уже запредельно развиты!

– Девочки любезно предложили помочь. Они были слишком убедительными. Я не мог отказать.

Моя начальница качает головой, и я улыбаюсь ещё шире. Как бы не пытался, взгляд всё равно цепляется за Трикси, которой, кажется, вовсе фиолетово или мерзко.

Она исследует одну из полок и вытягивает книгу, обращаясь к миссис Райт.

– Спасибо за помощь.

– Не за что, милая, – женщина продолжает буровить меня. – Мистер Картер, прекратите балаган и завершите работу самостоятельно.

– А мы уже всё сделали! – выкрикивает одна из девчонок, и в эту секунду хочу ударить себя по лбу.

Кто создал эту милую головку?

Но проникаюсь благодарностью к тупости, потому что грудь Трикси трясётся от непролитого смеха. Она смеётся надо мной или над крохотным мозгом моей помощницы? Один хрен, это почему-то нравится, забавляет и находит ответные эмоций, которые разум всегда отодвигает в сторону. Как известно любому живому существу: разум и чувства работают по раздельности.

– Мистер Картер, вам предстоит разобрать карточки читателей. Я уже думала, мы никогда до них не дойдём. Оказывается, я ошибалась.

Вот же дерьмо.

– Девушки, вы можете быть свободны. Он обязательно поблагодарит вас за помощь.

Моя свита удаляется вместе с ведром и тряпками, награждая всё теми же восхищенными взглядами. Подмигиваю им и перевожу внимание на двух обломщиков веселья.

– Столько грязи у вас тут, – вздыхаю я.

– Не переживайте, с вашей помощью мы исправим это, – соглашается миссис Райт.

– Вы тоже не против небольшой помощи?

– Вы и будете нашей помощью.

– У меня хорошие управленческие способности.

– У вас хорошие манипуляторские способности, мистер Картер.

– Великолепный, – добавляю я. – Вы всегда забываете. Мистер Картер Великолепный.

Клянусь, слышу смешок Трикси. Хотя, вполне возможно, это галлюцинации.

Проследовав за ними, я останавливаюсь у стойки, а женщина занимает рабочее место.

Боковым зрением нахожу Трикси на расстоянии вытянутой руки.

– Мы сошлись на Мэйсоне, – в конце концов, сообщает моя руководительница.

– Ладно, убивает ваша простота. Я предпочитаю хоть какое-то разнообразие. Могу называть вас, к примеру, Превосходная. Миссис Райт Превосходная.

– Не подлизывайтесь, Великолепный. Не на всех влияют ваши чары обольстителя.

Женщина оставляет на мне многоговорящий взгляд и принимает от Трикси книгу. Я приваливаюсь к стойке бедром и подпираю кулаком голову, скользнув взглядом по последней.

Охренительно сексуальная девчонка, которая, кажется, абсолютно холодная и неприступная. К этому мнению прихожу довольно быстро.

– Прекрати пялиться, у меня не пробита голова, чтобы пускать на тебя слюни, – отвечает она, не утруждаясь повернуть голову.

– Считаешь каждую пустоголовой, а себя самой умной?

Золотисто карие глаза находят мои. И мысль о том, что тону – внедряется в сознание.

Что за дерьмо?

Тону?

В розовом дебилизме я тону.

Чертовски весело говорить с самим собой и смеяться над собственными шутками.

– Считаю себя выше этого ранга.

– Ты ничем не выше.

В глазах Трикси раздувается самое что ни на есть пламя ненависти. Это хреново, потому что грубости с ней не прокатывает, как и милости.

– Извини, – неожиданно выпаливаю я.

– Мне не нужны твои извинения, Картер. Я не из обидчивых. Ко всему прочему, обидеться – значит уважать, а я вряд ли испытываю уважение по отношению тебя. Воспитание требует разговаривать в привычной манере, но уважение – решение, которое принимаю, ссылаясь на поступки.

Она коротко улыбается миссис Райт, забирает книгу и направляется к выходу, а я смотрю вслед и не понимаю, когда успел так вляпаться, чтобы перевернуть всё вспять и завоевать неприязнь. Она разжигает во мне уйму противоречий.

Глава 5

Мэйсон

– Как проходят воспитательные меры? – спрашивает отец, перемешавшая салат и, пользуясь минутой, которую мама проводит наверху.

– Я уже скидывал фотки. Чтоб ты знал, они приходят каждый день.

– Не надоело?

– Три из пяти, па.

Посмотрев на меня через плечо, он начинает смеяться.

– Хреново.

– *Хреново?*

– Ага, я бы уже давно нашёл вторую пятёрку.

– Я не хочу слышать это от тебя. И особенно это не захочет слушать мама.

– Я не держал обет целомудрия до твоей мамы.

– Но начал с ней?

– Если ты думаешь, что твоя мама устраивала мне бойкот, то заблуждаешься. Показать её фотографии с университета?

– Я знаю, что такое фотоальбом и вижу рамки.

– Да она охренительная в любом возрасте.

– Не спорю, – киваю я. – И она, конечно, тебя динамила.

– По страшному, – выдыхает отец. – Было хреново видеть её с кем-то.

– Она была в отношениях с кем-то?

Его брови встречаются на переносице.

– Нет.

– И кого ты тогда имеешь в виду?

– Дина, к примеру.

– Он же гей, они могут вместе выбирать лифчик и стринги.

– Этот засранец держал информацию про ориентацию в тайне вплоть до получения диплома.

Я начинаю посмеиваться.

– И что ты делал?

Отец пожимает плечами и, найдя упор в столешнице, скрещивает руки под грудью.

– Колотил грушу.

– И всё?

– Я улетал на год.

– И вы расставались на это время?

– Фактически – да, но я так не считаю. Она всё равно спустя несколько месяцев переехала ко мне.

– Ты уговорил её?

– Пытался, но потом она просто упала с неба с чемоданами. Было хреново, когда её не было рядом. День сурка. Ненавижу то время, но я бы повторил ещё раз. Всё бы отдал за это.

– *Всё?*

– Если имеешь в виду вас, то нет. В любом случае, вы бы всё равно родились.

Слышу звонкий смех мамы, которая приближается, спускаясь по лестнице, и тут же появляется в проёме, с мобильником у уха. Не удивлюсь, если проскакала по лестнице, словно маленькая девчонка.

– ...ладно, я позвоню, – она уведомляет собеседника и отодвигает телефон, не понимая наше пристальное внимание. – Что?

– Ничего, – улыбается отец.

Я решаюсь удалиться в некогда бывшую комнату, чтобы забрать необходимые вещи, но останавливаюсь в проёме, чтобы понаблюдать за ними.

Взяв нож, мама начинает крошить остатки овощей, а отец притягивает её ближе за талию и наблюдает за работой ножа.

Они о чём-то тихо разговаривают, и из-за шума за окном, не слышу тему разговора, но судя по улыбкам – она приятная.

Мама обращает взгляд к отцу, но не могу разглядеть эмоции на лице, а довольствуюсь малой частью. Склоняясь ниже, он что-то шепчет ей, за что получает слабый удар по руке и хихиканье, после чего, отодвигает разделочную доску в сторону и притягивает её в объятия, оставляя несколько поцелуев у виска. В эти секунды сердце радостно и в то же время болезненно сжимается. Я счастлив за них, но, таким образом, хороню самого себя.

Ещё несколько секунд слежу за родителями, после чего скрываюсь за поворотом.

В комнате нахожу излюбленные бинты и шорты, в которых планирую позаниматься чуть позже. Закидываю всё в сумку и не тороплюсь спускаться вниз, боясь увидеть ту же картину. Глупая затея, но начинаю уборку. Обычно к подобным занятиям прибегал по нужде или после выговоров мамы. Комичность в том, что собственную квартиру держу в чистоте, хотя в одиночестве трудно вырастить горы мусора.

Спустя полчаса, всё на своих местах. Отдвигаю шкаф и обнаруживаю старую футболку, которую не успела съесть моль. Поднимаю парочку карандашей и одежду, которая утрамбуется в мусорное ведро, но застываю над мелким квадратом, который лежит изнаночной стороной ко мне и лицевой к полу. Я знаю, что там, потому что когда-то не мог найти его.

Всё же поднимаю снимок.

Карие глаза насмеваются, а фальшивая улыбка Эмили выглядит настолько естественно, что я удивляюсь собственной дурости и наивности. Идеально ровные каштановые волосы ниспадают на одну сторону её лица, а со второй поддерживаются при помощи заколки. Я до сих пор помню то белое платье, под которым пряталась фигура, которую она трудолюбиво оттачивала год. Она получила желаемое с моей помощью. Я был тем, кто занимался с ней и составлял тренировки и питание. В дополнение к выразительной внешности, получила кусочек пирога в виде популярности. Насколько всё было лживо – не сможет дать точное определение ни одна шкала или детектор лжи. Отчасти, моя вина. Я был в эпицентре бедствия постороннего интереса и взглядов. Ей отбило мозги и та Эмили, которую полюбил всем сердцем, стала той, кого возненавидел каждой клеточкой души.

Рву на мелкие куски фотографию, как когда-то сделали с моим сердцем, но не получаю и капли освобождения от оков, которые давно волокут на дно.

– Что это было? – раздаётся за спиной голос отца.

Молниеносно накрываю крышку собственного гроба и поворачиваюсь к нему.

– Школьная хрень.

– Ужин готов.

Отец идёт в их спальню под предлогом забрать телефон, а я спускаюсь вниз.

Эйден всю болтает с мамой, рассказывая ей всё на свете. Не знаю, хорошо это или плохо, ведь он слишком сильно привязан именно к ней. Хотя, я тоже далеко не ушёл, потому что в двадцать два привязан к отцу, как мальчишка.

Мэди и Ди сегодня отсутствуют, но и я был неожиданностью. В последнее время трудно переноси одиночество. Стены квартиры как грозовые тучи сдвигаются над головой. Живу, как чертова Ханна Монтана двумя жизнями, где в одной – всё тот же открытый и весёлый Мэйс, а в другой закрытый и удерживающий всё внутри.

– Как дела с учебой? – интересуется мама, смотря на меня с той же любимой мною улыбкой. И серые тучи моментально расползаются, а солнечные лучи освещают сознание. Она – мой свет.

– Отлично, – киваю, конечно, не взяв во внимание пару прошедших инцидентов. – Как дела на работе?

– Прекрасно, если не учитывать квартальных отчетов.

– Зато у тебя нет докладов.

– Да, действительно, вместо неё у меня несколько папок для заполнения.

– Компания живет в прошлом веке?

– Информацию нужно хранить на нескольких носителях, один из них бумажный.

– Как это предусмотрительно, – дразню её. Перевожу внимание к младшему брату, и выгибаю бровь: – Как сам, засранец?

– Судя по последним новостям, намного лучше тебя, – язвит Эйден, стрельнув ореховыми глазами.

– *Последним новостям?* – переспрашивает мама, в упор смотря на меня, в эту самую секунду, отец занимает стул рядом.

– Были небольшие недопонимания.

– Где?

– Уже всё в порядке, мам, – широко улыбаюсь, мысленно гоня мелкого по заднему двору его же собственной клюшкой.

Слова не приносят утешение, как того хотелось. Последнее, чего желаю – расстраивать маму. Не знаю, как Эйден просёк, но парень хренова прорицательница.

Мой взгляд говорит брату: «Заткнись», но он лишь улыбается в ответ.

Я хочу придушить его. Серьёзно. Засранец чист, но что-нибудь найду.

– Мэйсон Картер, – мамин тон сквозит предупреждением, и я не в силах лгать. Плохо. Очень плохо.

– Я пару раз оступился, сейчас всё в порядке.

Она сверлит взглядом отца.

– Если это твоих рук дело, то, Картер, клянусь Богом, я закапаю вас всех на заднем дворе.

– А я при чём? – стонет Эйден.

– Тебя оставлю в живых, всё начнётся с отца и завершится старшим братом.

– А какая у меня будет эпитафия? – подшучиваю я.

– *Во всём виноват отец.*

– А у меня? – папа лучезарно улыбается.

– Попрошу придумать Алекс.

– Предлагаю помолиться и поужинать, – говорю я, на что мама щурится и закатывает глаза.

– Спасибо, Иисус, что у меня потрясающая жена, у детей – мама, а у желудка – ужин, – произносит отец, сложив руки в молитвенном жесте и закрыв глаза. – Аминь.

– Аминь, – стараюсь содержать смех, поддерживаю его исповедь.

Мама ещё несколько секунд наблюдает за нами, но сдаётся, приступая за еду. Я, в свою очередь, пинаю Эйдена под столом и без слов уведомляю, что ему конец.

Собственно, так и выходит.

Покидаю кухню следом за ним и за первым поворотом даю подзатыльник.

– Я придушу тебя.

– Удачи! – равнодушно бросает он и с воодушевлением сматывается наверх.

Не в моём интересе позволить ему убраться чистеньким, поэтому устремлённо несусь за братом и заключаю в плен голову в локтевом сгибе, начав кулаком магнитить копну каштановых волос.

- Будешь балаболить – будем прощаться, – усмехаюсь я.
- Будешь косячить – будешь получать от мамы, – он ловко выкручивается из моей хватки.
- Мне двадцать два, мелкий, мама не выпорот меня, а вот тебя – да.
- За мной нет грешков.
- Да? А что это тогда за кучка недоумков, с которыми ты тусуешься после школы?
- Это мои друзья, придурок.

Эйден резко ставит подножку и подхватывает мою ногу, поднимая её вверх, из-за чего мы оба громко смеёмся и валимся на пол.

Он отстраняется, но этикетке на толстовке успеваю прочесть свои инициалы.

– Это моя одежда! – я ловлю его и выворачиваю руку за спину, но Эйден снова вырывается и успевает зарядить в бедро.

– Этот дом теперь моя территория, – самодовольно заявляет он. – Это *была* твоя толстовка.

– Скажи об этом отцу.

Ещё один резкий поворот, и снизу теперь я. Хватаю лодыжку и сбрасываю с себя тушу, отпихнув в сторону.

- Какого хрена ты рылся в моей комнате?
- Это уже не твоя комната, – блеск его глаз отражает внутреннее веселье.
- Это всё ещё моя комната, мама будет только рада, если вернусь назад.
- Ма-а-ам?! – громко растягивает Эйден.
- Что? – её звонкий голос разносится с первого этажа.
- Ты будешь рада, если Мэйс свалит из штата?

Я отвечаю ему подзатыльник.

Мама ничего не отвечает, зато слышу приглушённый смех отца, чему улыбаюсь подобно идиоту. Она наверняка попросила нас заткнуться и пожить в мире и гармонии хотя бы пять минут. До девятнадцати лет тишина не решалась заглянуть к нам, отчасти, благодаря мне, и сейчас снова с визгом несётся в закат, когда отец, я и Эйден снова собираемся в одном доме. Это подобно кратеру вулкана, который готов рвануть в любую секунду.

Слегка пихаю брата в плечо, и он тут же делает это в ответ. Я пользуюсь удобным случаем и его рассеянностью, неожиданно образую кольцо на шее, и снова зажимаю голову между бедром и локтем, намагничивая волосы.

– Ещё раз, и побрею тебя налысо ночью. Мама не должна знать, у неё своих проблем достаточно. Я не маленький пацан, чтобы она переживала за меня.

- Она должна знать, – брыкается он.
- Она *не* должна знать.
- С какого хрена?
- С такого хрена. Я предупредил.
- Она может тебе помочь! – Эйден вырывается и выпрямляется. Между нами несколько дюймов разницы в росте, и я пользуюсь ею, смотря на него сверху вниз.
- Чем она может помочь? Лишними переживаниями и нервотрёпкой?
- Советом, придурок.
- Не лезть не в своё дело и быть более сдержанным?
- Не только это, хотя тебе бы не помешало. Она несколько лет это толкует.
- Не думай, что ты умней меня.
- Я не думаю. Я знаю.
- Ты такой наивный.
- Ты такой тупой.

Эйден хочет пройти в свою комнату, но ставлю подножку, из-за чего он балансирует в воздухе.

– Я придушу тебя, если мама хоть что-то узнает о том, чего знать не должна. Ты думаешь только о себе.

– Я не думаю только о себе, – недовольно ворчит он.

– Ты хочешь, чтобы она знала для поучений меня и не говорила что-то тебе, а я хочу, чтобы она не знала, но для того, чтобы спокойно жила и не переживала лишний раз. Это ты эгоист, а не я. Я думаю о ней, а ты думаешь о себе.

– Я думаю о тебе!

Я удивляюсь, но скрываю за угрюмостью.

Переживает за меня?

– Мне не нужна помощь, я со всем справляюсь.

Эйден фыркает и открывает дверь, но не торопится заходить.

– Ты стал другим.

С этими словами, между нами вырастает стена.

– Я не изменился, – тихо оспариваю, но понимаю, что он прав. Я действительно стал другим. А он уже исчез за дверью.

Не успеваю опомниться, как отец вручает сумку в руки, на которую изумлённо таращусь. Меня только что выпроводили из дома? Это какая-то шутка?

Растерянно хлопаю глазами.

– Пошли.

– Не понял, – я в замешательстве.

– Ты хотел позаниматься, – напоминает он. – Поехали сейчас.

– Прямо сейчас?

– Да.

– Уже начало девятого.

Он изгибает бровь и открывает парадную дверь. Ничего удивительно, если закроет её перед моим носом и посмеётся, радуясь тому, что развёл малышню.

– И что?

– Ничего, – обескураженно соглашаюсь я.

Я возвращаюсь в дом и застаю маму в гостиной с бумагами в руках и на журнальном столике.

– Пока, мам.

Быстро целую её щёку и плетусь на выход.

– Приедешь завтра? – доносится от неё, когда сворачиваю в обратном направлении.

Я выглядываю из-за поворота и улыбаюсь.

– А что на ужин?

– Ты используешь меня, подлец, – наигранно оскорбляется она.

– Разве что твои кулинарные навыки, – подмигиваю и получаю улыбку, от чего теплеет на сердце.

В машине воцаряется гробовая тишина. Это не нравится сразу, и я, как маленький мальчик, поджимаю задницу, потому что отец оторвёт башку, если мило побеседовал с Дортоном насчёт второго случая на неделе. Для меня ничего не случилось, но для ректора начало конца света.

Знаю, отец понимает, как никто другой, потому что вижу в нём самого себя. Это видит каждый. И это говорит каждый. Мы полностью идентичны внешне и внутри. Никто из нас не торопится делиться внутренними переживаниями. Он вбил в мою голову, что мужчина – это сила, платина и фундамент. Только благодаря им всё держится. Позволь слабость – сожрут, не оставив косточку. Конечно, глупо отрицать и не брать в расчёт то, что каждый из нас имеет слабости, уязвимые места. Его заключается в маме. И я не ушёл далеко, потому что имел ту же самую: Эмили. Она сделала меня слабее и сильнее одновременно. Я благодарю опыт. Получил

её – ослабил себя, позволил другому уничтожить себя. Этого больше не повторится. Любовь синоним боли. Кажется, эти слова не существуют друг без друга, как день и ночь, как жизнь и смерть, как добро и зло. Ты выбираешь, размывать ли границы и ступать на ту же тропинку, но знаешь: как первый раз уже не получится. То доверие бесследно исчезло, и вряд ли другой человек способен залечить раны. Всегда будешь оглядываться назад и помнить былой опыт.

Тропинки ведут вглубь центрального парка. Предлагают отцу сделать выбор и направляюсь следом за ним.

– Покажи сумку на наличие сапёрной лопатки, – говорю я, шагая по безлюдному пути.

На губах отца появляется тень улыбки.

– За что-то переживаешь?

– Да. Не лечь под одним из деревьев раз и навсегда.

– Если бы хотел, с нами сейчас могла идти твоя мама. Морально она сильнее меня.

– Какой ты плюшевый медвежонок. Так благородно повесить на неё грязные делишки.

Отец бросает сумку на пустой поляне, окружённую тусклым светом фонарных столбов и возвышающихся вблизи зданий. Но что ещё более странное – он не торопится обнародовать наполнение. Следом бросаю свою и расставляю кулаки по бокам.

– И?

– Это был повод уйти, – заявляет он.

– Прикольно, – иронизирую в ответ.

Сунув руку в карман джинс, он что-то достаёт, а я понимаю, что потерял бдительность.

Он в джинсовых шортах. Отец никогда не ходит в них на тренировку. Я знаю его всю жизнь и никогда не видел данный выбор для тренировки.

Он протягивает руку, и я замечаю небольшой пакетик в кулаке. Забираю и внутри откуда не возьмись, образуется снежная лавина, готовая поглотить и убить. Та самая фотография, которую разорвал в комнате, но совершенно не подумал убрать, снова в моих руках в виде мелких обрывков.

Поднимаю глаза и не могу начать дышать. Кажется, несколько секунд молчания растягиваются в часы.

– Объяснишь?

– Что? – голос настолько сиплый, что в глазах отца сразу образуется полное понимание.

– Вы не просто так разошлись.

Впервые в жизни, жжёт глаза. Желудок сжимается. Я отчетливо чувствую, как сердце перестаёт биться.

Ничего не остаётся.

Я согласно киваю.

– Не просто.

В его взгляде появляется печаль.

Положив ладонь на моё плечо, он тянет нас вниз. Я подчиняюсь и вытягиваюсь на мягкой земле.

– Я был не один.

Чувствую стальной взгляд, но отец ничего не говорит, предоставляя возможность выговориться.

– Год, – коротко сообщаю я.

– Два фронта?

– Да.

– Ты знаешь его, так?

– Да.

– И кто он?

Язык прилипает к нёбу. Я не могу рассказывать секреты Мэди, о которых поклялся молчать. Решение всегда за ней. Я не могу сказать о том, что был предан лучшим другом и собственной девушкой. Не могу сказать, что Мэди была предана этими же людьми. Не могу сказать, что он делал с ней и что они делали вместе. Они были нашими друзьями. Лучшими друзьями. Самое страшное – быть преданным, по крайней мере, для меня. После этого остаётся лишь пустота. Её ничем не забить. Выжженное поле, на котором не вырастет трава. Не поможет дождь или удобрения. Всё мертво.

– Друг.

Отец смотрит с пониманием. И я заочно знаю, что он не будет требовать каждой детали, для него достаточно малости. Он не будет давить.

– Что может быть дерьмовее? – я нахожу его взгляд. – Тебе когда-нибудь изменяли?

– Для этого нужно быть в отношениях.

– Серьёзно? До мамы никого?

– Да.

– Охренеть.

– Ей повезло. Она испытала все тонкости моего характера.

– Какие?

– Ревность, собственничество, гнев, обиду, драки.

– Джек пот, – я невесело смеюсь. Она не должна была мириться с его скверным характером, но делала это. И она получила приз.

– Да, я столько дров нарубил, но всё исправил.

Вырываю клочок травы и кручу между пальцами.

– Это я сделал её такой.

– Нет.

– Да.

– Это было в ней, просто в определённый момент всплыло наружу. Не думай, что Лиз была тихой и застенчивой. Она могла дать отпор. Не всегда отвечала на грубость, но могла и это было смешно. Эмили была другой. Они не похожи. Абсолютно. Лизи не пряталась под маской беззащитной серой мышки. Ты должен понять, что в ней уже была заложена начинка. Сидела стервозная сущность.

– И я стал тем, кто помог. Нажал кнопку старт.

– Отчасти, да, но это не твоя вина. На твоём месте мог оказаться любой.

– Я больше не могу доверять. Не хочу.

– Все разные, ты должен разделять людей. Нет плохих и хороших. Есть те, кто тебе подходит, а кто – нет. Кто мыслит в одном направлении с тобой, кто двигается в одном ритме. Тебе нужна равная, а не зажатая библиотекаряша. Ты заскучаешь с тихоней.

– Тебе не изменяли. Ты не понимаешь.

Между нами повисает минутное молчание, но отец разрушает тишину.

– Я был тем, с кем изменяют.

Резко вращаю головой и смотрю на него так, как не смотрел никогда.

Я не верю, более того, отказываюсь верить, но парадокс в том, что он не шутит. Это разочаровывает до глубины души.

– Зачем? – осевшим голосом, спрашиваю я.

– Это мои ошибки, за которые поплатился.

– Мама знает?

– Да. Она знает всё. Всё, что делал. Это было дерьмово, потому что узнала, когда была беременна. По несчастливой случайности, в кафе зашли школьные неприятели. Мы никогда не ладили, понимаешь? Это был повод насолить. Я не оправдываю себя. Мне чертовски стыдно, потому что гордился и хвалился псевдо-победой. Я не думал, что будет чувствовать он или

она, мне было плевать. Она сама хотела, а я позволил. Озарение снизошло, когда узнала Лизи. Я хотел провалиться сквозь землю. Тогда она посмотрела на меня иначе.

– Она разочаровалась?

– Да. Никогда не захочу видеть это снова. И не видел, это было последний раз. Она всегда была мотивацией быть лучше.

– Ты не меняешь прошлое.

– Так же, как и ты. Не стремись всё исправить, исход останется прежний. Двигайся дальше. Не закливайся на ошибках. Это как в математике: можешь решать пример разными способами и теоремами, но верный ответ всегда один. Никогда не жалея себя. Это оправдание, которое тянет на дно.

– У меня нет мотивации. У тебя была и есть.

– Единственный человек, ради которого должен работать ты – ты. Отпусти и радуйся полученному опыту.

– Дерьмовая перспектива радоваться измене.

– Кто-то может принять за радость.

– Тот, кому насрать.

– Твоя мама научила меня радоваться всему. Если Эмили пошла на этот шаг, то пусть катится. Что ты уяснил для себя?

– Что никому нельзя доверять, себе в том числе.

– Можно, но не всем. Ты можешь сосчитать таких людей на пальцах одной руки.

– В моём случае, на одном пальце.

Сощутив глаза, отец внимательно смотрит на меня.

– Я доверяю только семье.

– Ди?

– Не до конца. Хреново чувствовать себя одиноким. Как будто было всё, но потом отобрали, оставив только воспоминания.

– Это нормальное состояние. Больше пятидесяти процентов людей в мире чувствуют себя одинокими, даже если вокруг них карнавал. Не топчись на месте. За это время можешь поработать над собой, стать улучшенной версией себя.

– Для кого?

Отец кладёт ладонь на моё плечо и слегка сжимает его.

– Для себя. Ты соревнуешься только со старой версией себя. Не живи ради кого-то. Ты должен жить ради себя. Быть лучше ради себя. Если кто-то есть рядом, то хорошо, но, если свободен, то в этом нет ничего ужасного. Ты не одинок. Ты свободен. Это разные понятия. Пользуйся возможностями. Всё в твоих руках. У тебя чертовски охранительные предки, которые не садят в клетку и не дрессируют под свои неосуществлённые в юности мечты. Захотел – сделал.

– Ты только что похвалил себя.

– Да, я всегда говорил, что я – милашка.

– А мама?

– Мама руководит милашкой, только не говори ей. Мужская тайна.

Это заставляет рассмеяться.

– Поверь, она в курсе.

– Она женщина. Я должен быть мягким рядом с ней, где-то отступать и проявлять слабость. Иначе никак. Это не значит, что перестал быть мужиком и сломал стержень. Грубость и жестокость породит ненависть. Она счастлива и улыбается, значит, я тоже. В этом нет ничего зазорного. Если кто-то скажет, что ты каблук, то предложи посмотреть на свою женщину и на твою. Твоя улыбается. Его – нет. Всё работает методом бумеранга. Всё вернётся. И она тоже. Запомни: они все возвращаются так же, как и мы.

– Не думаю, что она вернётся.

– Вернётся. Каждый ушедший вернётся.

Спор – не лучшая затея, особенно, если это касается чужих тайн. Сказал А, придётся сказать Б. У меня нет намерения продолжать диалог и вывалить подноготную Мэди, несмотря на сильное желание. Видит Бог, я желаю, потому что ненависть разделит отец. И не он один. На вопрос, чьи чувства поставлю на первое место свои или другого – я выберу другого. В этом проблема: я ставлю себя на второе место. А должен на первое.

Говорят, что человек, умеющий дружить – получает хороших друзей, но это ложь, потому что я был таким другом, а получил фальшивку. Не знаю, правильно ли говорить то, что отдавался дружбе полностью, но только на мне вина, ведь именно я ждал взаимность. Я отдавал больше, чем получал, но не имею право требовать того же. Хочу ли возвращения? Нет. Категорически нет. Это невозможно, по крайней мере, в моём случае. Я не даю вторые шансы, особенно, когда дело касается предательства. предавший однажды, предаст дважды. Цени, чёрт возьми, с первого.

Глава 6

Трикси

«Никогда не скрывай истинных чувств. Отдавайся любви полностью. Без остатка. До самой последней капли. Люби так, как будто это последний раз, потому что это именно он. Настоящая любовь бывает лишь единожды. Кто бы ни был после – знай, ты всегда будешь помнить первого» – папа говорил это ещё в глубоком детстве, когда мне не было и пятнадцати. Я запомнила слово в слово, не упуская паузы, которые он делал. Мне двадцать два, и я помню. Но возможно ли полюбить с той же скоростью и лёгкостью, с которой меняю местожительство?

Любовь – то, что ещё не удавалось познать. Да, в школе были симпатии, и я даже успела повстречаться с парнем в пятнадцать. Получилось криво и не осмысленно, кроме того, недолго. Тогда первый раз узнала, что такое привязанность и тоска. Всей душой скучала по тому месту, где прожила три года, а точнее, до пятнадцати лет, потому что, не достигнув шестнадцати, снова собрала чемодан. Я до сих пор помню тот нежно лиловый огромный чемодан, в который пихала одежду, не подозревая, что никогда не вернусь назад. Что буду ездить по стране, хотя это вовсе и не требовалось. Конечно, бабушки с дедушками могли принять, но одни скончались, а вторых не хотела смущать. Честно сказать, это банальный предлог. Я хотела быть ближе к родителям, никто не способен заменить их тепло.

Группа ребят распахивает дверь и вываливается из кафе, а я проскальзываю внутрь.

Дверь подгоняет вперёд и, когда закрывается, ошущаю волнение.

Это первое собеседование и работа в целом. Знаю, сейчас могу привязать себя к городу, но мама говорила, что ближайший год переводов не планируется, значит, остаюсь тут.

Не успеваю одуматься, как на плечах возникают ладони, а заразительная улыбка и ясные зелёные глаза находят мои. Веснушки, хаотично разбросанные по лицу, делают её внешность особенной.

– Я сейчас всё тебе покажу! – воодушевлённо визжит Кортни.

– Без собеседования?

– К черту слова, нам нужны действия!

– У вас даже нет администратора?

– Конечно, есть, но Лола слишком занята.

– Чем?

– Строит глазки всем парням с толстым кошельком.

– Ей хотя бы есть восемнадцать?

– Ей двадцать пять, но иногда сомневаюсь.

Смеюсь и немного удивляюсь тому, что администратор может позволять себе подобное поведение на рабочем месте.

– Вероятно, она пользуется особым расположением владельца, – предполагаю я.

– Да, он всего лишь её отец.

Кортни закатывает глаза, как будто эта тема наскучила и вовсе не подлежит интересу или обсуждению.

– Пошли, – девушка подхватывает мою руку и тащит внутрь зала с тем же озорством, что и прежде. Сложно поверить, что несколько дней назад она опаздывал и говорила о том, как устала видеть высокомерные лица.

По пути успеваю окинуть взглядом пространство, где смешались все оттенки радуги. Странно, но такие контрасты не режут глаза. Это не просто выкрашенные стены, а определённые геометрические граффити, которые отлично вписываются в молодежный тренд. И я вовсе не удивляюсь, когда замечаю лишь тройку свободных столиков.

Оживленная болтовня и приглушенная музыка, сочетается с современной атмосферой. Честно сказать, ожидала совершенного другого, к примеру, дорогие напитки, отглаженные костюмы и нечитаемые лица, обсуждающие будущие сделки. На деле всё иначе, Кортни держала в неведении и говорила, что это тайна.

Она суёт в руки форму и падает в кресло, закрыв дверь раздевалки.

– Чего ждёшь?

– Кхм, – не понимаю, кого смущаюсь. Я разделась перед первым встречным парнем не моргнув глазом.

Пожимаю плечами и улыбаюсь, стягивая блузку. Действительно, чего или кого жду? Я остаюсь в нижнем белье, но подпрыгиваю из-за неожиданности и издаю визг, когда дверь распаивается, а на пороге появляется запыхающийся парень, волосы которого выкрашены в идеальный блонд.

– Ты даже не прикроешься? – улыбается он, скользнув оценивающим взглядом.

– Не-а, – пожимаю плечами и просовываю голову в жёлтую майку.

Он обращается к Кортни:

– Я не справляюсь. И они требуют тебя.

– Кто?

– За девятым столиком.

– Пару минут. Трикси переоденется, и мы подойдём.

Парень кивает и представляется на бегу:

– Скотт.

Наспех просовываю ноги в чёрные джинсовые шорты и застегиваю пуговицу, радуясь тому, что они с высокой посадкой. Не придётся сверкать задницей направо и налево.

Спустя полминуты, она тащит за собой и тараторит тонкости обслуживания:

– Улыбайся, всегда улыбайся. Пусть думают, что ты дура, но дура с чаевыми в кармане.

– А если сильно бесят?

– Улыбайся так, словно это его последний вечер живым.

– Тебя готовили вежливо обслуживать клиентов или уничтожить их самооценку?

– Лучшее оружие – мозги. Никакая физическая сила не сравнится с сарказмом. Ты сама в этом убедишься.

– Мне стоит переживать за твоё будущее увольнение?

– Они не уволят меня. Я слишком ценный сотрудник.

– Тогда мой рот на замке.

– Ненадолго, – заразительно улыбается девушка.

Рыжая bestия ровняется со столиком, окружённым диваном в форме полумесяца, и мужская компания замолкает, фокусируя внимание на нас.

Шесть пар глаз сверкают похотью, а из-за ухмылок хочется поморщиться. Омерзительно, но держусь.

– Ого, новенькая, – проявляет бдительность шатен, занимающий местечко с края.

– Знаешь, что без них будешь выглядеть лучше? – добавляет блондин, дёрнув за карман моих шорт.

Локоть Кортни невзначай стучается о мой, намекая, что могу ответить. На самом деле, так и есть, ведь ещё не дала согласие на работу. Мне предложили попробовать.

– Тебе уже говорили, что тебе будет лучше с интеллектом?

Парень шурится.

– Я могу пожаловаться за грубость, и тебя уволят.

Улыбка расплывается по губам.

Кладу ладони на стол и немного поддаюсь вперёд, нависая сверху.

– Не переживай на этот счёт, я ещё не решила, буду ли тут работать, как и не решила то, на какой праздник подарю тебе мозги.

По коже ползут мурашки, когда ощущаю слезку и по этой причине поворачиваю голову, натываясь на знакомый взгляд.

Уголок губ Картера насмешливо приподнимается. Я чувствую, как ком подступает к горлу.

Ты ничем не выше.

Сказанное звенит в ушах. Я не воспринимаю чужое мнение близко к сердцу. Но именно слова этого парня зацепили за живое. Сорвали натянутую струну.

– Преследуешь меня? – улыбается он.

– Первый раз тебя вижу, – не раздумывая, бросаю в ответ.

– Раздевалка. Ты голая. Коридор университета. Библиотека.

Парни начинают улюлюкать и присвистывать.

– У тебя все на один вид?

– Все, кроме тебя.

– Могу искренне посочувствовать.

Мэйсон сканирует меня взглядом, но для кучки идиотов он делает вид, что пытается убедиться в собственной правоте, для меня же всё очевидно. Он узнал, если не отсохли мозги. Хотя, желаю последнее. Память рыбки Дори ему вовсе не повредит.

– Что выбрали, парни? – вмешивается Кортни.

– Как обычно, Кики, – отзывается один из молчунов.

Кортни кивает и следом указывает подбородком, чтобы я проследовала за ней.

– Я ничего не скажу Лоле, – выкрикивает голос, который совсем недавно давал недвусмысленные намёки.

Завожу руку за спину, чувствуя его взгляд, и показываю средний палец.

Выкуси, придурок.

Обслужив несколько столиков рука об руку с Кортни, как оказалось, мерзкая компания только одна – та, где присутствует Картер. В этих парней будто вложили хамство, пошлость и назойливость, которым позавидуют мухи.

Работа затягивает, только спустя пару часов появляется возможность познакомиться с той самой Лолой, о которой говорила Кортни и трубил парень.

– Как впечатление? – вежливо спрашивает девушка. Идеально прямые волосы тёмно-русого оттенка перекинуты через плечо, а голубые глаза блестят любопытством.

Я пожимаю плечом.

– Время летит незаметно.

– Ты отлично справляешься, – она обнажает белоснежную улыбку. – Жёлтый – твой цвет.

Позволишь кое-что исправить?

Даю согласие кивком.

Девушка тут же начинает орудовать руками. Что удивительно, она абсолютно не смущается, как будто это нормально: переодеть кого-то в общественном месте, либо же поправлять внешний вид. Край майки скрывается под шортами, а мой хвостик приобретает небрежность, потому что Лола вытягивает несколько прядок и заводит за уши.

Она отклоняет корпус назад и одобрительно мычит.

– Секси, теперь беги работать.

Секси, Боже.

Эта девушка является моей прямой начальницей и говорит, что я секси.

Но потрясение выгоняет все остальные эмоции, когда она шлепает по заднице.

– Не дай залезть к тебе в трусики, – добавляет Лола, но следующее убивает: – По крайней мере, не так быстро.

Это какая-то параллельная реальность?

Почему человек, который должен управлять, внушать властность и уважение, общается с подчиненными в подобной манере?

– Умоляю, отдай парням счёт, – просит Кортни, как только ровняюсь с ней.

– Каким именно?

– За девятым столиком.

Я хочу отказаться, но она щебечет благодарности и убегает к двери, ведущей на кухню.

Отлично, мне вновь позволили встретиться с неприятностями. Выбора нет, потому что на Скотта с двумя подносами в руках, кружащего между столиками, вряд ли стоит рассчитывать.

Вздыхаю и иду в зону бедствия, умоляя самоконтроль показать свои лучшие качества.

– Ваш счёт.

Я ставлю небольшой сундучок в центр стола и хочу уйти, как слышу:

– А как же стишок?

Приходится обернуться и собрать силы в кулак. С таким же усилием удерживаю глаза на месте, дабы они не закатились к мозгу.

– Что, прости?

– Стишок, – повторяет языкастый. Ненароком кошусь на Мэйсона, но остаётся непреклонен, не меняясь в лице.

– Буду рада, если ты найдёшь его в интернете и расскажешь Санте, возможно, на этот раз он сжалится.

Парни начинают гудеть.

– Какое счастье, что даунизм не передаётся воздушно-капельным путём.

Оставляю последнее слово за собой и собираю тарелки с соседнего столика. Постараюсь убедить себя, что работа может быть веселой.

Я оттягиваю время, чтобы парни ушли, оставив деньги. Не всегда приходится иметь дело с кучкой заносчивых придурков, поэтому необходимо настроиться и привыкнуть, а для этого нужно время. Колеблюсь, ведь не знаю, могу ли смириться с подобным к себе отношением. Я не потерплю унижения. И ради денег не хочу смеяться над плоскими шутками очередного идиота. Разговор со мной всегда короткий.

К несчастью, картина не такая радостная, как желаю.

За столом остался только один человек. Не трудно догадаться, кто.

– Ты не приняла мои извинения, – парирует Картер.

– Послушай, до тебя долго доходит? Я ясно дала понять, что не нуждаюсь.

Ставлю пустой поднос на стол и собираю деньги, сунув в карман шорт. Мэйсон продолжает следить за каждым движением, когда собираю тарелки. Он наклоняет голову к плечу, сцепив пальцы в замок на поверхности.

– Послушай... – начинает парень тоном, выбивающим у дурочек почву под ногами, но я останавливаюсь и, вскинув голову, перебиваю:

– Ты хозяин своих слов?

– Да.

– Тогда отвали. Я могу даже вежливо попросить *пожалуйста*.

Ухмылка на его лице не пророчит ничего хорошего, и поэтому устало выдыхаю.

– Я не знаю, как намёками объяснить, что не нуждаюсь в извинениях, потому что прямую речь ты не понимаешь. Я не ищу причину для разговора и дружбы до гроба. Давай забудем всё, что было, и наконец-то разойдёмся?

– Теперь не отрицаешь наше знакомство?

– Мы не знакомы, Картер. И не будем знакомы.

– Я знаю твоё имя, ты – моё. Это уже делает нас знакомыми.

– Я *не* знаю твоё имя, – бездумно лгу.

– Ты знаешь мою фамилию.

– Планирую забыть, как только выйдешь за дверь.

Мэйсон наклоняется ближе, и я замираю.

Наши глаза на уровне друг друга, ощущаю тёплое дуновение на своём лице и приятный аромат парфюма, смешанный с его собственным мужским запахом.

Мне не нравится то, что они оба нравятся.

Мне не нравится то, что нравятся загадочный тёмный оттенок его глаз.

Мне не нравится то, что нравится ненависть к нему.

– Ты не забудешь её, – говорит он, понизив голос.

Парень поднимается и с самодовольной ухмылкой направляется к выходу. Нехотя провожаю взглядом его широкую спину и изучаю расслабленную походку, как будто всё было лишь моей фантазией; как будто он ничего не сказал. Сунув руки в карманы джинсы, он, тем самым, натягивает джинсовую ткань на подтянутой заднице и исчезает с горизонта.

Ты не забудешь её.

Он был прав, потому что в голове проклятая фамилия начинает светиться неоновыми буквами.

Глава 7

Мэйсон

Подстава? Никто не говорит о подставе, это спланированный террористический акт.

Ну, я практически в этом уверен.

Проклятые часы, которые покоились на лавочке, предали меня: своего хозяина. И я бы ни о чём не подозревал, если они бы просто остановились, но они, твою мать, перевелись на час назад с помощью волшебства.

Вокруг никого. Зал пуст, разве что с моим приходом отсюда как раз сваливала женская команда по волейболу. В голове крутится список, но не помню, чтобы кому-то из них перешёл дорогу. Да, грешок есть... Ладно, пусть даже это семь или восемь грешков. Кроме того, последняя девчонка из команды, с которой повеселился была в прошлом году. Либо она двинутая, либо у неё тормозит сознание, потому что мстить за секс уже поздно.

Миссис Райт оторвёт мне башку и высосет мозги до полного изнеможения, потому что не смогу объяснить то, как часы самопроизвольно решили перевестись на час назад. Но я тот самый проклятый волшебник, фильм про которого любит мама.

Сгребая манатки и бегу, как угорелый в библиотеку, где подвергнусь казни.

– Мистер Картер Великолепный, – шурится женщина, как только торможу рядом. – Я даю вам единственный шанс для объяснения.

– Я приобрёл маховик времени, но меня нагло обманули, потому что он не позволяет быть в двух местах одновременно. Я пытался, должен признаться, но ничего не получилось. Скорее всего что-то неправильно покрутил.

– Какая незадача, – с особым негодованием, она качает головой. – Я предоставлю ещё один шанс.

– Ничего особенного, – показываю ей часы, на что женщина вопросительно выгибает бровь. – Кто-то перевёл их на час назад, пока я был на тренировке.

– Хорошо.

Смеюсь, потому что это не правда.

– Ничего хорошего, миссис Райт Превосходная. Я опоздал и понесу наказание.

– Вполне может быть, – улыбается она, откусив половинку шоколадной конфеты. – Наказание прежде всего.

– Удивите, что может быть хуже.

Я делаю отмашку в сторону читального зала, но рука застывает и падает, когда взгляд фокусируется на знакомом лице.

Чертовка довольно улыбается. Я шурюсь и, не глядя, говорю:

– Одну минутку.

Быстро пересекаю расстояние и занимаю стул напротив неё, поддаваясь вперёд.

В её глазах искрится веселье, но она, клянусь всем на свете, старается выглядеть серьёзно.

– Что за неслучайные совпадения?

– Я не понимаю, о чём ты, и не хочу понимать. Не загораживай свет.

– Окно за твоей спиной, я чисто гипотетически не могу это делать.

Вздыхнув, Трикси кладёт книгу на стол и встречает мой гнев.

Я запомнил её имя. Это уже плохо.

– Чего *опять* тебе нужно?

– Признание.

– Признание в чём?

– В том, что ты запала на меня и мстишь за то, чего я не знаю.

– У тебя мания величия.

– У тебя мания меня.

О, чёрт, мы как дети малые. Но получаю от этого удовольствие.

– Будь так добр, уйди.

– Ты была сегодня в зале?

– Нет.

– Признайся, и я отстану раз и навсегда. Обещаю.

– Картер, я не знаю, о чём ты говоришь!

– Ты всё-таки запомнила мою фамилию, – я падаю на спинку стула и расставляю локти, сцепив пальцы в замок на затылке. – Маленькая врунишка.

– Она на твоей футболке, придурок.

Взгляд моментально падает на одежду и тут же осознаю, что действительно выгляжу по-идиотски. На мне майка, большими буквами на которой написана фамилия. Я бросился в библиотеку, как только увидел время.

– Но ты запомнила её и без этого.

– Я начинаю видеть твоё лицо чаще, чем своё собственное, и буду не против, если ты скроешься сейчас.

– Скроюсь, когда ты признаешься в содеянном.

– Я ещё раз повторяю: мне не известно то, в чём должна признаться.

– Ты такая ненасытная.

Лицо Трикси застилает гримаса отвращения, а золотисто-карие глаза закатываются. Она берёт книгу и вновь приступает к тотальному игнору.

– Я мстительный.

– Поздравляю, – бубнит девушка.

Посчитав бесполезным войну, поднимаюсь и возвращаюсь обратно.

Глаза женщины светятся любопытством, но она закрывает огонёк ширмой и входит в роль надзирателя или того, кто должен превращать мои будни в ад.

– И что это дало? – вежливо интересуется миссис Райт.

– Я почти добился признания в том, что эта девушка стала причиной моего опоздания.

– Не придумывайте лживые оправдания, мистер Картер. Не убегайте от ответственности.

– Я знаю, что это была она.

– У вас имеются достоверные источники и доказательства?

– Нет.

– Я так понимаю, юная леди отрицает свою причастность?

– Да.

– Вы не предполагаете, что она говорит правду?

– Люди постоянно врут.

– Не нужно гнать всех под одну казну, мастер Картер.

В ту же секунду на плечо ложится тяжёлая ладонь, по которой веду взглядом и нахожу Ди.

– Тебя ждать?

– Мистеру Картеру Великолепному не требуется помощь. Его великолепие способно справиться самостоятельно, – суровым тоном протягивает женщина.

Ди смотрит на женщину, как на сумасшедшую.

– *Великолепному?*

– Круто, да? – улыбаюсь ему.

– Очень круто, – иронизирует Ди, не удивляясь гениальной задумке и обольстительному шарму, который способен влиять на женщин за пятьдесят. Друг обращается к миссис Райт: – Он заслужил, а я не собирался помогать.

– Мне нравится ваш друг, – она смягчается на глазах.

- Ещё бы. Можете назваться *команда против Ка*, – с сарказмом замечая я.
- Сегодня в вашем распоряжении классический ряд. Жду сочинение.
- Серьёзно? Я ненавижу читать!

Начальница досталась со стальным стержнем.

- Придётся полюбить.
- Можно перемыть полки? – предлагаю альтернативу.
- Нет. Сочинение.
- Это беспросветная задница! – я стону, принимая поражение.

Вот же дерьмо.

Меня положила на лопатки женщина пятидесяти лет.

- Любую?
- Я могу посоветовать что-то подходящее исключительно для вас.
- Например? Не слизать всё с интернета?
- Это тоже. Почитайте Портрет Дориана Грея. Возможно, подчеркнёте для себя кое-какой опыт другого.

В отличие от моего антирадостного лица, выражение Ди говорит само за себя. Ему определённо нравится наказание или пытки, которым подвергаюсь.

Ах, да, это же воспитательные меры. И как мог забыть.

- Где моя чудаковатая сестра? – отклоняюсь в сторону стеллажей, Ди следует за мной.
- С Таликой.
- Она мне не нравится.
- Тебе никто не нравится.
- Есть как минимум одна причина: девчонка смотрит на тебя, как щенок на хозяина.

Подруга твоей девушки не ровно дышит в твою сторону.

- И Мэди это знает. Лучше честно, чем за спиной.
- Щурюсь и прикусываю язык до того, как ляпну лишнее.
- Мне не нравятся такие подруги.
- Что с ними не так?
- Они лживы.
- Не тебе решать, Мэйс. У неё своя голова на плечах.
- Однажды, она чуть не слетела.
- Что?
- Не бери в голову, – отмахиваюсь, мысленно отвесив подзатыльник за то, что не удержался.

Нахожу рекомендованную книгу и не тороплюсь плестись за стол, не желая привлечь внимание. Странно, но сейчас я действительно хочу побыть в одиночестве.

- Так что? Это библиотека, тут я вроде пай-мальчик, на кулачках не подерёмся.
- Решил скрасить компанию, пока Мэди на лекции.
- Согласен, если разделим книгу пополам.
- Это твоё наказание, а не моё, Картер.

Я приземляюсь на пол между стеллажами, Ди следует моему примеру.

- Поговорим? – предлагает он.
- Валяй, – отзываюсь, играясь со страницами.

Повисает минутная тишина.

Я прогоняю мысли через сито, чтобы отфильтровать будущие слова. Кажется, настоящим могу быть только с отцом, потому что остальным позволяю узнать себя настолько, насколько захочу. А я не хочу. И когда слышу, что-то вроде: «О, я знаю этого парня», не задумываясь отвечу: «Черта с два ты знаешь меня, чувак».

- Тебе не кажется, что пора остановиться? – начинает он.

Я поворачиваю голову в сторону друга, который внимательно изучает моё лицо.

– В плане чего?

– В плане всего.

– Не понимаю, о чём ты.

– Ты портишь свою жизнь.

– Я называю это иначе: создаю собственную историю, которую смогу вспомнить и сказать, что моя молодость была чертовски охренительной.

– Какого чёрта произошло? За что ты избил его?

– Болтает лишнее. Он и о Мэди трепался, тебе не хотелось выбить пацану зубы?

– Хотелось, – соглашается Ди. – Но не думал применять силу. Он ничего не говорит о ней, хочешь узнать, почему?

– Дай подумать... – делаю вид, что гадаю и подбираю варианты, хотя существует один. Это наша отличительная черта: кулаки от меня и словесная форма от Ди. – Ах, да, точно! Ты, наверное, просто заткнул его с помощью предупреждения.

– Да, и не тронул пальцем.

– Уже можно пускаться в громкие овации?

– Хватит быть придурком. Ты же не такой.

– Нет. Я такой.

Ди поднимается на ноги, но не спешит уходить.

– Ты не такой. И не бойся говорить о произошедшем. Она давно пережила и живёт настоящим. Но не ты. Ты застрял на месте и не хочешь двигаться дальше. *Не хочешь*, Мэйс, а ни *не можешь*. Когда отпустишь, станет легче.

Ди уходит, а я задаюсь вопросом.

А какой я?

Все почему-то решили читать нотации: как правильно жить, что делать можно, а что нельзя и кучу остальных книг философии жизни, которая не работает. Парадокс в том, что я живу собственной головой и ошибками. Но Ди прав: я всё ещё живу прошлым.

Фыркнув, открываю книгу и приступаю к чтению. Изначально история даётся с трудом, не могу похвастаться, что воодушевлен подобным занятием. Но спустя небольшое количество времени, вовлекаюсь и поглощаю с энтузиазмом. Отчасти, благодаря лорду Генри и его жизненным напутствиям, которыми я пользуюсь сам. С особой воодушевлённостью перечитываю слова: *«Так пользуйтесь же своей молодостью, пока она не ушла. Не тратьте понапрасну золотые дни, слушая нудных святош, не пытайтесь исправлять то, что неисправимо, не отдавайте свою жизнь невеждам, пошлякам и ничтожествам, следуя ложным идеям и нездоровым стремлениям нашей эпохи. Живите! Живите той чудесной жизнью, что скрыта в вас. Ничего не упускайте, вечно ищите все новых ощущений! Ничего не бойтесь!»*. Я словно заглядываю внутрь себя.

Если бы только знал, что это способно погубить. Что похоть, неверность и лживые предубеждения заведут в тупик и очернят. И всё, что действительно останется в конце пути: ты и сожаление.

Сожаление о том, что попал под чьё-то негативное влияние и позволил погубить себя. Поймёшь, что был марионеткой и тем, кто воплотит все несовершенные когда-то в молодости действия другого.

– Мистер Картер.

Голос миссис Райт отрывает от книги, и стоит поднять голову, как вижу за окнами наступающие сумерки. Впервые потерял счёт времени за подобным увлечением.

– Я уже подумала, вы сбежали.

– Вы даже не представляете, как хотелось, – вру, поднимаясь на ноги.

Я возвращаю книгу на полку, предварительно запомнив номер страницы, а женщина отклоняется к выходу.

– Увидимся завтра, мистер Картер.

Пользуюсь ситуацией и незаметно стягиваю книгу, спрятав за спину.

– Не прячь книгу, Мэйсон, – в голосе женщины слышится улыбка. – Я знала, что тебе понравится.

Нагоняю её и шагаю нога в ногу.

– Мне совсем не понравилось, и когда мы успели перейти на нейтральное общение?

– Тогда, когда время перешло на личное. Знаешь, почему тебе понравилось?

Я украдкой смотрю на неё.

– Почему?

– Потому что разглядел в одном из персонажей себя.

– Может быть, вы правы. Я живу подобными жизненными напутствиями.

– Надеюсь, когда дочитаешь, сделаешь правильные выводы.

– Зачем вы говорите это мне?

– Потому что вижу в тебе человека, который легко может попасть под влияние другого.

Не самое лучшее влияние, Мэйсон. Это влияние не обязательно от постороннего человека. Но и из пережитых ситуаций. Новая ошибка – новый опыт. Только тебе решать, плохой или хороший.

– Говорите так, будто знаете меня.

– Я вовсе не знаю тебя, хотя поступки говорят об импульсивности и глупости.

– Это отвлекающий манёвр.

– Хороший способ не показывать себя настоящего.

– А может я не хочу, чтобы люди знали настоящего. Я люблю вводить в заблуждение.

– Зачем?

– Когда улыбаюсь, люди думают, что вызвали симпатию. Вы не находите это хорошим способом достигнуть желаемого?

– Не потеряйся в том, чего нет.

С этими словами, она отклоняется в сторону, оставляя одного. Ещё недолго смотрю ей вслед, задумываясь, почему не предложил подвезти, но резко меняю планы. Парни собирались завалиться в излюбленное кафе, поэтому решаю присоединиться, чтобы ни один из придурков не подкатил к Трикси. Я сломаю голову, если начну выяснять причину. Возможно, мне просто нравится бодаться с ней, чтобы скрасить унылые будни.

Не ошибаюсь, когда застаю их в кафе.

– Эй, говорят, ты успел трахнуться с Ритой. Как она? – спрашивает Джим, как только падаю на диван.

Как она?

Лучше спросить: кто она?

– Нормально, – тупо, но, кажется, подобный ответ более чем подходящий, да и он устраивает присутствующих.

По правде, понятия не имею, кто такая Рита, но знаю, что через пять минут забуду, смешав с остальными.

Пальцы врезаются в обивку, когда нахожу хохочущую Трикси с одним из официантов. Не наблюдаю и унции фальши в улыбке, которую она дарит ему. Искренняя и дружелюбная, совсем не та, что со мной.

Ощущаю поднимающееся пламя.

Я желаю быть причиной её улыбки, и понимание сдавливает грудную клетку.

В следующее мгновение её взгляд сталкивается с моим, и улыбка медленно сползает с лица. Она разворачивается и направляется к служебной двери, пока тройка имбецилов за близлежащим столиком провожает плотоядными взглядами.

Разжимаю кулаки, потому что драка последнее, что требуется.

Спустя десять минут, Трикси вновь появляется на горизонте, но уже без формы. Девушка размахивает на прощанье коллегам и, стоит ладони коснуться дверной ручки, тройка моментально принимает вертикальное положение.

Это мне не нравится.

Абсолютно.

Я резко поднимаюсь, игнорируя замешательство и вопросы парней. Они в любом случае услышат, что это не их дело.

Выбегаю на улицу и нахожу взглядом Трикси, которая достаёт что-то из рюкзака.

Плохая идея, крошка, слишком плохая.

Тройка медленно двигается по её следам, отчего желудок сжимается. Я больше не могу беспочвенно размахивать кулаками, терпение отца не вечно. Принимаю решение остаться на месте и подождать ещё некоторое время, или хотя бы держаться на безобидном расстоянии. Если придётся, сломаю палец за пальцем, дай только повод.

В голове прокручивается сценарий, где выступаю в роли супергероя. Но всё это из ряда грёз.

Парни сворачивают на пешеходный переход, а Трикси достаёт мобильник и прикладывает к уху. Самая искренняя, нежная, настоящая улыбка появляется на губах. Было бы слишком просто стать важным и нужным с помощью вмешательства третьих лиц.

Закидываю голову назад и от изнеможения скольжу ладонями по лицу.

Я перестал понимать себя. Чего хочу от неё?

Думаю, ответ очевиден.

Глава 8

Мэйсон

Свадебная фотография родителей который раз привлекает внимание, когда падаю на диван рядом с отцом. Мама в это время протирает пыль, поднимая несколько рамок с журнального столика.

– Отличная фотография, – говорю я.

Мама улыбается, но я ещё не закончил.

– В тот день ты официально стала нашей домработницей?

Отец давится яблоком, а карие глаза мамы прищуриваются, а мы заливаемся хохотом. Не до смеха становится тогда, когда чувствую влагу на голове.

Пустой стакан сока возвращается на журнальный столик, а наша одежда пропитана его вкусом и ароматом. Я липкий, как навозная куча.

– Поговорим, когда попросите приготовить ужин.

С этими словами, она покидает гостиную. Получаю пять от отца и поднимаюсь следом.

Шутка достаточно хороша, если бы не сок на наших головах.

– Тебе не пора на лекции?

– Пора.

– Какого чёрта тогда протираешь тут задницу?

– Я сам себе хозяин.

– А я тебе хозяин.

– Рабство давно отменили.

– Какие хорошие познания истории. Если не ответишь, в каком веке, то стану для тебя чем-то вроде смерти с косой.

– Какая разница? Это в прошлом.

– Какая разница, если заеду тебе с левой, а не с правой?

– Большая. Удар с правой всегда был твоей коронной фишкой.

– Хочешь, проверим?

– Не хочу.

Закидываю на плечо рюкзак и плетусь на выход.

Давно я не ночевал в родительском доме и, по правде говоря, жалею об этом. Не хочу показаться засранцем, но мама готовит охрененные завтраки. Отцу и Эйдену перепал вкуснейший кусок торта. И папа был прав, нужно научиться готовить, потому что пицца, китайская еда и всё, что готовят на вынос уже поперёк горла. Мне не хватает домашней стряпни.

Подпираю дверной проём кухни и скрещиваю руки под грудью.

– Обиделась или позволишь поцеловать?

Мама поднимает глаза от бумаг перед собой.

– Второе.

Улыбаясь, сокращаю расстояние и быстро целую щеку. Этого мало, поэтому обнимаю её плечи и ещё раз целую.

– Я пошутил, не обижаешься?

– Я не обижаюсь на придурков.

– Хорошо, что я в их числе, – подразниваю я.

– Убери руки от моей жены, – булькает отец, из-за чего крепче обнимаю маму и поигрываю бровями.

– Или что?

– Вали уже.

Оставляю третий поцелуй на щеке мамы и на выходе слегка бью кулаком предплечье отца.

– Тебя сегодня ждать? – спрашивает он вдогонку.

– Не-а. Ко мне должен кое-кто нарисоваться.

– Ага, правая или левая.

Усмехаюсь, бросая в его сторону взгляд через плечо и, покинув дом, перепрыгиваю ступеньки. Я выспался, слопал королевский завтрак и жду весёлый вечер. Чертовски доброе, мать вашу, утро и последующий день.

Моему прекрасному расположению духа удивляется Ди, когда закидываю руку на его плечо и улыбаюсь, маневрируя по протянутому коридору. Успеваю улыбнуться симпатичным девчонкам и взять на заметку некоторых первокурсниц.

– Обожаю начало года.

Ди закатывает глаза и фыркает.

– Даже не буду гадать, по какой причине.

– Ты надел трусы занудства, когда связался с моей занозой сестрёнкой, – отвечаю ему шутливый подзатыльник и улыбаюсь.

– Ты предпочитаешь, чтобы я перебирал девочек, а потом возвращался домой к ней?

Тяну его ближе и произношу:

– Я снесу твою башку и оторву яйца, если ты сделаешь ей больно.

– Тебе повезло, в этом плане мы мыслим одинаково.

Отпихнув меня в сторону, он показывает средний палец.

– Совсем двинулся.

– Ты бы понял меня, если бы она не была твоей сестрой.

– Первое правило: никогда не говори со мной о сексе между тобой и моей сестрой.

– Или что? – Ди бросает мне вызов, который сегодня бросил отцу. Яблоко об яблони не далеко упало, поэтому отмахиваюсь.

– Или нихрена. Идите в задницу.

Друг смеётся, а я закатываю глаза, падая в кресло.

Он стал монашкой, но я совершенно не против, если дело касается Мэди. Ему лучше держать обет целомудрия со всеми, кроме неё.

Взгляд устремляется в сторону выхода, и внутри что-то ёкает, когда замечаю Трикси. Улыбка на её лице такая беспечная, а разговор оживлённый. Я не придаю значение, кто идёт рядом. Вниманием овладевает кофта, которая сползла с плеча и оголила длинную шею, взгляд спускается по умопомрачительным ногам и упирается в кеды. Чёртовы кеды. Она не желает выделяться из толпы, но делает это. Так или иначе, я нахожу её, словно чувствую нутром.

Трикси заводит выбившиеся из хвостика локоны и вежливо улыбается собеседнику. Пересыхает в горле, когда вижу её.

– Какого чёрта? – шиплю я.

– Ты о чём? – Ди поднимает голову от экрана мобильного и отслеживает траекторию моего взгляда. Его голос леденеет. – Что она тут делает?

Я сжимаю челюсти и медленно поворачиваю голову.

– Мэди рассказывала.

Ох, я должен был это предвидеть.

– Что именно она *рассказывала*?

– Всё, – коротко отвечает он.

Впиваюсь пальцами в подлокотники и закрываю глаза, проглатывая ком, сотканный из ненависти.

Эмили, черт бы её побрал, Паркес.

У меня даже не остаётся места для гнева на Мэди, потому что всё, что ощущаю на данный момент – отвращение. Я напрасно полагался на отличный день.

Это грёбаная катастрофа.

Кажется, она даже не изменилась. Те же прямые густые каштановые волосы, миндалевидные карие глаза с отблеском хитрости, отточенная фигура подчёркнута облегающим платьем оттенком спелого томата. Она не дала слабину: не стала хуже. Что ж, внешность соблазнительная, но, клянусь, начинка осталась прежней. Это та самая девушка, которая, смотря в мои глаза, лгала без угрызения совести. Это так самая девушка, которая предала однажды. Мы не виделись после школы, и я бы с удовольствием продолжил подобного рода стабильность.

– Мэди говорила, что она улетела.

– И не соврала.

Открываю глаза и смотрю на Трикси, которая улыбается той, что ненавижу всей душой.

– Остынь и прекрати пялиться в их сторону.

– Ты собираешься читать нотации? – рычу в ответ.

– Тебе плевать или всё это брехня?

– Плевать.

– Тогда забей. За спиной девчонка, которая пускает на тебя слюни, как и половина присутствующих.

Обвожу взглядом аудиторию и мысленно подтверждаю слова друга. Девчонки улыбаются мне, и когда задерживаю на какой-то из них взгляд, а после отвожу – они начинают оживлённо перешептываться с подругами. Чувствую себя звездой на аллее славы.

Взгляд снова обращается к Трикси, но встречается с глазами Эмили. Улыбка всё ещё есть на моём лице, но сейчас в ней нет и толики веселья. Это маска.

Девушка смотрит на меня, после чего переводит взгляд на Ди, и её губы изгибаются в лукавой улыбке. Надеюсь на взаимность, она натывается на обратное. Подняв руку, друг показывает средний палец, и её взгляд снова обращается ко мне. Не отстаю от Ди и салютую средний палец.

– Прекрати пялиться на её подруг тоже.

– Трикси не её подруга, – я не доверяю собственным словам, но хочу оказаться правым.

– *Трикси?* – лицо Ди вытягивается. – Ты запомнил.

– И что?

– Ты сам знаешь.

– Как запомнил, так и забуду.

Ди качает головой.

– Не делай из этого что-то нереальное, – говорю я. – Ничего особенного.

– Мы оба знаем, что это не так.

– Это так.

– Ты даже не хочешь дать шанс кому-то.

– Потому что не вижу смысла.

– Ты думаешь, что она тоже пойдёт на это.

– Я ничего не думаю.

– Нет, ты думаешь.

– Я не хочу обсуждать это сейчас.

– А я хочу.

– Даю тебе благословение на разговор с самим собой.

– Нет. Ты поговоришь со мной.

– Удачи, – отмахиваюсь я.

Ди буровит взглядом, словно пытается добраться до ямы в голове, но я всегда был немым в плане личной жизни. Отец говорил, что нельзя проявлять слабость в обществе, загрызут, и я придерживаюсь его суждений. Стоит открыться и показать уязвимые места, как забросают камнями. В первую очередь это будет те, кто рядом, самые близкие. Довелось убедиться.

Несколько раз удаётся поймать взгляд Трикси, но на лице девушки не отражается ни одной эмоции, когда она смотрит на меня. Я не могу похвастаться тем же. Океан негодования бушует и пребывает в беспокойном состоянии. Я хочу разобраться в том, что чувствую к ней, но пока попытки изучить самого себя не венчаются успехом.

Лекция завершается, и я не тороплюсь вылететь из аудитории, как делал обычно. Прочитываю каждую секунду и слежу за каждым движением Трикси, которая, сунув ноутбук в рюкзак, двигается к выходу.

Я успеваю перехватить и вернуть девушку в аудиторию.

– Какого черта тебе надо, Картер? – она выдёргивает руку с такой силой, что пошатывается на месте.

– Откуда ты знаешь её?

– Кого?

– Эмили.

– А может быть, это не твоё дело?

– Я жду ответ.

– Поздравляю.

Она разворачивается, чтобы уйти, но снова возвращаю назад так резко, что ладони Трикси находят опору в моей груди. Она шипит от ярости:

– Картер!

Решаю применить другой метод, давление больше не работает.

Провожу костяшками по бархатной коже на щеке, надеясь взять мягкостью. И теперь это не нравится мне, потому что чувствую гребаное возрождение жизни внутри, когда касаюсь её.

Она цепенеет на несколько секунд и тут же отшатывается.

Моя рука падает вдоль тела.

Чёрт возьми, это тоже не работает.

– Я, по-твоему, идиотка, Картер?

– Почему идиотка?

– Потому что не клюну на псевдо милость.

Усмехаюсь, замечая, что аудитория осталась полностью пустой. Свалил даже профессор. Чертовски прекрасно. Меня нельзя оставлять наедине с кем-то, особенно с Трикси. Вряд ли это закончится сексом, огромная вероятность, что мы придушим друг друга голыми руками.

– Считаешь мою доброту плоскостью?

– Подкаты, с которым ты клеишь сомнительных спутниц так себе.

Я искренне улыбаюсь.

– Даже не пытался. Но давай по порядку: скажешь, что не нравлюсь?

Она закатывает глаза и начинает смеяться, выбив из колеи.

– Не нравишься? Картер, это слишком слабое слово, которое описывает мои чувства к тебе.

Делаю шаг в её сторону и, сократив расстояние, привлекаю за талию. Но, когда склоняюсь к изгибу шеи, испытываю противоречивые чувства. Никогда не был в числе тех, у кого плавают мозги благодаря чьей-то близости.

– Но ты что-то чувствуешь, – шепчу у её уха, из-за чего Трикси вздрагивает. Втягиваю цветочный аромат шампуня и сглатываю.

Я проиграю в своей же игре.

Трикси вскидывает подбородок, полагаю, здравым рассудком доминируя над гормонами.

– К примеру, то, как хочу заехать тебе в челюсть.

Девушка вылетает из аудитории, следом выхожу я.

Картина перед глазами впечатляющая.

Эмили улыбается самой очаровательной улыбкой, когда смотрит на Ди. Ещё один плюс Ди: он прибил к стене и скрестил руки, со скучающим выражением глядя в одну точку. Можно подумать, что тем самым бросает вызов, но я научился отличать интерес и отсутствие. В глазах Ди застыла пустота, а губы образовали ровную линию. Клянусь, его терпение может лопнуть, а разболтать способна разве что Мэди. Я мог бы с девяносто процентной уверенностью заявить, что Мэди единственная девушка, к которой он питает безграничную слабость и терпение.

– Мэйс, – фальшивым дружелюбием, приветствует Эмили. – У тебя интересный друг.

Поднимаю бровь и окидываю взглядом скучающего Ди.

– Разве? Судя по виду, он до сих пор не проникся интересом.

– Напротив, мы неплохо поболтали.

– У тебя какой-то фетиш по моим друзьям?

Наигранная улыбка трогает её губы. Я задел самолюбие и эго.

– Не можешь забыть?

– Ты придаёшь себе слишком большое значение, чем есть на самом деле.

Боковым зрением ловлю Трикси.

Конечно, она слышит, и мне было бы стыдно за слова, если бы они не были правдивы. Не знаю, по какой причине, но желаю оправдаться перед ней. Мне, черт возьми, стыдно перед ней. Это дерьмово.

Вниманием овладевают руки, обвивающие талию Ди, и я поднимаю взгляд в тот самый момент, когда из-за его плеча выглядывает Мэди. Она чмокает подбородок парня и улыбается. Но как только находит нашу собеседницу, в голубых глазах застывает пустота. Если в моих агония ненависти, то в её – ничего.

– Мэди, – растягивает Эмили. – Рада встрече.

Мэди остаётся бесстрастной и холодной.

Ди накрывает её ладонь, вслед чему появляется блеск.

Это нравится даже больше положенного. Он заинтересован только в ней.

Мэди подталкивает нас вперёд.

– Идём, я проголодалась.

Позволяю сестрёнке увести нас прочь как можно скорее.

По пути ловлю многозначительные взгляды девчонок, что довольно удивительно. Вряд ли сейчас моё лицо озаряет улыбка, но, вероятно, им она не нужна, их привлекает плохой мальчик. Выстроенный нежелательный образ преследует попятам. Делая то, что взбредёт в голову, я по кирпичику выкладывал себя в обществе. Но иногда он – Картер – надоедает, и я не понимаю, как всё исправить. Люди не торопятся выбирать тернистый путь, если рядом чистая дорога. Они привыкли довольствоваться малым, поверхностью.

Бросаю последний взгляд через плечо, встретив тот, что принадлежит Трикси.

– Скажешь, что уже забыл её имя? – понизив тон до шёпота, спрашивает Ди.

– Нет.

Я пытался, – не спешу добавлять признание, прокручивая в голове.

Глава 9

Мэйсон

Очень смешно.

Впереди стена, сзади подпирает машина так же по обе стороны. Я в западне. Либо иду пешком, либо ловлю такси. Но не в моём интересе рассматривать эти варианты. Есть третий: вернуться в стены университета и найти её. Я достану её даже под землёй. Половина наших предметов сходится, но та вторая – не сулит ничего приятного. Оббежать все аудитории – означает потерять огромное количество времени, а его и так в пределах минимума. Папа убьёт, если я снова опоздаю.

Прохожусь по нескольким аудиториям, но не нахожу нужную девушку. Кроме того, что буквально сбежал из библиотеки, сейчас трачу время на поиски. По правде говоря, не совсем сбежал, а просто не застал миссис Райт на месте. Мне некогда пускаться на её поиски, я и так должен был покинуть библиотеку за пять минут до того, как понял это. И вот, возвращаюсь к тому, от чего ушёл. Гребаный бумеранг, я точно труп.

Профессора смотрят на меня, как на дебила, некоторые студенты тоже. На стадионе единственный, кто топчет газон – футбольная команда. По пути заглядываю в парочку туалетов. Следом распахиваю дверь мужской раздевалки, в которой тоже, мать вашу, пусто. Уже теряю всякие надежды, и с раздражением дёргаю ручку женской раздевалки.

Удача наконец-то поворачивается передом.

– Пошли, кое-что посмотрим.

Трикси резко оборачивается, едва не стукнувшись о дверь шкафчика.

– Картер, ты рехнулся?

– Пошли, – настаиваю я, рассматривая спортивную майку, обтягивающую стройную талию и лосины, подчёркивающие задницу. Клянусь, чуть позже продам душу за то, чтобы снять их, но сейчас слишком тороплюсь.

Она собирает волосы в хвостик и проскальзывает мимо, предварительно закрыв дверцу. Дабы не задеть меня, Трикси обходит боком.

Я настолько неприятен?

Акцентирую всё внимание на ложбинке между грудями, которая с становится глубже, стоит ей скрестить руки.

Чёрт с ним, я очень готов опоздать.

Разворачиваюсь и направляюсь к парковке. Сдерживаю улыбку, потому что слушать торопливый шаг рядом очень забавно. Я выше на полторы головы, и наш шаг разнится. Когда делаю один, Трикси необходимо сделать парочку.

Мы добираемся до машины, и я указываю на созданный тупик.

– Объяснишь?

Раздражение застилает нежные черты лица.

– Ты внезапно ослеп?

– Отгони машину.

– Я ещё раз спрашиваю: ты рехнулся?!

– Я опаздываю!

– Мне до этого какое дело?

– Твоя машина не даёт мне выехать.

Она морщится и отклоняется в сторону, но преграждаю путь.

– Картер, ты придурок!

– Не играй со мной.

– Видишь вот эти здания? – вкладывая весь гнев, она указывает в конец улицы.

– И?

– И я там живу, идиот. Это кампус. У меня нет машины, я в ней не нуждаюсь.

Трикси завершает диалог и грузно шагает туда, откуда пришли. Я слишком занят округлой задницей под лосинами, чтобы дать ответ.

– Дерьмо! – фыркаю, пиная колесо незнакомой тачки, которая тут же взывает мерзкой сиреной, готовой довести до нервного срыва и смирительной рубашки.

К счастью, я уже свихнулся.

Набираю номер отца и жду ответ, который поступает спустя четыре гудка.

– Удиви меня, – говорит он.

– Ты не поверишь, – вздыхаю я.

– Попробуй.

– Меня подперли со всех сторон. Я не могу выехать.

– И что предлагаешь?

– Приедешь за мной? Я потренируюсь тут, пока ты едешь.

– Ладно, – соглашается отец. – Через час буду.

Подхватываю сумку и закидываю на плечо, двигаясь в сторону раздевалки.

В голове крутятся слова Трикси и тот взгляд, с которым она смотрела на меня, как на полоумного. И сейчас это действительно выглядит именно так. Если она говорит правду, то, как я выгляжу? Трясу головой и удивляюсь тому, что вообще дошёл до того вопроса, где интересуюсь мнением о себе, тем более тем, которое заполняет черепную коробку какой-то девчонки. Я вообще не понимаю, почему сразу подумал о ней. Не иначе, как интуиция. Дерьмово врать самому себе, ведь я отлично понимаю. Я хотел, чтобы это была она. Нам не за что квитаться, а если и есть, то это мелочи. И я, черт возьми, цепляюсь за эти мелочи.

Сменив повседневную одежду на шорты и водолазку, выхожу в зал и застываю.

Трикси не обращает никакого внимания, хотя видит меня через отражение в зеркалах. Её удары точны, выбирая цель, она бьет по груше с такой силой, что та дребезжит под напором. Но окончательно моя челюсть падает тогда, когда она как хренова ниндзя, делает круговой поворот и бьет по ней ногой выше собственной головы. Я собирался защитить ту, что выбьет комбо одним ударом. Те парни унесли свои задницы очень даже не зря, в ином случае им бы пришлось не сладко, эта девочка занимается кикбоксингом.

– Не пялся, иначе я повторю на тебе, – говорит она, разминая шею наклонами в разные стороны.

– Тебе не повезло, я занимаю тем же.

– Ты занимаешься боксом, Картер, у нас разные направления.

Наматываю бинт на руку и усмехаюсь.

– Ты слишком много знаешь обо мне, как будто специально интересуешься.

– Не льсти себе. Люди любят трепать языком.

– И ты прислушивалась именно к тем, которые трещали обо мне.

Присудив себе победу в словесном бою, я и подумать не мог, что это далеко не конец.

– Ты прав. Держи друзей близко, а врагов ещё ближе. Я прислушалась.

– С каких пор я стал твоим врагом?

– Ты ни друг и ни враг. Я просто знаю о тебе достаточно, чтобы не верить в сказки, которые ты любишь рассказывать.

Она изучает меня при помощи взгляда. Сердцебиение увеличивает ритм, и я выстраиваю стену, не позволяя проникнуть глубже. Не симпатизирую тому факту, что чувствую себя уязвимым в её компании.

– Я никогда не рассказывал сказки. Я не утруждаюсь запоминать имена и брать номера. Каждая из них знает меня, и каждая из них сама проявляет интерес. Я лишь даю то, чего они

хотят. Секс. Всё предельно просто. Никаких обещаний и лжи с моей стороны. Ты обвиняешь меня в том, что вы всё романтизируете, но посмотри правде в глаза. Я не влюблюсь в тебя после секса и даже после поцелуя. Это всё выдумки. Я получил своё ровным счётом, как и они.

Она расставляет кулачки по бокам и хмурится.

– Ты поступаешь по-свински.

– Я мог поступать по-свински, если бы весил лапшу на уши. Со мной всё предельно просто. Нет надежд – нет разбитого сердца.

Ещё несколько секунд, она смотрит в мои глаза и, поморщив носом, отворачивается, вновь приступая к тренировке, то же самое делаю я. Не могу сказать, кто из нас получил победу, мы оба остались при своём.

До тех пор, пока Трикси не уходит из зала, я не могу сосредоточиться. Так или иначе, нахожу глазами девушку и проклятую дыру внутри себя. Она ничего не делает, но та ноющая дыра даёт знать о том, что всё ещё присутствует. Темнота окутывает разум, и я увеличиваю скорость и силу удара, пытаюсь избавиться от чувств и прошлого, которое продолжает преследовать.

Как только её спина скрывается за поворотом, наношу по груше последний удар, вкладывая всю ярость, скопившуюся внутри. Сбрасываю перчатки и вытираю лицо руками.

– Черт! – цежу сквозь зубы.

Если я – ни враг и ни друг, то кто я? Легко: я хочу быть больше этих двух значений. Мне не нужна даже середина в виде никого. Я хочу быть кем-то для неё.

При разговоре с Мэди, мама как-то обмолвилась, что худшее из мук – отрицание чувств. Бессмысленность, которая ни к чему не приведет, а лишь усугубит. Ты добровольно отказываешься от того, чего желает сердце. Это равно тому, что отказываешься от самого себя, выдавая ложь за правду. Ненавидя враньё, я часто бью правдой там, где не требуется. Это одновременно проклятие и святость. Не знаю, что способно погубить меня: другой человек, или я сам.

Завершаю тренировку, не желая оставаться один на один с самим собой, и следую в раздевалку, а после в душевые.

Контрастный душ помогает взбодриться и обрести чистое сознание, где нет места дерьму. Сегодня предстоит побегать ради младшего братишки, которому скоро шестнадцать и которому родители решили закатить не хилую тусовку. Засранцу повезло. Я тоже с удовольствием вернусь в школу, чтобы повторить наш день рождения.

Выключаю воду и смотрю на постой крючок. Я пока не страдаю амнезией.

Проклятый шкафчик тоже пуст. И ключ, покоившийся рядом с полотенцем, тоже исчез. Одежда испарилась вместе с паром в душевой. Но остались кроссовки. Отлично. Оглядев квадрат со шкафчиками, я улыбаюсь.

Выруливаю из раздевалки, прикрываю хозяйство и гордо вышагиваю по коридору университета, ловя ошарашенные взгляды студентов. Улыбка становится ещё шире, когда девочки в открытую рассматривают моё тело. Я готов надрать одну задницу и вернуться к желающим уединиться. К собственной радости, далеко ходить не приходится. Я нахожу нужную блондинку в потоке студентов.

Карие глаза обращаются ко мне, когда кладу ладонь на хрупкое плечо и силой разворачиваю к себе.

– Пляж для nudистов не здесь, Картер, – вздёргнув подбородок, парирует она.

– Да? У меня проблемы с географией. Верни одежду, и мы разойдёмся на мирной ноте.

– Какую к чёрту одежду? Ты пропустил удар в голову от груши?

Усмехаясь, я нависаю над ней.

– Девочки уже увидели всё, что необходимо, и я желаю только одного: чтобы ты отдала одежду, а я вернулся к ним, показав не только внешность, но опыт.

– Я не знаю, о чём ты, – фыркает она, положив тёплые ладони на мои плечи и оттолкнув в сторону.

В те же секунду пакет в её руках начинает играть мелодией, которую поставил на отца. Моя улыбка становится шире. Наверное, каждый во вселенной понимает, что мои джинсы сейчас покоятся в этом пакете.

– Поторопись, у меня дела.

– Я не знаю, о чём ты, – настаивает она. Поразительная уверенность в себе.

– Тебе, должно быть, сейчас звонит мой отец.

Девушка морщится, а я силой вытягиваю пакет из рук и достаю мобильник из кармана джинс. Маленькая чертовка решила перейти мне дорогу, но я не слабак, и со мной эти девчачьи штучки не прокатят. Разводилу не разведёшь.

Поиграв бровями, я прижимаю телефон к уху, чтобы ответить, но голос отца раздаётся не по ту сторону линии, а прямо по коридору.

– И какого чёрта?

Я оборачиваюсь.

– Решил проветриться, – отвечаю улыбкой, понимая, что сейчас на наших лицах одно и то же выражение лица. Перевожу взгляд на занозу в заднице и вскидываю бровь. – На твоём месте, я бы больше так не делал, иначе придётся отрабатывать.

Пухлые губы отлипают друг от друга, когда она открывает рот и желает что-то ответить, но получается лишь воздух, опаляющий моё лицо.

То любопытство к отцу, вспыхнувшее в коридоре, отнюдь не радует. Старику уже за сорок, а девчонки пляшут так, словно цифры уменьшаются ровно на двадцать. Мама сейчас могла подпортить причёску каждой, хотя, сомневаюсь, она почему-то не замечает женские взгляды на него. Но я замечаю, и мне не нравится. Плевать, принадлежит внимание отцу или мне, когда на кону стоит семья – я, не задумываясь, оторву голову любому.

– Извини, ладонь пожать не могу, слегка занят.

– Я вижу, – смеётся он. – Немного стыдно, потому что моего сына только что сделала девчонка. Нужно провериться, вдруг тебя подменили при рождении. Хотя это странно, я был с Лизи всё время.

– Сейчас натяну трусы, ты расскажешь, какого это, после чего вместе посмеёмся и пожмём друг другу руки.

– Только для начала помой, не хочу трогать область ниже твоего пояса.

– Прикалываешься? Это твоё добро.

– Чтоб ты знал: у меня больше, – заливает отец, на что я закатываю глаза и пихаю плечом.

Слышу перешептывания за спиной и, оставив последний взгляд на Трикси, которая наконец-то рассекретила себя, направляюсь обратно в раздевалку. На этот раз у неё не получилось кинуть меня. Моя мстительница больше не наделена конспирацией. Интуиция не обманула, за что мысленно салютую пять.

Я следую в обратном направлении, прикрывая пах одеждой. Взглядом упираюсь в Эмили, которая стоя с какой-то подобной себе принцессой, наблюдает за мной, сощуриив глаза. И как только её собеседница поворачивается лицом – усмехаюсь. Её школьная подруга завоевала титул одной из. Да, я запомнил её внешность, но не имя. Делаю круг из собственной ладони, по которому хлопаю второй, показ тем, что мы в расчёте. Губы Эмили образуют «О», но она быстро смахивает удивление и с мрачным видом поворачивается к подруге. Им явно есть о чём поговорить, потому что вторая сама повисла на мне, как только увидела в университете ещё на первом курсе. Я дал ей желаемое, получая своё: мечь. Она сделала больно мне, я ответил тем же. Один-один.

Глава 10

Трикси

Соседка снова отсутствует, но я уже привыкла к её образу жизни, где утром она еле стоит на ногах с помятым лицом, а вечером при параде покидает комнату. Честно говоря, мне даже нравится, как будто живу одна. Запах перегара легко выветривается за пять минут, да и сейчас просто не успеваю его почувствовать, благодаря работе. Я даже вычислила дни, когда Мэйсона нет в библиотеке, чтобы заниматься. И когда туда хожу? Правильно, когда он там. В принципе, и когда его нет тоже. Я провожу там по несколько часов до рабочего дня, убивая часы докладами. Пока прекрасно удаётся совмещать учёбу и работу, хотя мама не совсем верит на слово, она верит баллам, а они высоки, что доказывает мою честность.

Сегодняшний день – исключение. Деби в комнате и на удивление трезвая. На лице девушки нет ни единого слоя макияжа. Белокурые локоны собраны в небрежный пучок на макушке, а мешковатая одежда скрывает худощавую фигуру. Зрачки голубых глаз похожи на бездну, среди тьмы, едва заметна радужка. Смотря в одну точку, она обнимает колени и бьётся спиной на стену. Не самая лучшая картина, которую когда-либо видела. Либо она под чем-то, либо что-то произошло.

– Привет, – сообщаю о своём появлении.

Девушка даже не моргнула, как будто оглохла на оба уха. Она продолжает смотреть в одну точку. Кладу рюкзак на кровать и, сделав шаг к кровати соседки, касаюсь плеча. Тут же её глаза устремляются в мои, и я вздрагиваю из-за пустоты в них. Это словно фильм ужасов. Ком из битого стекла нарастает в горле, когда обвожу взглядом её белое как мел лицо.

– Ты в порядке?

– Ты кто? – хрипит она.

Хмурюсь, но не подаю страха, который парализует каждую клеточку тела.

– Трикси, – отзываюсь я.

Ещё несколько секунд она молчит, как будто пытается вспомнить, а после отворачивается и вновь устремляет взгляд в стену. Отлично, просто отлично. Это намёк на то, что я должна отступить и не совать нос в чужую жизнь. Но в полемику вступает совесть.

– Я могу чем-то помочь?

– Никто не может мне помочь! – выкрикивает девушка и подскакивает на ноги, смотря на меня глазами, в которых застыл страх, паника и ужас. И вот это уже хороший посыл для отступления.

Я медленно киваю.

Через пару часов смена на работе и, честно сказать, готова прийти значительно раньше, предпочитая оставить встречи с соседкой такими же редкими, что были до сегодняшнего дня.

Именно так поступаю, подхватив рюкзак и облачившись в огромное худи, на пару размеров больше. Пасмурная погода и холодный ветер пробирают до звона костей. Всё идёт к шторму и дождю, которые ненавижу. Либо сегодня будет огромный наплыв клиентов, либо их полное отсутствие. Я предпочитаю второе, рабочее настроение на нуле.

Как только ладонь касается дверной ручки, на запястье образуется рука Деби.

– Ты можешь одолжить денег? – сирым голосом, спрашивает она и смотрит так, словно таким способом можно спасти жизнь. Очень сомневаюсь. Я не идиотка. Теперь уверенность в наркотической зависимости чёрным по белому читается на лбу девушки.

– Прости, у меня нет.

– Я видела, что у тебя есть!

– Это мои последние деньги, – лгу, но только ради неё. Я не хочу стать той, кто угробит чью-то жизнь.

– Мне нужно отдать долг, – вторит она, но отчетливо вижу и чувствую ложь.

– Прости, Деби, это ради тебя.

С этими словами вырываю руку и открываю дверь, покидая комнату.

Это не только ради неё, но и ради себя. Чувство самосохранения и самозащиты срабатывает автоматически. В первую очередь человек всегда обезопасит себя, а не постороннего. И я именно такой человек.

Враньё, – шепчет разум, – *ты уже солгала ради одного человека.*

Камень на шее вырастает, как нос у Пиноккио.

Несколько дней назад я зашла в библиотеку после тренировки, и когда женщина спросила, не видела ли Мэйсона, я ответила, что он читает где-то между стеллажами. Защищая его – я в ответ получаю нападение, именно это сподвигло вернуться назад и забрать его вещи, чтобы отомстить. Я и подумать не могла, что выдаст проклятый звонок. Заглянуть в библиотеку на обратном пути во второй раз, оказывается, было хорошим решением. Картеру мог не знать, кто выкрал одежду. Не хочу винить Эмили, но именно она потянула за собой, чтобы помогла выбрать помаду, а потом оставила в коридоре. Разве я похожа на ту, кто профессионально разбирается в макияже?

Мимолётное знакомство, которое связало нас в кабинете ректора, когда получали рекомендации после успешного перевода, вероятно, подтолкнуло её к тому, что мы вдруг должны стать лучшими подругами или сёстрами по несчастью. Я вовсе не против общения, и порой она даже нравится, особенно если не рассказывает о всякой дребедени, которая не способна задержать внимание дольше пяти минут. Я выслушала дюжину рассказов о бывшем парне, который предал самым отвратительным способом: переспал с лучшей подругой. Чужая личная жизнь никогда не волновала, и тем более сплетни. Эмили словно не замечает дезинтерес. К счастью, поведав об этом, она замолчала. Хотя, каюсь, я не послушала даже половину. Мой последний кивок головой был на словах:

– *Я докажу, что была лучшей за всю его жизнь. Он захочет вернуться.*

Не спеша, дохожу до кафе и удивляюсь, каким образом, время имеет суперспособность не торопиться, когда не торопишься ты. Стоит только прибавить шагу, как секундная стрелка ускорится. Магия, которую невозможно понять.

– Господи, как я рада тебя видеть! – ураган с прекрасным именем Кортни, уносит меня в подсобку.

– Приятно слышать, – смеюсь я.

– Мне нужна твоя помощь.

Забавно, совсем недавно её предлагала я, но другому человеку.

– Я не пойду к девятому столу, – предупреждаю заранее.

– Не требуется, – улыбается она.

– Тогда что?

– Переодевайся и помоги мне с другим столиком.

– У меня ещё полтора часа в запасе.

– Ты же моя подруга, а там парень, который мне нравится!

– Я должна быть вашим посыльным?

– Нет, просто помоги их обслужить. Я волнуюсь, – говоря это, она заливается румянцем, из-за чего огненно-рыжие волосы кажутся значительно ярче.

Кортни и волнение? Довольно комичная ситуация. Я ещё не видела её такой с начала нашего знакомства.

– Хорошо, – киваю, из-за чего девушка, визжа, бросается на мою шею.

– Ты моя спасительница! – какой разной может быть помощь. Спасти две человеческие жизни, но с таким разным способом.

Ровно минуту, Кортни буквально сходит с ума, ёрзая и дёргая ногой, отбивая ритмы пяткой. Это так смешно и грустно одновременно, ведь никогда не испытывала подобных волнующих чувств. Мне не довелось встретить человека, который перевернёт внутренний мир лишь одним присутствием. В свои двадцать два я остаюсь святой.

Подпрыгивая, Кортни старается обуздать воодушевление и изменить слишком радостное лицо, на котором светится влюблённость. Я размышляю, буду ли выглядеть также или смогу скрывать чувства.

– Добрый вечер, парни! – улыбается Кортни, откидывая взглядом стол, за которым уместилась тройка, и я быстро вычисляю того, с кем она боится встретиться взглядом. Она смотрит на всех, кроме него.

Парень проходится пятерней по русой копне волос и в его голубых глазах, похожих на океан, бегают дьяволята. На губах играет высокомерная усмешка, а не улыбка. Хочется сказать, что ямочки придают мягкость, очарование, но солгу. Бежевая футболка отлично подходит к образу хорошего плохиша, как и рваные джинсы. Знаю, это обманка. Внешность всегда обманчива, о человеке расскажут лишь его поступки.

– А твой коллега не хочет нас поприветствовать? – спрашивает тот же парень, смотря с мои глаза. Мне абсолютно не симпатизирует его нахальность.

– Добрый вечер, – окликаюсь, едва находя силы не цедить сквозь плотно сжатые зубы.

– Вот это уже лучше.

Улыбаюсь, выдавливая эту любезность, которая далека от естественности. Кортни собирает заказ, а я даже не пытаюсь придумать отговорки на следующий раз. Я точно не желаю подходить сюда снова. Смешно, что именно сейчас предпочту не просто обслужить, но и простоять весь ужин с парнями, которые обычно занимают девятый столик, во главе которого изредка появляется Мэйсон, чем вернуться к этому. Если те парни пошло шутят, и ты априори не принимаешь близко к сердцу, то взгляды и речь нынешних не по душе. Всем видом компания показывает дерзость, высокомерие, социальный статус и некую опасность, хотя в действительности они выглядят смешно. Богатые родители не делают из тебя властелина мира и не возвышают над обществом в целом.

Как только Кортни делает шаг в сторону, то же самое делаю я. Но ноги застывают, потому что на заднице чувствуется лёгкое жжение. С неприкрытым раздражением поворачиваюсь к столику и посылаю предупреждающий взгляд.

– В следующий раз сломаю руку! – понизив тон до шипения, я ошетиниваюсь.

– Трикси! – полушёпотом пищит Кортни, но я не из тех, кто будет терпеть подобное поведение, которое выходит за рамки дозволенного.

Парни усмеваются и переглядываются между собой, а я фыркаю и прохожу мимо Кортни, которая тут же следует за мной.

Никогда со мной не обходились в подобной унижительной манере, из-за чего становится обидно и больно. Впервые в жизни, поддаюсь эмоциям. Но хуже то, что с горечью понимаю, насколько сильно желаю присутствие Мэйсона где-то вблизи. Я не знаю, что управляло им, когда избил того парня из-за бранных слов в мой адрес. И сейчас, как ни странно, желаю повтора. К сожалению, я не в силах управлять ситуацией и возможностью его телепортирования сюда. Но будь Мэйсон тут, пошёл бы он на рожон, защитив меня?

За нами захлопывается дверь кухни. От Кортни разит недовольством. Она встаёт в позу, скрестив руки.

– Ты не имеешь право разговаривать так с клиентами!

– А они не имеют право лапать меня!

– Они не трогали тебя!

– Раскрой глаза, один из этого сбора идиотов зарядил мне по заднице!

– Это была шутка! – оправдывается она, когда взгляд персонала в недоумении устремляется в нашу сторону.

– Я не принимаю шуток, где какой-то недоумок трогает меня. Не хочешь принять, потому что он нравится тебе.

– Я всё понимаю, но ты нагрубила ему!

– Он заслужил. Если бы была возможность что-то поменять, я бы ничего не меняла, разве что вовсе не пошла с тобой.

– Это клиенты, мы не имеем право не подходить к ним!

– Мы имеем право выставить их за дверь, потому что они имбецилы с мозгом со спичечную головку. Прекрати оправдывать животное поведение!

– Я... – Кортни бегаёт глазами по ребятам, будто ищет поддержку в тех, кто даже не видел и не знает всей ситуации. Взгляд девушки вновь встречается с моим. – Он понравился тебе?

– Кто?

– Тоби! Он понравился тебе, поэтому ты так реагируешь!

– Кто это вообще такой?

Кортни фыркает и удаляется из кухни, предварительно силой пихнув чек в руку Энтони. Тишина на кухне начинает оглушать, лишь трескание масла в сковороде разбавляет напряжённую атмосферу.

Остаток вечера мы обходим друг друга стороной и не разговариваем, даже наши взгляды не пересекаются. Тяжело признавать, что скучаю. Не хватает игривой улыбки и блеска её глаз, когда находим друг друга среди толпы клиентов и бурных разговоров. Я привязалась к ней, и это гложет. Каждая из нас считает себя правой, какая-то кучка безмозглых идиотов смогла встать между нами. Обретя хоть какого-то друга в реальности, я потеряла. Я вовсе не желала пускать её ближе, но она, словно торнадо, ворвалась в жизнь, не позволив отстраниться. Кортни успешно разрушила выстроенные стены, и заняла место в сердце. Общаясь с ней и с Джен, я понимаю, какая непостижимая разница между реальным и сетевым общением.

Может, я была права? Может, я действительно погорячилась, приняв шутку за что-то большее? Может, гордость ни стоит дружбы? В одном уверена точно: кого бы она не имела в виду из тройки, скажу, что ни к одному не испытываю симпатию.

Глава 11

Трикси

Утро не задается буквально сразу. Руки дрожат, когда яростно перебираю тумбочку и не нахожу ноутбук. Становится до тошноты и головокружения страшно. Я точно положила его в шкафчик, у меня нет галлюцинаций.

С комом в горле перевожу взгляд на пустую кровать Деби, которая осталась в том же состоянии, что и вчера. Она не ночевала в комнате, нет сомнений. Почему поганые мысли сразу проникают в голову? Почему думаю на неё? Дверь в комнату не была закрыта, зайти мог кто угодно, и от одной подобной мысли – сотрясают рыдания. Я бегу к шкафу и начинаю перерывать полки с одеждой, чтобы найти конверт. Мама всегда говорила, что наличные не повредят. Я отложила некоторые средства и спрятала среди вещей.

Меня мутит, комната начинает вращаться, а руки трясутся.

Облегчённо выдыхаю, когда нахожу наличные, но это лишь жалкая половина стоимости ноутбука. Грудь разрезает всхлип, когда понимаю, что с ноутбуком исчезло светлое будущее. Все работы, которые должна отправить завтра и сегодня.

Холодная вода не помогает. Лицо опухло от слёз, а глаза красные. Такой разбитой шагаю с тетрадями на лекции, где валюсь в кресло и готовлюсь к чистописанию, чтобы в будущем разобрать собственные каракули. Взглядом нахожу Кортни через несколько мест.

Она не смотрит в мою сторону, чем доставляет ещё больше боли. Некоторые студенты открыто пялятся, когда достаю тетрадь, ручку и маркер. Прекрасно. Меня ничего не смущает. Собираюсь духом и готовлюсь к тому, что день проведу в библиотеке и, скорее всего, ночь тоже.

Скажу, что успевать слушать, писать и запоминать – адский труд. Если в компьютере успеваешь всё, то написав слово в тетради, поднимаешь глаза и понимаешь, что тема сменилась на другую. Это почти добивает меня. Такой слабой никогда себя не ощущала, как будто весь мир движется дальше, а я застыла на месте. Лишь однажды ловлю взгляд зелёных глаз на себе. И самое забавное, что по левую руку кресло занято Эмили. Я не то, чтобы не слушала, я не заметила её присутствие. Самое катастрофическое утро за всю жизнь, конечно, после того, как пришли вести о смерти папы. Тогда было гораздо хуже.

– Ты слышала об этом? – спрашивает Эмили, дёргая за руку, из-за чего ручка соскальзывает и рисует полосу по бумаге.

Посылаю предупреждающий взгляд, но разве помогает? Нет, она продолжает трепать языком. Либо она слепая, либо самоубийца, потому что даже я чувствую исходящее от себя раздражение.

Как только лекция завершается, собираю канцелярию и решаю пропустить философию. Тратя бесценные минуты в аудитории – теряю баллы.

Назойливая девушка следует попятам. Происходит взрыв.

– Оставь меня одну!

Вылупив карие глаза, она хлопает длинными ресницами и, разинув рот, пытается собрать последние живые извилины птичьего мозга. Сейчас мы представляем разные социальные слои: мой конский небрежно собранный хвостик, ни грамма косметики из-за дерьмового утра и одежда в виде джинс, первой попавшейся футболки, которая вывалилась из шкафа, и конверс. Так себе стиль. Эмили же выглядит сверхэлегантно в коктейльном платье бежевой расцветки, волнистые локоны и макияж, как будто девушка встала в пять утра или вовсе не ложилась, чтобы приготовить к новому дню внешний вид.

– Да что с тобой? – потрясённо выдаёт она.

– Оставь меня в покое от бесконечной болтовни хотя бы на сутки. У меня проблемы!
Я не дожидаясь ответа, бегу в библиотеку.

В спешке собираю дюжину необходимой литературы и плюхаюсь за один из свободных компьютеров.

Спустя полчаса, голова кипит, из ушей норовит повалиться пар, а буквы расплываются или смешиваются в чёрную дыру по центру экрана, но упёрто ищу информацию и восстанавливаю первый доклад. Тру уставшие глаза и подавляю всякое желание упасть и разрыдаться.

Я со всем справлюсь, – повторяю себе. — *Всё наладится.*

Вздрагиваю, когда стопка бумаги громко приземляется рядом. Я бы не подумала оторваться от кипящей работы, но по носу бьёт знакомый аромат парфюма.

– Мне не до тебя, Картер, – буркнув, не достаиваю его хотя бы секундным вниманием.

– Я тут не для этого.

– Отлично.

Стопка листов появляется в поле зрения. Прихожу в смятение как минимум по тому, что фломастером выделены главные аспекты сегодняшней темы.

Я встречаю взгляд Мэйсона.

– Что это?

– Мой конспект.

– И на кой чёрт он мне?

– Я не знаю, что с твоим ноутбуком, но пригодится. Ты не разберёшь свою писанину.

Я сглатываю, не решаясь принять или отказаться.

Тебе это надо, – твержу гордости внутри себя.

К счастью, помогает. Я медленно киваю и почти бесшумно выдыхаю.

– Спасибо.

Но короткой благодарности явно недостаточно.

Мэйсон двигает стул и присаживается рядом.

Импульсы пробегают по телу, заставляя каждый волосок встать дыбом. Не вовремя отправленный доклад и исчезнувший ноутбук не пугают так же, как Картер и безумные тараканы в голове. Сейчас он спасает мир, а в следующую секунду восстанет против всего живого. Он чёртова бомба замедленного действия, я не всегда могу предугадать последующее действие.

– Ты же писала его.

Мои глаза прищуриваются до такой степени, что не пролезет монетка.

– Откуда ты знаешь?

– Я не служу за тобой. Ты сидишь тут после лекций, и я вижу книги, которые ты берёшь.

Не приписывай мне повадки педофила.

– Педофил – это тот, кто совращает детей. Надеюсь, ты в курсе.

Его взгляд смягчается.

– Ты похожа на ребёнка.

– Ты же понимаешь, что я не поведусь на подобное?

Мэйсон обнажает очаровательные ямочки.

– *Поведёшься?*

– Ты прекрасно понимаешь, что имею в виду.

– С детьми не занимаются сексом.

– О, и во сколько ты лишился девственности?

– В пятнадцать, а ты? – ехидничает он, упав на спинку стула и покачиваясь на задних ножках.

– Хочешь сказать, что не был на тот момент ребёнком?

– Ты проигнорировала мой вопрос.

– Я не обязана отвечать на него, это моё личное право.

- Может, ты всё ещё девственница?
- Может быть, – пожимаю плечами. – Не думаю, что ты когда-нибудь об этом узнаешь.
- Не рой другому яму, сама в неё попадешь.
- Что?
- Не зарекайся, всё возможно.
- Ты нашёл книжку с афоризмами?
- Это жизненная мудрость. И я тоже не обязан отвечать на твой вопрос.
- В таком случае, мы квиты.

Он продолжает изучать меня, как букашку под микроскопом. И он прав.

Я не была в отношениях ни в любовных, ни в сексуальных. Не с кем и некогда. В планы не входило лишение девственности на одной из вечеринок и с тем, кого не вспомню на утро. Нет острой необходимости упасть на чей-то член для того, что было. Картер не узнает об этом даже если приставит дуло к виску.

- И?
- Что? – спрашиваю я, продолжая продвигаться по докладу.
- Во сколько?
- В шестнадцать, это всё? – ни капли не стыжусь лжи.
- Считаешь, что ты не была ребёнком?
- Он был слишком...

Я задумываю, кто был слишком непонятно кем, и молчанием топлю истину. В конце концов, выдают несусветную глупость:

- Горячим.

Горячим? Что я вообще несу? Но, возможно, так можно описать моего несуществующего бывшего горячего парня.

– *Горячим?* – залиvisto смеётся Мэйсон. – Только не называй его член стальным или что-то в этом духе, иначе я умру от смеха в библиотеке.

- Это синоним сексуального, страстного, красивого.
- Страстного? А дальше ты назовёшь его жеребцом?

– Пылкий любовник, – *Господи, просто заткните меня. Я умоляю.* – Он был шикарным любовником, Картер. Тебе не помешает поучиться у него в плане обольщения и не только.

- Почему ты думаешь, что я хуже? – Мэйсон из тех, кто умеет улыбаться глазами.
- Ну, как минимум по причине того, что у тебя ничего не получается со мной.
- А с чего ты решила, что я пытался?

Мэйсон облизывает нижнюю губу, и мне абсолютно, совершенно не нравится это. *Дерьмо, ведь мне нравится!* Парень склоняется ближе, и указательным пальцем манит к себе. Я почти соглашаюсь, но ломаю собственные желания, оставаясь непреклонной.

- Ещё одна безуспешная попытка.
- Уверена? – шепчет он.

Просто. Спасите. Меня.

Я отворачиваюсь.

- Уверена, Картер.

Парень возвращается в исходное положение.

- Почему ты делаешь это снова?

– Какое тебе дело? – стараюсь оставаться внешне непоколебимой и уверенной, чувствую, как угасает всё внутри.

- К чему весь этот негатив?
- Ноутбук сломался.

Мне тошно от себя, потому что на обычный вопрос выставляю колючки и грублю. Но почему-то напрягаюсь только когда дело касается Мэйсона. Да, того самого, который протянул руку помощи.

– Ты ошиблась датой, – говорит он, указывая на экран.

– Всё из учебника.

– Ты перепутала местами цифры, Трикси.

– Ладно, – признаю его правоту и меняю. – Но это не делает тебя умным, а меня глупой.

– Это банальная опрометчивость и торопливость. Ты воспринимаешь в штыки каждое слово или исключительно мои?

Почему?

Почему он не может быть каким-нибудь уродом, который издевается и насмехается, чтобы проще ненавидеть?

Нездоровое поведение списываю на страх. От одной мысли, что подпущу ближе, привыкну, влюблюсь, – бросает в жар. Я боюсь, что он станет тем, кто ломает. Я знаю, что он может. Он из тех, кто после себя оставляет пепел. Поэтому выбираю бороться с собой, нежели капитулировать и окунуться в омут.

– Мистер Картер Великолепный, какая чудесная встреча, – над нашими головами звенит голос. Это мой похоронный вальс.

– Миссис Райт Превосходная, – харизма Мэйсона, клянусь, влияет и на неё.

– Вам понравилась книга?

– Какая книга?

Вот чёрт.

– Которую вы читали вчера.

Я пропала, как и ложь во имя спасения.

Видя замешательство на лице Мэйсона, уголки губ женщины дёргаются в полуулыбке.

– Хочу побеседовать с вами.

Я в заднице.

Мэйсон поднимается и направляется вслед за женщиной, а я готова сгрызть ногти до локтя. Совсем скоро повиснет вопрос, кто видел его с книгой между стеллажами. *Вчера.*

Загадка, а?

Кто же это был?

Надежда лишь на то, что Картер выкрутится и спасёт нас от смерти. На девяносто девять процентов уверена, что у него получится, как получается обычно.

Мэйсон не возвращается ни через пять минут, ни через полчаса, ни через пару часов. Он ушёл. Знаю, потому что некоторые девчонки приходят посмотреть на него, а не упиваться литературой. Некоторые уже разошлись, ведь *парень мечты* с фамилией Картер – не тут.

День сменяется вечером, а вечер – пустотой. В зале остаюсь только я, доклад по истории, и половина от английского, который намерена доделать с первыми лучами солнца.

Я покидаю библиотеку запоздно.

Холодный ветер ударяет в лицо, как только открываю дверь и покидаю университетские стены. Благодаря спешке утром, голову не посетила умная мысль прихватить кофту, и теперь приходится стучать зубами, обнимая себя руками. Вечер выдаётся морозным. Несчастливая карта выпадает вторые сутки подряд, потому что вчера всю ночь лил дождь и, прячась под одеялом, я пыталась сомкнуть глаза. Отсутствие нормального сна, отвратительное утро и день, сделали из меня самое настоящее чучело. Прикид невесты Чаки.

Парковка пуста, лишь одна машина занимает деление и, надеюсь, что это случайное стечение обстоятельств.

Но, безусловно, не в моём случае.

– Приветик, – на горизонте появляется тот самый неприятный парень из кафе, по которому пускает слюни Кортни.

Принимаюсь за тотальное игнорирование, желая пройти мимо. У придурка другие планы. Он каждый раз заслоняет собою дорогу.

Я сжимаю кулаки.

– Отвали.

– Тебя не научили здороваться? – скалится он. Белые зубы сияют в тусклом свете фонарей.

– Тебе не говорили, что нельзя разговаривать с незнакомцами, особенно в темное время суток?

Как ни странно, но страх отсутствует. Я вовсе не шутила, когда говорила, что сломаю руки. Могу добавить звездочки над головой.

– Свали с дороги, – я скриплю зубами.

– Прокатимся?

– Прокатишься с моим парнем в *его* машине. И не рассчитывай на пассажирское кресло, в багажнике много места.

Он улыбается, но от фальшивого дружелюбия холодок бежит по позвоночнику. Так улыбаются те, кто склонен к удручающим поступкам.

– Садись в машину.

– Представим, что я этого не хочу и не сделаю, что тогда?

– Я помогу.

– На каждом углу камеры, кретин, делай укладку для снимка на стенд в полиции.

Я не кажусь милой, когда хлопаю его по плечу так, что могу сломать ключицу. И я все-рёз рада сбежать, потому что страх начал подавать первые тревожные сигналы, когда предложили или даже приказали сесть в машину. Так выглядит первый звоночек для подготовки к самообороне. Не знаю, для чего заикнулась о парне, ведь в состоянии дать отпор, но сработал инстинкт.

Упоминание камер всё же даёт свои плоды.

Я обхожу парня, хоть и на дрожащих коленях. Больше никогда не выйду на улицу при наступлении потёмок.

Глава 12

Мэйсон

Приглушенная музыка заполняет салон машины, в такт которой барабаню большими пальцами по рулю. Ди редко заставляет ждать, но это, чёрт возьми, так метко. Десять минут уже давно сложились дважды.

Перевожу взгляд на часы в ту самую секунду, когда цифра меняется на следующую, а дверца с пассажирской стороны распахивается. Открываю рот, но не успеваю ничего выдать, ошарашено глядя на девчонку, упавшую на соседнее кресло.

Вопросительно поднимаю бровь, в то время как она хлопает широко распахнутыми глазами. Тут же её лицо застилает фальшивое счастливое выражение, из-за чего становится смешно.

– Поцелуй меня, Картер! – тараторит Трикси, тяжело дыша.

– Ушиблась головой?

– Поцелуй меня, чёрт тебя дери!

Она хватается за горло футболки и резко притягивает к себе.

Да, поцелуй мне нравится, отрицать не стану. Он имеет особый сладкий вкус ненависти, я знаю: она ненавидит меня. Именно Трикси сдала меня миссис Райт. Вторая, не донесла до ректора, за что спасибо, в ином случае, моя задница могла сидеть дома, а стопка с личным делом лежать в шкафу, пока мама укладывает волосы, вставшие дыбом.

Запускаю руку в волосы на затылке, желая углубить поцелуй, но она прикусывает нижнюю губу и бубнит:

– Даже не думай об этом, Картер.

Я отстраняюсь, потому что поцелуй без языка равен бесполезному обмену слюнями.

– Тогда проваливай.

– Не-а, – она находит кого-то в толпе студентов и кивает головой. – Видишь тех двоих?

Я бросаю короткий взгляд на парочку, что озирается по сторонам, словно кого-то ищет, и возвращаю внимание к взволнованной девчонке.

– И?

Трикси шлепает меня по руке.

– Не смотри, придурок!

– Ты сама сказала посмотреть, – я фыркаю от смеха.

– Но не так, как ты делаешь это!

– Мне уже скучно, свали.

Она кривится от отвращения.

– О, мне не доставляет удовольствие сидеть тут с тобой.

– Это моя машина, – учтиво замечаю в ответ.

– Купленная твоими родителями, – Трикси закатывает глаза.

– И? Родители обделили тебя любовью?

Она поджимает губы, словно зацепил за больное. Становится не по себе, если попал туда, куда не хотел.

– Ты просто заносчивый придурок, Картер.

Послав мне очередную многообещающую лживую улыбку, Трикси покидает машину и хлопает дверцей, из-за чего дёргается глаз. Будь у неё член, сейчас голова занозы могла принимать удары железом.

Я провожаю взглядом её фигуру вплоть до того, пока не исчезнет с горизонта и устремляю на парочку, которая тоже смотрит ей вслед. Мне не нравится то, что они наблюдают за ней. Следят.

Выбираюсь из машины и вышагиваю в их направлении.

Наша разница в возрасте вряд ли велика, может быть парочка лет. Они выглядят как чьи-то пешки, облачённые в придурковатые клеточные рубашки. Оба чуть ниже, похожи на тараканов с мутацией.

– У тебя вопросы, парень? – спрашивает один, окидывая меня взглядом сверху до низу и обратно. Не отказываю себе в ответном действии.

– Думаю, что вопросы у тебя.

– Ты можешь быть свободен.

– Свободен буду только тогда, когда решу самостоятельно. Какого хрена я вижу вас рядом с ней?

– Мы похожи на тех, кто будет обсуждать с тобой девчонок? – он улыбается, как будто гордится собственной смелостью и наличием словарного запаса.

– А я похож на того, кто повторяет дважды?

Они переглядываются, взгляд одного, тупее другого. Про них можно снимать фильм.

– Я выжгу всю вашу родословную до эры динозавров, если ещё раз увижу, что крутитесь около неё. И передайте хозяину, чтобы хорошенько накормил за работу.

– Увидимся, – окликает тот, что молчал до этой минуты.

– Смотрите, он умеет разговаривать, – бросаю в ответ. – Следующий раз будешь делать это без зубов. Уяснили?

Они отклоняются в сторону дороги, а на плече возникает ладонь.

– Какого чёрта ты опять исполняешь?

– Прости, мам, я больше так не буду, – нахожу глаза Ди, посмотрев через плечо.

– Говори, Картер.

– Мою сестру ты также называешь?

– Да, если она делает мне мозги.

– Как мило, ты просто плюшевый мишка.

– Я всего лишь люблю твою сестру.

Ладно, он хотя бы отошёл от темы моего воспитания и лекции по поведению с крестинами.

– Ты опоздал, – констатирую я.

– И что? Ты постоянно это делаешь.

– Но не на тренировку.

– Да, и о чём я вообще? Святая тема.

Мы занимаем места в салоне машины.

– Я всего лишь люблю то, чем занимаюсь.

– Картер, ты просто любишь драться. Не вешай лапшу на уши.

– Не исключено.

На пару минут в салоне повисает молчание, лишь музыка разбавляет тишину. Вопросов в голове больше, чем ответов.

Кто они такие? Чего хотели? Бойтся ли она их? Она пошла на поцелуй, хотя всегда просит отвалить. Трикси вряд ли могла прибегнуть к подобному без резонного повода. И чертовски дермово, что мне понравилось. Даже так по-детски.

– Ты не можешь угрожать каждому, ты это знаешь?

– Кто сказал? – я смеюсь.

– Закон, к примеру, хоть какая-нибудь мораль. Не думаешь?

Оставляю на Ди красноречивый взгляд.

– Ты можешь сказать мне правду. Я когда-нибудь подводил?

– Нет.

– Тогда в чём проблема?

Сжимаю руль сильнее и останавливаюсь на светофоре, наблюдая, как белеют костяшки.

Я злюсь. Не знаю, на что, но злюсь.

– Они следят за ней.

– За кем? – в следующую секунду в глазах друга возникает полное понимание. – Трикси.

– Да.

– Девчонка не даёт тебе покоя.

Я киваю и не прячу усмешку.

– Я не в этом смысле, придурок. Она не даёт тебе покоя, потому что ты думаешь о ней.

Постоянно. Ты запомнил её имя.

– Большое дело. Оно просто смешное.

– Именно поэтому ты запомнил его и её в целом.

– Ты собираешься обсуждать со мной слюнявую хрень?

– Да, хочешь остановить меня?

– Мог бы.

Ди поднимает уголок губ и поворачивается ко мне корпусом, прижимаясь спиной к двери.

Я показываю средний палец и прибавляю громкость на всю мощность. Но дотошный гадёныш нажимает кнопку, оглушив внезапной тишиной.

– Серьёзно? Ты решил, что я не знаю, как выключить музыку?

– Мне предлагали сделать защиту, надо было соглашаться.

Я снова включаю музыку.

Подобная борьба длится несколько минут. Я включаю – Ди выключает. Никто из нас никогда не отступает. В конечном итоге, мы смеёмся.

– Не будь таким упрямым. Она зацепила тебя!

Он пользуется тем, что слежу за дорогой и не могу сбросить его лапы с кнопки включения.

– Дай себе шанс, я сбился со счёта, какой раз повторяю это.

– У меня миллион шансов.

– Так возьми хоть один!

– Я уже взял.

– Твои бессмысленные перепихи не входят в их число. Ты должен дать шанс другому, как это сделала Мэди.

– Ты – это другое дело.

– Ты многое не знаешь.

Я мрачнею. Мысли начинают вращаться вокруг Мэди.

– Чего именно я не знаю? – медленно растягиваю я.

– Ответ за ответ. Согласен?

– Давай.

– Ты начинаешь, – говорит он.

– Почему?

– Потому что хочу, чтобы ты доверял мне, поэтому предоставляю возможность сделать первый шаг. Я отвечу первым.

– Ладно. У меня нет вопроса и есть одновременно.

– Кое-что произошло между мной и твоей сестрой тогда... последний раз.

Я смотрю так, как будто у него отросла вторая голова. На несколько секунду теряется дар речи. Знаю, что он имеет в виду. Какой день.

– Вы... что конкретно было?

- Я помог ей. И я поцеловал её.
- За моей спиной.
- Мы не были друзьями. Мы были знакомы и не более. Она не обязана отчитываться перед тобой, как и я.
- Ладно, твоя правда, – киваю тяжёлой головой, как будто она наполнилась свинцом. – Моя сестра целует другого. Шикарно.
- Я стреляю взглядом в Ди.
- Ничего не смущало?
- Знаю... – он кажется огорчённым и смотрит куда вдаль, а следом находит мой взгляд. – Не осуждай. Иногда это невозможно контролировать. Она нравилась мне задолго до этого. Задолго до того, как увидел её с ним.
- Знаешь, почему я всё ещё не остановил машину и не сломал тебе нос?
- Ди делает отмашку, чтобы я договорил.
- Потому что ему хочу сломать сильнее. Когда это было?
- Встретил в раздевалке.
- И какого чёрта она делала в раздевалке?
- На его скулах начинают играть жевалки. Он снова смотрит вперёд.
- Не знаю.
- Охренеть, что узнаю спустя пять лет.
- Моя очередь. Несмотря на то, что рассказал больше положенного, задам один: почему ты запомнил её имя?
- Вопрос заставляет нахмуриться и задуматься, а после пожать плечами.
- Я же сказал, оно просто смешное. Не слышал такое раньше.
- Ты не договариваешь.
- Ладно. Драка с Роном отчасти её вина. Он назвал её шлюшкой, за что получил в челюсть. Она оттащила от него и... хрен с тобой, помогла с аптечкой.
- Когда тебя волновало чьё-то положение в обществе?
- Он был не прав.
- Тебе откуда знать?
- Это третий.
- Ладно, валяй.
- Почему моя сестра?
- Потому что я люблю её, уже говорил. Так получилось. Ты сам знаешь, что чувствами невозможно управлять.
- Что говорила Эмили?
- Несла какую-то хрень, я не слушал. Меня интересовало другое.
- Что?
- Вы двое в одном кабинете. Ты смотришь на неё на лекциях.
- Она общается с Эмили.
- Какое до этого дело? Ты знаешь только её имя. Это, конечно, уже много, но ничего не меняет. Ты смотришь на неё.
- Я против их общения.
- У меня тот же вопрос: почему тебя это волнует?
- Потому что она слишком хороша для Эмили.
- И снова: откуда знаешь?
- Я знаком с ней достаточно, чтобы сказать, что это не так.
- Насколько *достаточно*?
- Не настолько, чтобы дело дошло до секса. Она на дух меня не переносит.
- Но воруешь твои трусы, – с усмешкой парирует Ди.

- Это была месть.
- За что?
- За то, что я обошёл грубо.
- Она нравится тебе. Признайся.
- Я признаюсь в том, что мне много кто нравится.
- Но только её имя ты запомнил.
- Это ни о чём не говорит.
- Да, может быть, не о ком-то другом, но о тебе.

Вероятно, видя моё нежелание продолжать, Ди прекращает вести допрос.

Тренировка не способна вымотать, сколько бы Ди не пытал меня, и мы не выходили на ринг – я всё ещё бодр. Мы битые два часа проводим в зале, а усталость обходит стороной. Мне нужно извести себя настолько, чтобы по возвращению домой, замертво упал на кровать и провалился в сон.

Наклоняю корпус, и друг промахивается, рассекая перчаткой воздух.

– Мимо, – я задиристо улыбаюсь.
– Ты просто ловкий засранец, – он опускает руки и разминает шею наклонами. Мы оба покрыты потом и выглядим, как два безумца. – У тебя получается увернуться не только от моего кулака.

- Думаешь, сможешь победить меня?
- Ты действуешь на эмоциях, а я обдумываю шаги.

Ди стучит перчатками друг о друга.

- Ты знал, что иногда лучше сделать, чем не сделать? – подначиваю я.
- Ты не можешь всё время руководиться эмоциями. Стоит забыться, и вырублю тебя на десять секунд.
- Мамина ловкость досталась мне, – подмигиваю я. – Ты быстрее вырубил себя.
- Сомневаюсь, проверим?

Спустя некоторое время, у ринга собирается небольшое количество народа, с любопытством наблюдая за нами. Мы не выходим на ринг вдвоём, а если и выходим, то только чтобы побоксировать и потренировать друг друга. Сейчас это конкретный бой на розыгрыш одной победы. Торжествуя с поднятой рукой выйдет только один из нас.

Удар за ударом, мы изводим друг друга и улыбаемся, когда удачно попадаем в намеченную цель.

Ди поигрывает бровями.

- Что будешь делать, когда узнаешь, что у неё есть парень?
- Ничего, потому что у неё его нет.
- Откуда тебе известно?
- Она поцеловала меня в машине, чтобы избавиться от тех типов.
- Ладно. Что будешь делать, если он появится?

Слова заставляют встрепенуться и потерять бдительность. Я пропускаю удар в плечо.

- Я же говорил. Думай, черт возьми, головой.
- Они тут не при чём, – я хмурюсь, всё ещё прокручивая мысль, что кого-то увижу рядом с ней. И этот кто-то не будет девушкой. Этот кто-то будет целовать её.
- Я вижу тебя насквозь.
- Ты видишь и знаешь меня настолько, насколько я позволяю.

Ди выгибает бровь.

– Уверен?

Честно? Уже нет.

Ответ оставляю в собственной голове, на деле пожимаю плечами.

Не может быть, я не настолько предсказуем и до тошноты банален. Или Ди всё же прав? Меня легко вывести, стоит только щелкнуть пальцами. Многие пользуются подобной возможностью как, к примеру, Рон. Слово – и я поднимаю кулаки. Дерьмо, потому что я действительно позволяю это.

– Задумалась, принцесса? – дразнит Ди, и его следующий удар выбивает из лёгких воздух, из-за чего сгибаюсь пополам.

Он прав.

Ди отступает и встречает мой растерянный взгляд.

– Теперь понял, о чём я?

– Понял.

Дальнейший бой приведёт только к моему поражению. Я больше не настроен на подобную игру, поэтому ухожу с ринга.

По залу разносится недовольный вой.

Не завожу разговор с Ди до тех самых пор, пока не доезжаем до парковки, где располагается их квартира.

Он молча предлагает зайти, но отрицательно качая головой.

– Мэди ждёт тебя.

– Мне нужно кое-куда, поцелуй её за меня.

– Не натвори какой-нибудь херни. Рано или поздно не успеешь увернуться от пули.

Он покидает салон машины, слабо ударив предплечье кулаком в знак прощания.

Не отрицай чувства, они лишь усугубятся, – голос мамы эхом разносится по сознанию.

Следующие слова принадлежат Ди. *Теперь ты понял, о чём я?* – да, теперь понял. Я не могу собраться, потому что думаю о другом.

Торможу на парковке кампуса и вылетаю из машины, переходя на бег.

Удивлённые взгляды окружающих провожают спину, но не могут похвастаться таким же интересом. Я знаю лишь имя и внешность, это и спрашиваю у всех студентов, которых встречаю. Все дают размытые ответы, вроде «да, может быть видел». Раздражаюсь, но всё равно не сдаюсь и продолжаю поиски иглы в стоке сена. Я достану её, чего бы ни стоило.

Спустя полчаса, наконец-то натыкаюсь на полезного человека.

Парень указывает на дверь, за что получает мою благодарность и виде хлопка по спине.

Я стучу, но скорей похоже на то, что сношу с петель. В следующее мгновение на пороге появляется Трикси с покрасневшими глазами, от чего перехватывает дыхание, а желание разорвать того, кто стал причиной, – утраивается.

Глава 13

Трикси

Сложно объяснить то, что отражается на моём лице: смесь шока, удивления, непонимания и ещё тысяча идентичных эмоций. Не понимаю, зачем, но отступаю и позволяю войти. Мэйсон осматривает коридор и, подняв бровь, устремляет взгляд на меня.

– Уверена?

– В чём?

– Я не невидимка. Сейчас каждый увидит, что зашёл в твою комнату.

– И что?

Он на секунду закусывает нижнюю губу, вероятно, сдерживая улыбку, и делает шаг вперёд. Дверь за ним закрывается.

– Сама знаешь, что подумают.

– Не мои проблемы, что у некоторых интеллектуальный диапазон размером со ушко швейной иглы. Если пришёл за благодарностью, то спасибо будет вполне достаточно и это максимум, который *ты* можешь получить от *меня*.

– Ты опять перешла к негативу.

– Потому что я не до конца понимаю причину твоего появления.

– Мне нужны ответы.

– Я тоже много чего хочу.

Мэйсон качает головой и делает шаг в мою сторону.

– Ты же не думаешь, что я сейчас отступлю, и как во всех мелодрамах сможешь прибить меня к стене, где мы поддадимся страсти?

– Не исключаю подобный поворот, – улыбается парень.

– К промахнулся с фильмом.

Хочу вернуться в кровать, где совсем недавно сворачивалась клубочком, но рука Мэйсона резко возникает прямо перед носом. Что ж, если это фильм, то наверняка матрица, иначе как объяснить то, что отклоняю корпус назад.

– Картер, говори, что нужно и вали.

Он указывает подбородком на свободную кровать, продолжая держать шлагбаум перед лицом.

– Где соседка?

– Понятия не имею, это всё?

– Нет.

– Убери руку, я могу сломать её.

– Попробуй.

Мэйсон перехватывает моё запястье до того, как кулак достигнет желаемой цели. Похвально.

– Я быстрее.

– А я могу задействовать руки и ноги, – сама не понимаю почему, но не могу оставить его без ответа.

– Мне даже не нужны две руки, чтобы остановить тебя. Хватает одной.

– Картер, отпусти, – дёрнув рукой, пытаюсь освободиться. – Я не знаю, зачем ты пришёл, но хочу, чтобы ушёл.

– Мне нужны ответы.

– Я могу повторить.

– Мне не требуется повторять дважды.

Он крепче сжимает запястье. Приятный аромат окутывает разум, как только Мэйсон склоняется ближе.

Наши лица в нескольких дюймах друг от друга.

– Кто был на парковке и почему ты выбрала меня?

К счастью, он отпускает запястье самостоятельно, и складывает руки под грудью. С его присутствием, комната становится в несколько раз меньше. И я не уверена, что дело в массивности и росте. Просто Мэйсон один из тех, кто способен повлиять на вращение планет вокруг солнца. Способен подстроить всё под себя.

Нет объяснения, почему из всей толпы выбрала именно его. Наверное, существует только один аргумент: он уже защитил. Кортни выбрала не того парня. Как оказалось, его желания должны стать законом для других. Новый шаг – запугать меня какими-то полудурками в виде его подручных. Я вновь отказалась сесть в машину, найдя другой выход: беспардонно упасть на голову Мэйсона, из-за чего отныне испытываю стыд. Я втянула его в это, назвав своим парнем и подтвердив слова действием. Я совершила ошибку.

– Что ты хочешь услышать? Мне пришлось так сделать, потому что... потому что надо было!

– Отличный ответ, – он щёлкает языком. – Можно развёрнуто? Там была куча машин, охрененное количество людей, но ты пришла ко мне. Причина?

– Ты уже защитил меня однажды, – говорю я, решаясь выложить правду и наивно надеясь, что этого достаточно для его исчезновения. – Я подумала, что ты сможешь сделать это ещё раз. Они должны были увидеть и всё.

– Для чего?

– Это уже неважно.

– Это важно.

– Не переживай, они больше не появятся.

– Хочешь, скажу, почему ты пришла ко мне?

Я падаю на кровать и делаю отмашку рукой.

– Попробуй.

– Потому что я нравлюсь тебе.

– Одно по одному, Картер. Сейчас всё выглядит, как преследование. Сначала лекция, потом библиотека, следом кафе, а сейчас ты вваливаешься в мою комнату.

– Хочу сказать то же самое: сначала аудитория, потом библиотека, дальше моё любимое кафе, следом машина, чего ждать в будущем?

– Не беспокойся, я уже уволилась, и как только верну ноутбук – не увидимся в библиотеке.

Он сводит брови и хмурится.

– Уволилась? Почему?

– Потому что тебя не должно касаться, ещё есть вопросы?

– Трикси, – процедив, Мэйсон сверлит дыру в моем черепе.

– Я так захотела. Достаточно?

– Нет.

– Картер, ты последний человек, перед кем должна отчитываться.

– Я узнаю причину у Кики.

– Тогда какого черта ты всё ещё тут? – я указываю на дверь. – Уходи, я хочу побыть одна.

– Я не уйду.

– Уходи!

Мэйсон отрицательно качает головой, и я едва могу сдержать непрошенные слёзы. Я безгранично зла на соседку, но сейчас весь гнев сосредотачивается на нём, на его стальной упрямости.

– Уходи! – в уголках скапливаются слёзы. Они вот-вот прольются.

– Нет.

Его настойчивость добивает.

Я сдаюсь.

Увольнение с работы. Кортни возложила всю вину на меня и игнорирует несколько дней. Соседка исчезает вместе с ноутбуком. Какой-то самопровозглашённый король думает, что способен усмирить меня силой. Приезжает сам, подсылает парочку головорезов, ежедневно пишет сообщения. Но главная беда в торнадо с фамилией Картер, к которому начинаю испытывать определённые чувства. Я цепляюсь за последние ниточки, чтобы не попасть под его чары.

Но уже попала.

Я привязываюсь. Не хочу, но привязываюсь.

Из груди вылетает всхлип, а следом струятся жгучие слёзы.

– Раздевайся, покувыркаемся. Ты выполнишь план и отстанешь!

– Я мог согласиться, не прозвучав предложение в подобном контексте, но хочу помочь,

Трикси.

– Мне не нужна твоя помощь! Боже, неужели ты не понимаешь?!

Мэйсон последний человек на планете, которого желаю видеть, будучи сломленной. Перед ним нельзя показывать слабости. Но сердцу не прикажешь. Я за каменной стеной, когда он рядом. Защиты нет только от одного. От него.

– Я помогу, – уверенно произносит он, медленными шагами сокращая дистанцию. Стирает стены, которые выстроила. – Можно хотя бы присесть?

Я утыкаюсь в подушку и вытираю слёзы, которые не прекращаются.

– Я хочу, чтобы ты ушёл.

– Я не уйду.

Кровать прогибается под весом, когда парень усаживается на край.

Бесполезно. Пустая трата времени просить его. И особенно просить о том, чего не хочет душа. Противоречие самой себе.

– Я могу лечь?

– Мне без разницы.

Я превращаюсь в камень. В неживой титановый камень, когда он принимает не оглашённое предложение и ложится на подушку. На кровати критически мало места, и его близость заставляет отползти к стене, из-за чего едва не сливаюсь воедино с бетонными плитами. Слушаю его размеренное дыхание, затаив своё. Возможно, на деле всё немного иначе, ведь я сама прижала себя к стене, лишь бы не соприкоснуться с ним.

– Ты принимаешь меня в штыки и каждый раз выставляешь колючки, почему?

– Я не хочу разговаривать с тобой.

– Это ничего не меняет. Я не уйду, пока не объяснишь. И ты тоже. Помрём тут от голода и холода.

– Тут не холодно, Картер.

– Конечно, с тобой лежит самый горячий парень университета. Милости прошу на мой огонёк.

Я хмыкаю, но всё выглядит как смешок, ведь действительно улыбаюсь.

– Видишь, ты уже смеёшься. Считай, почти запала на меня. Ещё одна шутка, и тебя за уши не отдерёшь, а в туалет предпочитаю ходить один. Прими к сведению.

– Ты такой мерзкий, – я шмыгаю носом, тогда как улыбка не желает покидать лицо.

– Секса не будет, даже не проси.

– Обойдусь.

– Ну, не знаю, я могу потухнуть, придётся искать дрова, либо греться путём трения.

Я не глядя пихаю его локтем, по ощущениям, попадаю в рёбра.

– Картер, ты хочешь сказать, что я бревно в постели?

– Сейчас похоже на то. Ты прилипла к стене и не шевелишься. Слава Богу, что слышу дыхание. Хотя бы повернись, чтобы я понимал, что и как. Не хочу лежать в одной кровати с трупом.

– Я не хочу поворачиваться.

– Конечно, там немеренное количество соплей на стене, я бы тоже не стал.

– Ты отвратителен, – на этот раз не могу сдержать смех. Сердце окутывает теплотой. Я смеюсь сквозь слёзы, хотя больше похоже, что хрюкаю.

– Ну, так что?

– Что?

– Повернёшься?

Делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю. Перекатываюсь на спину и поворачиваю голову.

Он внимательно наблюдает за мной, а лучезарная улыбка с ямочками на щеках, поднимает настроение одним видом. Уверена, стоит ему улыбнуться, как трусики какой-нибудь девчонки ползут вниз. Согнув одну руку и подперев ею голову, второй Мэйсон постукивает указательным пальцем по своей груди. В следующее мгновение он звонко смеётся.

– Не могла бы ты снова отвернуться?

Я оскорблённо шлёпаю его по предплечью и награждаю смертоносным взглядом.

– Не смотри так. Целовать тоже не буду, ты вся в слезах, соплях и на твоей щеке остались крошки дешёвой краски. Я только что обновил рейтинг антисексуальности в своей голове.

– Поверить не могу, что у тебя вообще есть такой рейтинг.

– У тебя тоже есть, просто не хочешь признавать.

– Я не вешаю ярлыки на людей.

– Разве? – он задумывается, а следом интересуется: – А как же я? Ты повесила на меня ярлык, как только увидела в раздевалке.

– Потому что перед этим отсюда вышла какая-то злая девчонка.

– Злая? – на этот раз он самодовольно усмехается. – Хотя... скорее всего из-за того, что мы решили расстаться.

– Уверена, ваши отношения не пережили даже двадцати четырёхчасовую годовщину и попали в книгу рекордов Гиннеса.

– Мы это уже обсуждали. Я честен перед ними и перед собой. А ты нет.

– И как ты пришёл к такому умозаключению?

– Когда видишь человека, первое, что делаешь: судишь по внешности. Можешь сколько угодно отрицать очевидное, извилина срабатывает автоматически. Только по истечению какого-то времени узнаёшь и меняешь мнение.

– От неприятного человека исходит определённая аура. Она как харизма, сразу ощущается.

– И что ты думаешь обо мне?

– Ты намного наглее, чем кажешься.

– Вау, значит, ты всё-таки думаешь обо мне.

– Ну ещё бы, ты подумал что-то другое.

Мэйсон игриво подмигивает и устремляет взгляд к потолку.

Я, как бы того не желала, рассматриваю его профиль.

Полные губы, изредка он может прикусить нижнюю. Загадочные тёмно-карие глаза обрамлённые длинными и густыми чёрными ресницами, как песнь Сирен для моряков. Девушки готовы бросаться в воду, как только видят его. Острые скулы подчёркнуты едва заметной щетиной, о которую хочется потереться щекой даже если после проявленной слабости останутся болезненные ощущения. Немного вздёрнутый нос с еле заметной горбинкой на пере-

носице. В Мэйсоне есть та невидимая, но легко уловимая харизма. Он получит всё, стоит улыбнуться. И это огромная проблема: он не знаком с отказом. С ним априори хочется согласиться, желаешь этого или нет. Сверхспособность в виде гипноза.

– Ты тоже наглее, чем кажешься, – говорит он, нарушая повисшую тишину.

– Не правда.

– Это не я прыгнул к малознакомому человеку в машину и требовал поцеловать.

– Это не я завалилась к малознакомому человеку в комнату и на кровать.

– Заметь, я спросил, уверена ли ты, а потом разрешение сесть и лечь.

– Ты утрируешь.

– Нет. А вот ты чуть ли не порвала мою футболку от желания. Могла бы просто попросить.

Его блестящие глаза вновь встречаются с моими.

– Что стряслось?

– Пройденный этап, можешь не пытаться.

– Я хочу помочь, тем более, ты уже ввязала меня.

– Ты не тот, кто будет решать мои проблемы.

– А что, если я хочу? Ты же понимаешь, что твоё «нет» принимает обратный эффект.

– Куда уж там, – вздыхаю я. – Ты вообще никого не слушаешь.

– Зачем кого-то слушать, если я способен принимать самостоятельные решения?

– Когда дело касается чужой жизни, ты должен считаться с мнением.

– Даже если мне не безразлично?

– Даже если тебе не безразлично, в чём я, конечно, сомневаюсь.

– Ты всегда решаешь за всех или я особенный?

– Думаю, только ты. Ты любопытный, Мэйсон.

– Ты снизила от фамилии к имени.

– В своей голове я называю тебя по имени, но, когда ты что-то вытворяешь, снова становишься Картером, а ты обычно что-то, да вытворяешь.

– Значит... – воодушевлённо растягивает он, перекатываясь на бок и подпирая висок кулаком. Его глаза светятся детской радостью. – Ты думаешь обо мне.

– Нет.

– Зачем тогда произносишь моё имя в своей голове?

– Когда ты где-то в радиусе мили, то да, я могу вспомнить о тебе.

– Могу вспомнить о тебе, – пискляво передразнивает Мэйсон. – Или не могу забыть?

– Знаешь, я могу сказать тебе тоже, что ты сказал Эмили: не придавай себе такое большое значение.

Веселье моментально испаряется. Он заметно напрягается и мрачнеет.

Таким угрюмым не доводилось видеть его ни в библиотеке, ни после драки и даже тогда, когда винил меня за чью-то неправильную парковку.

Мэйсон встаёт с кровати.

И моё настроение делает тот же кувырок.

– Не говори то, чего не знаешь, – сухой тон его голоса пробирает до дрожи. Кожа покрывается мурашками.

– Ты тоже говорил то, чего не знаешь. Ты сделал мне больно.

– Например?

– В машине. Не смей отзываться плохо о моих родителях.

– Может быть, тебе тоже не помешает следить за языком, потому что ты начала этот разговор. Ты села в машину.

– Я жалею, что сделала это.

– Сейчас я тоже об этом жалею.

Я вздрагиваю, когда Мэйсон хлопает дверью.

Линия старта, с которой начали – осталась позади, когда он пришёл, лёг в мою кровать и поднял настроение дурацкими шутками. И мы вернулись обратно, как только он согласился со мной. Я вовсе так не думаю, но не могу забрать брошенные слова.

Глава 14

Мэйсон

Кики улыбается нам, но вижу, что тут что-то не так. Я всегда с безразличием смотрел на кого-то, и она не была исключением до того момента, пока не начал наблюдать немые разговоры и обмен взглядами между ней и Трикси. Выглядело так, как будто они понимают друг друга без слов. Сейчас они по разные стороны баррикад. Они не смотрят в сторону друг друга; делают вид, что не знакомы.

Дожидаюсь, когда Кики примет заказ и, перехватив в зале, подталкиваю в безлюдный уголок.

Девушка растерянно хлопает глазами, что вовсе не удивительно, учитывая, что никогда не проявлял интерес к её персоне.

– Почему Трикси уволилась? – я оглядываюсь через плечо, дабы лишний раз убедиться в приватности разговора.

– Она не совсем уволилась. Она успела уйти до того, как уволят, – толику сожаления всё-таки улавливаю в голосе.

– По какой причине?

– Почему тебя это интересует и почему я должна отвечать?

– Потому что работали сообща и вам нравилось; потому что сидели в аудитории вместе, потому что переглядывались и улыбались друг другу. Продолжать?

– Она нагрубила клиентам.

Вполне в характере Трикси, но до сих пор она ошетиливается по отношению меня. Но почему-то не могу поверить, что для грубости не было резонного повода.

– Просто так?

Глаза Кики беспокойно бегают по залу, как будто девушка придумывает причину для ухода. Со мной не прокатит.

– И? – подталкиваю я.

– Я не должна говорить с тобой об этом. Ты не работаешь тут.

– А если прямо сейчас устроюсь сюда?

Она вскидывает подбородок.

– Картер, ты смеёшься надо мной?

– Похоже на то, что я смеюсь?

Окинув меня недоверчивым взглядом, она поёживается и скрещивает руки под грудью.

– Я же сказала, она нагрубила клиенту.

– Она *не* могла нагрубить ему без причины. Какой повод, Кики?

– Калёб шлёпнул её... – сказав этою, она начинает жевать нижнюю губу и переминается с пятки на пятку, словно нервничает. И не напрасно.

Вероятно, парень уже мертвец. А если нет, то сожалею.

– По каком месту? – вопрос цедится сквозь плотно сжатые зубы. Кровь насыщается адреналином, желанием вырвать убудку руки и сунуть в задницу. В его задницу.

– Для чего тебе знать?

– Не твоё дело. Ответь на вопрос.

– Я отвечу, если ты ответишь на мой.

– Она помогла мне, я хочу помочь ей.

– Чем помогла? Опозориться в коридоре университета?

– До этого, – я закипаю, как вода в кастрюле. – Куда, Кики.

– По заднице...

Клянусь, я закрываю глаза только для того, чтобы не вылетели искры и не спалили кафе к чёртовой матери. Кулаки непроизвольно сжимаются, и я уже не в силах взять под контроль необузданные эмоции.

Похоже, он и правда холодный труп.

– За что её хотели уволить?

– Кaleb пожаловался, – Кики с беспокойством разглядывает меня. – Я думаю, ей понравился Тоби, а Кaleb... он просто любит прикалываться. Не трогай Тоби, пожалуйста, он не виноват!

Из груди вырывается рык.

– Сам разберусь.

Она продолжает тарашиться на меня. Вижу, как крутятся шестерёнки в голове, отвечающие за разные исходы, но я не обманываюсь. Всё приведёт к одному – к тому, что откручу его башку. Любого из них.

Кики спешит оправдать кретинов. Она начинает тараторить:

– Я попросила помочь, потому что Тоби... он нравится мне, и я волнуюсь в его компании. Я нуждалась в поддержке! И я... попросила Трикси. Тоби просто спросил, почему она не здороваётся, а Кaleb шлёпнул её по заднице... Мне жаль... Мне правда очень жаль...

Не желая оставаться в кафе, я ухожу. Существует только одно место, где могу обуздать гнев, где могу избавиться от эмоций, где можно не сдерживаться.

До скрипа зубов цепляет, что он тронул её, что позволил наглость. Неважно, кто был, как это было, имеет значение только одно: он сделал это. Трикси вовсе не та, кто стерпит и уйдёт. Она та, что вышибет мозги. Она умеет постоять за себя, а я тот, кто хочет постоять за неё. Но она не позволяет, а если позволяет, впоследствии чувствую себя виноватым, поэтому грубость вырывается сама по себе. Я не понимаю, что испытываю, путаюсь в чувствах и не могу разобраться. Что меня злит?

Я приезжаю в зал на скорости, за которую права должны испепелиться ещё до того, как вручу их копам. Клубы дыма рассеиваются по ветру, когда хватаю сумку из багажника и сломя голову несусь в сторону дверей. Отец всегда говорил: «Не хочешь оступиться – бей грушу». Так я и поступаю, избавляюсь от гнева на подопытном мешке.

Не останавливаясь в течение получаса, выбивая всё дерьмо, но оно не исчезает, а растёт на дрожжах. Доводит до нового уровня отчаянья, мотивируя задействовать больше сил.

Я не могу остановиться.

Не хочу.

Всегда добиваю себя, чтобы не убить другого.

Выплескиваю всё.

Трикси, которая засела в голове; уroda, который тронул её; кретинов, что по непонятной причине запугивают её; Эмили, что вновь появилась на пути; их общение, которое наблюдаю на ежедневной основе; слова, что сказал сам того не желая. Я не в силах взять себя под контроль. Как будто сказав что-то, она тянет за язык, и я продолжаю. Так получает зелёный сигнал наша война. Никто из нас не хочет сдать первым.

– Остановись, твою мать! – голос отца эхом отзывается в стенах зала, и я застываю, как по приказу командира.

Медленно поворачиваю голову, ощущая, как одежда пропиталась потом, будто на голову вылили ведро.

Карие глаза, что он подарил мне, искрятся гневом и замешательством.

– Какого чёрта ты вытворяешь?

– Тренируюсь.

– Это не тренировка, это дерьмо собачье. Снимай перчатки. Ты закончил.

– Я ещё *не* закончил.

– Снимай, чёрт возьми, перчатки! – гаркает он, из-за чего вздрагиваю на месте, как запуганный пацан.

Первый раз за всю жизнь, бросаю их на пол и, оставив на отце многоговорящий взгляд, грузно вышагиваю к дверям. Парни расступаются, подозревая, что я окончательно поехал.

В раздевалке с особым раздражением сбрасываю одежду и встаю под холодный душ. Ледяная вода не остужает горячий пыл.

Я обматываю бёдра полотенцем и выхожу в раздевалку, где отец, прибившись к стене и сложив руки под грудью, приступает сверлить красноречивым взглядом.

– Я спрашиваю, какая муха тебя укусила?

– Я уже говорил.

– Нет, это дерьмо я уже слышал.

– Значит, оно повторяется.

Повисает гнетущая тишина.

Я наспех натягиваю одежду, всеми силами сдерживая дрожь в руках то ли от ярости, то ли от усталости. Хотя последнее утверждение вряд ли правдоподобно. Я не ощущаю желаемое опустошение. Всё ещё грезю найти ублюдков и сломать руки.

Ладонь отца ложится на плечо и возвращает обратно.

– Остановись!

– Не хочу! – я дёргаюсь, сбросив руку. – Я. Не. Хочу.

– Ты сбегашь, Мэйсон.

– Ты тоже это делал. Принц из маминых сказок постоянно сбегал.

На этот раз он не останавливает.

Мне тошно от себя. От собственной желчи. Мерзко от того, что позволил подобное в сторону отца. Но мы оба знаем, что это правда.

Мобильник не трезвонит. Он всегда звонил или писал сообщение, чтобы не совершил новые глупости, но ничего после сегодняшнего. Чувство вины следует по пятам. Давит. Удручает. Отец единственный человек, который знает меня от и до. Единственный, кто способен понять, принять и поговорить. Единственный, с кем могу поделиться и выслушать совет. Однажды довелось довериться другому, но что получил? Предательство. Я наивно полагал, что его может заменить другой человек. Моя ошибка. И сейчас я, скорей всего, безвозвратно испортил отношения, подорвав их основу.

Из-за безысходности и отвращения к самому себе, разбиваю мобильник. По экрану ползёт паутинка, в которую угодил по собственной глупости. Благодаря вспыльчивости.

Не понимаю, как оказываюсь на парковке кампуса, и, не теряя ни секунды, вылетаю из машины.

Не знаю, что мною движет, и что делаю, но извинения – минимум, который могу предложить. Больше нечего дать. Я обвинил её в том, чего она не делала, причинил боль, разбрасывался грубыми словами. Я никогда не извинялся, разве что перед мамой и Мэди, которую не смог защитить и уберечь. Но, не сделав это сейчас – возненавижу себя ещё сильнее.

Эмоции всё ещё бурлят под кожей, агонией ползут по крови, ведь так и не удалось сбросить тяжёлый груз. На самом деле, лишь усугубил, спустив часть демонов на отца. Знаю, он не расскажет маме, но отношения изменились, и она сама заметит. А это означает только одно: я больше не желанный гость в их доме. Я отрезал путь к семье.

Распахиваю дверь и слышу громкие голоса, выясняющие отношения.

Никогда не было дела до окружающих, если бы не глухой всхлип. Слишком знакомый всхлип. Тот, что уже слышал. Но и это не всё. Следующие слова, пронизанные испугом и отчаянием, заставляют сердце вырываться из груди.

– Вы не можете! Куда я пойду ночью?!

Глава 15

Трикси

Мужчина смотрит на меня без капельки сожаления и понимания. Он абсолютно равнодушен. Как будто это нормально. Как будто в порядке вещей заходить к кому-то в комнату и говорить, что он должен собрать свои вещи и покинуть кампус из-за нарушения гребаных правил. Я не понимаю, что происходит. Волосы на затылке встали дыбом, а на лбу выступил пот. Тело бросает то в жар, то в холод. Я дрожу от ужаса.

– Оплачивается полгода проживания, от вас не поступала и часть её. Прошёл почти месяц.

– Моя мама оплатила год проживания ещё до такого, как я перевелась сюда! Вы должны посмотреть ещё раз!

– Мы посмотрели дважды. У вас нет квитка, чтобы доказать нам.

– Это какая-то шутка! – слёзы струятся по щекам. Я качаю головой, отказываясь верить в происходящее.

Я разворачиваюсь, чтобы бежать в комнату за телефоном, но ударяюсь лбом о броневой грудью и падаю на задницу. Перед глазами размывается холл, но моментально соображаю, что передо мной Мэйсон.

Он выглядит потрясённо и в то же время растерянно.

Я поднимаюсь на ноги и бегу в комнату, где в спешке нахожу мобильник и пытаюсь дозвониться до мамы. Звонок безуспешный. Меня пересылает на голосовую почту.

Падаю на пол и закрываю лицо ладонями. Я надеялась на чудо. Пару дней назад, они ушли на задание и должны вернуться со дня на день. Сейчас я совершенно одна в чужом огромном городе без унции понимания происходящего. С приездом сюда, преследует чёрная полоса.

И я снова нажимаю клавишу вызова и смотрю на экран.

– Пожалуйста, мама... возьми трубку... – задыхаясь, прошу я.

Безуспешно.

Отбрасываю телефон в сторону и подтягиваю колени ближе, сотрясаясь в рыданиях. Аренда жилья в мотелях быстро обчистит кошелёк, но не вижу другого выхода.

– Что происходит? – голос Мэйсона как гром среди ясного неба. Я уже забыла о его присутствии. – Ты не оплатила проживание?

– Уходи, – шёпотом произношу я.

Мэйсон продолжает истуканом стоять в дверях. Никто не сомневался.

– Мы уже говорили об этом.

Я фыркаю от негодования.

Руки трясутся, но приступаю собирать вещи, пока Мэйсон молча наблюдает в пороге. Он стоит там ещё пару минут, после чего уходит. Я радуюсь его исчезновению.

Лгу.

Его присутствие даровало хоть какую-то поддержку. Больше этого нет. Я очередной раз остаюсь одна. Чемодан с трудом закрывается. Деби так и не появилась, и отныне найти её и ноутбук станет ещё сложнее.

В коридоре пусто, лишь стук колесиков эхом разносится в стенах. По пути захожу в туалет и умываю лицо холодной водой. Кажется, за пару дней выплакала столько, сколько с роду не плакала. Я начинаю ненавидеть этот город.

Сегодня я сломлена и разбита, но завтра вновь стану той, кто борется до последнего. Убью дюжину времени в административной части университета, требуя поднять все документы. Я уверена, что мама оплатила предстоящий год.

Порывы ветра играют с выбившимися из хвостика локонами. Ночной морозный воздух и тишина создают впечатление, что могу быть убита в любой подворотне. Я не испытываю оптимистичные надежды, гуляя по Нью-Йорку в одиночестве и намереваясь найти новое жилище. И остаюсь права.

Запястье огибают чужие пальцы, я резко оборачиваюсь.

И снова он.

– Мне не до тебя, Картер, – цежу сквозь плотно сжатые зубы.

– Я помогу.

– Единственное, чем ты можешь помочь: погрузка чемоданов в такси.

Одергиваю руку и делаю новый шаг в сторону дороги. Очередное поражение. Мэйсон перехватывает ручку чемодана и останавливает движение.

– Я не понимаю, что ты хочешь от меня! – кричу так сильно, что услышат на другом конце страны. – Почему бы тебе не оставить меня в покое?

Парень остаётся непоколебимым.

– Не будь упрямой, позволь помочь.

– Скажи название ближайшего мотеля, я сочту за помощь.

– Ты можешь остаться у меня.

Я начинаю смеяться. Не знаю, почему предложение так забавляет. Может быть, потому что должна буду оплатить собственным телом.

Мэйсон не разделяет истеричного веселья, продолжая наблюдать с нейтральным выражением.

– Пара минут не спасёт меня, Картер, – смех угасает, на смену ему приходит опустошение. – Прибереги свою помощь для кого-то другого.

– Пара минут? – он поднимает краешек губ. – Серьёзно? Мне не девяносто лет.

– Мне плевать, сколько это длится. Я хочу уйти, и буду благодарна, если ты отпустишь.

– Если я этого не сделаю?

– Мы стоим тут до утра. Когда-нибудь надоест. Ты можешь помочь тем, что не будешь тратить моё время.

– Я хочу помочь.

– Я уже сказала, ты сможешь, назвав ближайший мотель.

– Ладно, но я буду тем, кто довезет тебя туда.

– Если это единственный способ прекратить наши отношения, то согласна.

Он иронично поднимает бровь.

– Между нами есть отношения?

– Отношения бывают разными, не переворачивай мои слова под своё понимание.

– Например? Какие между нами?

– Апокалипсические. Хочу предложить закончить их. Сделаем вид, что не знаем друг друга.

– Допустим, что я не хочу этого. Что тогда, Трикси?

– Во всём должна быть взаимность. На поле две команды и пара ворот. Отсутствие одних говорит о том, что игра не равнозначная.

– Мы занимаемся боксом, там нет ворот, – парирует Мэйсон.

– Тогда у тебя отсутствует противник, бой с самим собой?

– Смотря, за что борешься. Можно бороться с собой.

– Вряд ли ты нокаутируешь себя.

– Не физически, но морально.

– Наш разговор зашёл в тупик. Предлагаю разойтись и наслаждаться жизнью так, как делали это раньше.

– Я больше не могу ей наслаждаться, как раньше.

– Разве это должно волновать меня?

– Да.

– По какой причине?

– Потому что ты являешься причиной.

Я чувствую прилив сил.

Улыбка расплзается на губах.

– Серьёзно? – я едва сдерживаю смех. – Ты понимаешь, где ты, и где я?

Он сводит брови, а я решаю дать развёрнутый ответ.

– Мы из разных лиг, Картер. Я играю за одну команду, а ты бегаешь по разным. Я даже не хочу знать, сколько раз эти слова помогли вскружить голову недалёкой дурочки.

– Ни разу.

– Тогда, стоит пересмотреть тактику. Если на постоянной основе используешь одну, рано или поздно начнёшь проигрывать.

– Я не использовал её. Она не существовала до сегодняшнего дня.

– Правильно делал, потому что не работает.

– Работает.

– Нет, Мэйсон.

– Мэйсон, – ехидно повторяет он. – Признайся себе в том, в чём я признался себе.

– Ты видишь только то, что хочешь видеть.

– У тебя не получится меня обмануть.

– Конечно, нет, ты можешь сделать это самостоятельно.

– Я довезу до мотеля.

– Я передумала.

– Передумала, потому что знаешь, что я прав.

– Я устала и хочу завершить этот бессмысленный разговор.

– Мы завершим его, когда я довезу тебя.

Выдыхаю и отпускаю чемоданы, позволяя ему выиграть, но лишь для того, чтобы получить своё. Я мечтаю остаться одна, желая расслабиться хоть на секунду. Чёрная полоса, в которой повязла моя жизнь, завершится. У всего есть конец. Я не та, что сдаётся и подстраивается под обстоятельства. Я та, кто выстраивает их.

Занимаю заднее сиденье, Мэйсон устраивается за рулём. Его взгляд встречается с моим в зеркале заднего вида.

– Знаешь, почему ты села назад?

– Удиви меня, – я провожаю взглядом кампус.

– Потому что боишься принять правду.

– И какую правду?

– Ту, где ты что-то чувствуешь ко мне.

– Господи, ты абсолютно невыносим, Картер.

– Мама так говорит.

– Я второй раз хочу согласиться с ней.

– Ещё она говорит так про отца. Ты точь-в-точь повторяешь её слова.

Ненароком смотрю в его сторону. Мне не нравится. Совершенно не нравится тот факт, что смотрю на него, что хочу смотреть. Я ёрзаю по кожаной обивке и стараюсь успокоить подступающую. Заезженной пластинкой кручу мантру: «Не надо. Не делай этого». Но разве сердцу прикажешь?

И я злюсь.

Злюсь на себя за то, что он прав; за то, что чувствую к нему что-то. Так не должно быть. Так не может быть. Ненавижу его за то, что он не может быть таким же, как тот урод из кафе.

Желаю, чтобы он испортил мнение о себе, даже если придётся выкинуть меня на обочине, я буду так рада возненавидеть его. Я хочу найти причину и повод, чтобы ненавидеть ещё больше.

– У тебя есть время передумать, – нарушая тишину, говорит Мэйсон.

– Что?

– Тебе не придётся тратить деньги на мотель, если останешься у меня.

– Только через мой труп.

– Я не трону тебя, обещаю.

– Ты серьёзно думаешь, что слово «обещаю» способно поменять чьё-то решение?

– Когда даёшь обещание, ставишь под прицел самого себя. Ставишь под сомнение цену собственным словам. Одним неверным действием можешь подорвать репутацию и доверие в целом.

– Слова – это всего лишь набор букв. Они не дают никаких гарантий. Я могу сказать всё, что захочу, но это не будет означать то, что я непременно сделаю это.

– То есть, ты врала?

– Ты сильно удивишься, но каждый человек врёт.

– Особенно о чувствах.

– Я не чувствую к тебе ничего.

– Я ничего не говорил о себе, но ты сразу подумала обо мне, – Мэйсон мелодично смеётся, отчего мурашки бегут по коже.

Он паркуется у мотеля с неоновой вывеской, что отражается в лужах.

Я вылетаю из салона, распаиваю багажник и спешно выдёргиваю чемодан. С грохотом ставлю на асфальт. Гнев настолько будоражит кровь, а ноги отбивают сердитый ритм по асфальту, что становится больно то ли от собственной лжи, то ли от того, как яро вышагиваю вперёд.

Мэйсон остаётся за спиной, я чувствую его прожигающий взгляд на спине, но не поворачиваюсь.

– Давай, вали, Трикси. Докажи мою правоту! – бросает он в спину.

Я незамедлительно торможу.

– Я ненавижу тебя! Терпеть не могу, Картер! – салютую средние пальцы. Кажется, даже волосы встали дыбом от переизбытка чувств. – Если бы могла, показала бы их пальцами на ногах!

Он прибил к боковине капота и скрестил руки под грудью, с усмешкой смотря на меня.

– Бесишься, потому что влюблена в меня.

– Ты отвратителен!

Подхватываю чемодан и залетаю в холл мотеля.

Седовласый мужчина за стойкой, смотрит на меня, как на умалишенную и, бьюсь об заклад, уже набирает номер психологической лечебницы. Кстати, очень не помешает. Я буду только рада выбить из головы парня, который остался на парковке.

– Мне нужен номер на пару суток, – заявляю я, пропуская приветствие.

Протягиваю документы и стучу пяткой, бегая глазами по обстановке.

Всё деревянное, приятный аромат заполняет лёгкие. Мебель как будто только что сошла с лесопилки. Тусклые светильники окружают небольшое пространство, отбрасывают тени. Парочка миниатюрных диванчиков у окна, кажется, видели побольше мужчины за стойкой. Им как минимум лет сто.

Я поддаюсь корпусом вперёд и выглядываю в окно, но парковочное место, на котором остановился Мэйсон, – не видно. Я сержусь. Хочу знать, что он уехал, забрав ухмылку к чертям собачим. Тело сотрясается под нахлынувшими эмоциями. Неприятности в кампусе легко отступили, позволив Мэйсону занять лидерские позиции. Слезы отчаянья больше не душат. Душат другие: из-за его правоты.

Получаю ключи и сломя голову, несусь по лестнице на второй этаж.

Отпираю дверь и забрасываю чемодан, следом захлопываю с такой силой, что здание трясётся.

– Ты не влюблена в него, – проговаривая эти слова, вкладываю в них уверенность и веру.

Шаги туда-обратно.

Пинок ножки кровати.

Тяжёлое пыхтение и круговорот одной фразы вслух, чтобы самовнушение наконец-то начало работать.

Я произнесу эти слова, даже если разбудят среди ночи. Они должны звучать, как клятва солдата, заступающего на службу. Я не верю в любовь с первого взгляда, и даже во влюблённость. Невозможно влюбиться во внешность. Обычно она обманчива, за симпатичной мордашкой может скрываться жестокий убийца, за бездомным – добряк, который отдаст последний кусок хлеба. Для чувств нужно хотя бы знать человека. И я уже достаточно знаю Мэйсона, черт побери. Я отказываюсь верить в то, что за внешностью и повадками хулигана, который идёт по головам и топчет сердца – скрывается что-то нежное и мягкое. Но он уже проявил мягкость, когда безвозмездно отдал конспекты, заметил ошибку в докладе, и ничего не сказал из-за того, что в библиотеке пресекли моё враньё.

Стук в дверь, и я вновь распахиваю её, из-за чего сквозняк влепляет пощечину.

– Докажи, что я не прав.

В следующую секунду губы Мэйсона обрушиваются на мои, из-за чего ноги подкашиваются. Я хватаюсь за его плечи, в надежде удержать равновесие. В сознании щёлкает рубильник, отключая здравый рассудок и включая чувства, благодаря чему, отвечаю на поцелуй.

Но Мэйсон тут же отступает, разрывая физически контакт.

Тёмные глаза впиваются в мои и, прикусив нижнюю губу, он облизывает её языком. Я буквально вижу, как подобно песку, между его пальцев рассыпаются осколки моего будущего разбитого сердца.

– Жить с отрицанием, а? – улыбается он, после чего, отклоняется в сторону лестницы и скрывается за поворотом

Что. Я. Натворила.

Глава 16

Мэйсон

Она даже не повернулась в мою сторону. Это так забавно наблюдать. Что делает человек, который безразлично относится к другому? Ничего. Он может смотреть в глаза, может разговаривать, может находиться на одном квадрате по одной простой причине – ему наплевать. Но Трикси упрямо уставилась на доску. Я бы поверил её словам, если бы она без доли сомнения посмотрела на меня, не страшась встречи глазами. Но нет. Час. Ровно час я смотрю на неё, а она смотрит на доску или в тетрадь. Как только я появляюсь – она сворачивает за ближайший поворот и с видом особой важности, спешит убраться прочь. Вряд ли её бегство от самой себя можно назвать хорошей затеей. Итак, это второй день игнорирования.

Качаю головой и не могу не улыбнуться. Упрямость ей к лицу.

– Если ты смотришь на неё, то у тебя окончательно поехала крыша, – бубнит Ди.

– Она забавная.

– Забавная? – в его голосе распознаю нотки неодобрения. – Да что с тобой?

Я хмурюсь.

– Ты о чём?

– Ты серьёзно хочешь свернуть на ту же тропинку?

– Твою мать, о чём ты?

– Эмили.

– И что она?

– Что за немая игра?

– Для начала, скажи, где она.

Взгляд Ди бегаёт от ряда напротив ко мне, и обратно.

– Черт, какого хрена она смотрит на тебя?

– Мне плевать, – отмахиваюсь и снова нахожу Трикси, которая в эту самую секунду поднимает голову, и наши взгляды пересекаются.

Подмигиваю ей, на что девушка кривится.

У меня определённо поехала крыша, в чём отныне, признаюсь.

– Пригласи её куда-нибудь.

– Без сопливых разберусь, – я улыбаюсь, за что получаю подзатыльник. – Она не согласится.

– Как будто тебя когда-то волновало мнение другого.

Он не знает, что Трикси согласится пойти со мной куда-нибудь только под предлогом смерти, хотя, сомневаюсь, что даже так даст положительный ответ. Как тут же зарождается одна из самых гениальных идей. Я уже знаю, что сделаю, если она не сдвинется с места.

Поднимаюсь с кресла и следую к выходу.

– Ты не поняла? – раздражённый тон Ди заставляет сделать остановку.

Я оборачиваюсь, когда он сбрасывает с плеча ладонь Эмили. Крайне редко можно застать его в таком взбешённом расположении.

– Знай себе цену, – рявкает Ди, из-за чего хочу рассмеяться. У Эмили слишком дешёвая цена и напыщенная самооценка.

Я цепляюсь за Трикси, которая вылетает из аудитории, но не спешу следом. Один шаг – и план рухнет к чертям.

– Она всегда была такой надоедливой? – спрашивает Ди, нагнав меня.

Сжимаю зубы и отрицательно качаю головой. Последнее, что желаю обсуждать – то, какой была Эмили. Я оставил всё в прошлом.

Последующая пара лекций тянется подобно улитке, и время в библиотеке тоже. Трикси так и не появляется, хотя всё ещё остаётся без ноутбука. Дело во мне. Отсутствие связано со мной. Почему люди думают, что игнорирование – действующий способ достичь желаемого? Я бы сказал наоборот: это лучший способ, чтобы привлечь внимание.

– Торжественно заявляю, что сегодня было самое скучное задание, – заявляю я, останавливаясь рядом с миссис Райт.

– Не люблю, когда книги стоят не в алфавитном порядке, – улыбается женщина.

– Иногда думаю, что вы родились с миссией замучить меня до смерти.

– Вы раскусили меня, мистер Картер Великолепный. Съешьте конфетку, шоколад помогает поднять настроение.

– В детстве я постоянно воровал мамины конфеты вместе с сестрой, с тех пор не люблю сладкое.

– Хотите сказать, что блинчики без кленового сиропа вкусные?

– Нет, сироп люблю.

– А говорите, не любите сладкое.

– Ладно, где-то могу сделать исключение.

– Всего доброго, Мэйсон.

Подмигиваю женщине, которая прищуривается и всё же улыбается, провожая взглядом. Теперь моя дорога ведёт только к одному месту.

Как только прыгаю за руль, включаю песню Smash Into Pieces – Everything They S4Y и выкруливаю на дорогу, подпевая словам, которые отражают внутренне состояние. Трикси верит всему, что говорят; верит в сказки обо мне, как будто они могут рассказать правду. Это всего лишь айсберг, виднеющийся на поверхности. Он не рассказывает историю, как и не характеризует мою личность в целом. Я выгляжу так, как удобно; каким хочу выглядеть. Вот в чём правда. Мне комфортно тогда, когда люди не пытаются сунуть нос в мою душу.

Я паркуюсь у мотеля и, стоит преступить порог, как старикашка строит недовольную гримасу. Бьюсь об заклад, ему не понравилось наше знакомство.

– Вам тут не рады! – отчеканивает он.

Я же говорил.

– Вы меня с кем-то путаете, – натягиваю вежливую улыбку и наверняка выгляжу, как болван с амнезией. – Я хочу снять номер.

Деловая жилка и интерес тут же вспыхивают в его глазах.

– Остался только вип.

– Подойдёт любой, – *ведь я даже не собираюсь туда заходить.*

Мужчина сканирует дотошным взглядом кредитку, что вытащил из кармана. Будь в руках наличные, он мог заподозрить неладное, но по карте легко отследить все данные вплоть до того, сколько раз за день посетил уборную.

Он принимает документы и заполняет форму, бегая глазами от меня к компьютеру. Что ж, старик поймёт с меня кругленькую сумму, если в том же духе продолжу устраивать пир на весь мир, в котором не планирую принимать участие.

– Я провожу вас.

– Ни стоит, спасибо.

– Это правила. Вы – вип клиент, я обязан проводить до номера.

Он не отвяжется, поэтому пожимаю плечами и соглашаюсь.

– Хорошо.

Второй этаж и дверь, которая мне необходима – в другой стороне. Мужик ведёт меня по протянутому коридору и сворачивает налево. Деревянные панели украшены светильниками из эпохи ренессанса, и, если бы не знал, что электричество изобрели позже, мог подумать, что они были вывезены из дворца напрямую по указу королевы. Массивные люстры, что свисают

с потолка, не внушают доверия. Одна из них свалится на голову и лёгким сотрясением не отделаться.

Старик открывает дверь и пропускает меня вперёд.

Огромная деревянная кровать, не хватает лебедей из простыней, по обе стороны тумбочки с торшерами; софа у подножья кровати и даже плазменный телевизор, совершенно не выписывающийся в королевские хоромы. Терпеть не могу данный стиль. Я за современность. Тётя Алекс должна исправить сей кошмар абсолютно бесплатно, заступив на должность посла по доброй воле. Если не ошибаюсь, пахнет склепом одного из Фараонов.

– Я могу остаться один?

Старик вручает ключ и ещё несколько минут жду, когда в коридоре стихнут шаги. Только после того, как убеждаюсь в отсутствии жизни на этаже, несусь к дверям Трикси, за которой раздаётся приглушённая музыка.

Не приходится долго ждать. Она появляется почти сразу, как только слышит стук.

– Картер, я съеду, если ещё раз увижу тебя тут. Сотый раз задаю вопрос: чего ты хочешь?

Я сую руки в карманы джинс и слабо улыбаюсь, хотя хочется хохотать над карандашом, что воткнула в несуразный пучок на затылке.

– Хочу, чтобы ты сходила куда-нибудь со мной.

– Ты стукнулся головой, сходи к врачу.

– Сходи куда-нибудь со мной.

– Нет, это всё?

Разглядываю стопку книг на кровати и раскиданные тетради. Я подготовился к отрицательному ответу.

– Ага.

Я слышу, как она хлопает дверью, когда спускаюсь по лестнице.

На углу улицы нахожу китайский ресторанчик, в котором заказываю кучу дребедени на вынос. Спустя десять минут, несусь в обратном направлении. Из багажника вытаскиваю сумку с ноутбуком и возвращаюсь в мотель.

Что ж, очередная попытка добиться расположения Трикси. Я не сдаюсь.

– Картер, тебе серьёзно нужен доктор, – ворчит она, открыв дверь.

– Я сам, как служба спасения.

Проскальзываю в номер, отодвинув её в сторону.

Бросаю сумку на кровать, благодаря чему подпрыгивают учебники, и ставлю пакет на тумбочку.

– Это уже наглость! – оцетинивается Трикси.

– Я всего лишь хочу помочь.

– Не правда. Ты не делаешь что-то просто так.

– Это ты тоже слышала от других?

– Может быть.

– Живёшь сплетнями?

– Нет, убедилась лично.

– Не помню, чтобы просил за свою помощь денег или что-то ещё. Всё было безвозмездно.

Брови девушки встречаются на переносице. Она пережёвывает и подбирает слова, но мы оба знаем, что правда на моей стороне. Если я предлагаю помощь, то никогда не жду оплату. Это делается исключительно по моему желанию, и требовать что-то взамен – глупо.

– Что ты тут делаешь?

– Живу, – пожимаю плечами, как будто это плёвое дело.

– Ты *не* живёшь тут.

Достаю ключ-карту из кармана и качаю в воздухе.

– Да ну?

Трикси расставляет кулачки по бокам.

– Ты же знаешь, что могу обратиться в полицию и сообщить о преследовании?

– У меня нет мобильного, поэтому, позвони со своего. Подождём вместе.

– Господи, – фыркнув, возмущается она. – Это становится невыносимым.

Достаю ноутбук и смеюсь.

– Скажи это, когда перестанешь заниматься каллиграфией и перейдёшь в эпоху современных технологий.

Если зрение не обманывает, то вижу облегчение и благодарность в её глазах. Клянусь, промелькнула улыбка, но слишком слабая.

– Картер, говори, что ты хочешь за это.

– Вечер.

– *Вечер?*

– Да, сегодняшний вечер. Тот, где ты делаешь работы, а я сижу рядом.

– Открывай все карты сразу, я не поверю в то, что на дне нет камней.

– Ладно, ещё буду помогать. Всё.

– Мне не нравится это.

– Ты действительно не видишь во мне что-то хорошее или принципиально отказываешься видеть?

– Это не принцип, ты подтверждаешь поступками.

– Ты утверждаешь, что сейчас я поступаю плохо, когда приезжаю сюда, предоставляю свой ноутбук, покупаю ужин, чтобы твои мозги не высохли от голода или от того, какая тут пресная еда?

– Нет, но ты не делаешь что-то просто так.

– Да, я уже сказал. Ты занимаешься, я сижу рядом. Ты отказалась сходить со мной куда-нибудь, мне пришлось прийти к тебе.

– Но ты будешь молчать, – предупреждает Трикси.

Я улыбаюсь и тяну невидимую молнию на губах, тем самым показывая, что принял немой обет. Указываю на кровать, чтобы получить разрешение присесть, на что Трикси закатывает глаза и кивает.

Она устраивается на второй стороне у изголовья кровати, я распаковываю бумажный пакет с ужином. Пара коробочек с лапшой, пара боксов с салатами, пара контейнеров с десертом в виде пельменей с вишневой начинкой и пара стаканчиков с чаем. Делю всё поровну и делюсь с Трикси.

Она щурится, бегая глазами между мной и предложенным.

– Ладно, но только потому что ела только днём, – получаю согласие и сдерживаю торжественный взглас.

Последующий час мы молча уничтожаем ужин. Трикси переносит всю проделанную работу в электронный вид, а я наблюдаю и перечитываю. Она забавно торопится, но вряд ли из-за меня, ставлю сотню баксов, что подобная спешка только для того, чтобы успеть завершить доклад. Периодически указываю на опечатки, и получаю кивки в виде благодарности.

Время пролетает слишком быстро. Незаметно. За окном темнеет, коробки пустеют, и, если бы не часы на запястье, я бы вовсе потерял счёт времени. Парочка дней без телефона сказывается на реальном ходе вещей, появляется уйма свободного времени. Гложет только одно: звонил ли отец? Преследует неистовое желание вырвать собственный язык. Вина целиком и полностью лежит на мне.

– Ау, – Трикси размахивает руками перед моим лицом, чем привлекает внимание. – Можешь скинуть на почту?

Я забираю ноутбук и ставлю на колени. Несколько щелчков и доклад отправился нужному адресату.

– Картер, ты такой милый, когда молчишь.

Милый – синоним скучного. Когда просят дать описание, ты, не имеешь понятие, что сказать, без раздумий назовёшь милым

Я не забываю про застегнутую молнию.

– Я не скучный, Трикси Лейтон.

– Я не говорила о скуке.

– Это синоним скучного.

– Нет. Это означает, что ты не несёшь чепуху и располагаешь к себе.

– Это ли не скучный? Что интересного в тишине и отсутствии юмора?

– Ничего плохого.

– Да, тоска смертная.

Трикси поднимается с кровати и, собрав пустые коробочки, убирает в пакет.

Скрестив руки под грудью, она с вызовом смотрит на меня, я же скольжу по миниатюрному телу.

Чёрные лосины и белая мешковатая футболка, дурацкий небрежный хвостик. Такой *серой мышки* у меня не было. Но это только на первый взгляд. Стоит Трикси открыть рот, как всё меняется. Феерия эмоций. В подобном виде доводилось наблюдать Мэди и Эмили. Не хочу ворошить воспоминания, но Эмили позволяла неряшливость до того, как поменялась. Косметика стала неотъемлемой частью её жизни, как будто выйти без макияжа равносильно концу света, а Мэди... это Мэди. Она – моя сестра, какой её только не видел. Она всегда была собой и не притворялась. Я понимаю, почему Ди зацепился за неё. Мэди олицетворяет оптимизм и жизнь, лучик солнца во тьме. Она всегда была им, даже в утробе. Для неё нет проблем равно, как и для мамы, в этом их главная схожесть. Кажется, Мэди представляет собой эксклюзивный и единственный экземпляр на всей планете. Единственный человек, которому прощу всё. За которого отдам всё. Наша связь нерушима.

– Спокойной ночи, Мэйсон, – говорит Трикси.

– Я не могу остаться, не пытайся уговорить, – улыбаюсь, сползая с постели.

– Очень смешно.

Равняюсь с ней и дёргаю за хвостик.

– Спокойной ночи, заноза.

Покидаю номер, но Трикси не спешит захлопнуть дверь. Она выглядывает из номера.

– Ты забыл ноутбук.

– У меня два, можешь пользоваться, – я поворачиваюсь к ней и пячусь спиной назад. – Только не открывай папку с моим именем. Хотя... можешь посмотреть, но не звони ночью. Я не приеду.

Конечно, я, мать вашу, приеду, если она позвонит. В любое время дня и ночи.

Глава 17

Трикси

Встреча с ректором должна была помочь, но мужчина равнодушно развёл руками. *Подождите пару дней, необходимо поднять документы*, – заключительные слова и закрытая перед носом дверь. Единственное, что сейчас может спасти – звонок маме, но наверняка послушаю гудки и останусь в мотеле. Я медленно иду ко дну. По крайней мере, ещё есть время найти новую работу. Я ведь должна радоваться, что за четыре дня не произошло ничего нового? Меньше чем за неделю, удалось потерять приобретённую подругу, работу и дом. Джен тоже пропала с радаров, а я не хочу быть назойливой мухой и не закидываю своими проблемами. Но за эти дни кое-что хорошее всё же случилось: ноутбук. Не мой, но жизненно необходимый. Конечно, у Мэйсона он лучше и несмотря на снисхождение, всё равно не теряю бдительность.

Я не была бы собой, если бы не попытала удачу третий раз.

Снова тут, откуда выселили несколько дней назад. Стены кажутся чужими, хотя успела привыкнуть к проживанию в кампусе и вечным перебоям в напоре воды. Честно сказать, я скучаю. В отличие от мотеля, это место наполнено жизнью. В своём сегодняшнем «доме», скитаюсь, словно привидение, а жители быстро меняются. Никто не задерживается больше двух дней. Основная часть – туристы, и все они следуют поставленному маршруту дальше. Слушая рассказы на общей кухне, я и представить не могла, какого это: жить свободой; слушать зов сердца и уезжать туда, куда просится душа. С грустью понимаю, что порой желаю того же. Я не могу бросить университет и уехать в путешествие, но каждый раз задаю себе вопрос: *почему?*

Подхожу к двери бывшей комнаты и стучу.

Минута.

Две.

Три.

Дёргаю за ручку, но дверь заперта.

Тяжело вздыхаю и решаюсь прогуляться по соседям.

Пять пройденных дверей, две из которых закрыты, а жители остальных трёх отвечали скупым: «Не видел». Либо они слепые, либо Деби не появлялась в кампусе неделю. С каждой последующей минутой, ход собственных мыслей начинает нравиться меньше и меньше. Начиная от стыда, завершая смертью, я тыкаю пальцем в небо.

Теряя всякую надежду, покидаю кампус и выдыхаю бремя, повисшее на плечах. Мне необходима новая работа и покупка ноутбука. Если не получится найти тот же, придётся лгать маме. Самое банальное: поломка и невозможность восстановления.

Мэйсон постарался, и теперь карта метро – новый предмет изучения, но, вполне возможно, что мотель ближе к университету вовсе не потяну в бюджете. Наверное, за это стоит сказать спасибо.

Я добираюсь до университета и наблюдаю главного героя свои мыслей. Он блистает на парковке в объятиях девушки. Я знаю её. Кажется, знаю о нём всё. Твержу себе не смотреть в их сторону, но всё равно разглядываю сквозь штору из волос.

Волосы, цветом тёмного шоколада, переливаются под ярким солнечным светом. Её лучезарная улыбка привлекает как мужское внимание, так и женское. Её звонкий смех разносится по парковке. Она такая маленькая и красивая, что я волей-неволей поддаюсь чарам. Полагаю, это у Картеров семейное. Ремешок огибает тонкую талию, бежевая ткань коктейльного платья подчёркивает фигуру, по которой сложно судить: спорт или гены. Головой понимаю, что сейчас в кольце рук Мэйсона сестра, но сердце пропускает удар. Вот же она: конечная станция. Девушка выбирается из его хватки и направляется к центральному входу, а Мэйсон откры-

вает дверцу идеально чёрного спортивного автомобиля. В прошлый раз, машина была другой. Сегодняшняя будто утром выехала из салона.

Я опускаю взгляд на капот и вижу значок мустанга. Безусловно, он предпочитает быструю езду. Автомобили, пронизанные опасностью, характером и роскошью.

Сворачиваю в сторону метро ровно в ту секунду, как становлюсь мишенью. Впопыхах сбегая по лесенкам и теряюсь в толпе. Глупо полагать, что Мэйсон поспешит нагнать, имея под рукой машину, но в душе поселяется слабая надежда.

Боже, я просто сумасшедшая.

Удача на моей стороне. Необходимый поезд как раз появляется из тоннеля, а следом, забегая в вагон и падаю на свободное место. Не теряя времени, достаю телефон и наушники. Но не успеваю опомниться, как один нагло выдёргивают прямо из рук.

Какого... – взревели бы вы, только вот по носу бьёт знакомый парфюм. Слишком знакомый.

– Что слушаешь? – больно подозрительно любезничает Мэйсон.

– Картер, какого чёрта?

– Что именно?

– Какого чёрта ты делаешь в метро, у тебя есть машина и раз уж на то пошло – телефон тоже.

– А ты откуда знаешь, что у меня есть машина?

Я выгибаю бровь и задаю немой вопрос: «Ты это серьёзно?».

– Не прикидывайся идиотом.

Мэйсон пожимает плечом и лукаво подмигивает.

– Она сломалась.

– Ты минуту назад собирался сесть в неё.

– Внезапная поломка. Бывает. Она только что с сервиса.

– Наверняка целая и невредимая, готовая прокатить с ветерком.

– Следишь за мной?

– Ты, вероятно, сошёл с ума.

– Нет, – говорит Мэйсон. – Ты же наблюдала за мной, если знаешь, что я только что собирался сесть в неё.

– Я должна закрывать глаза и прикидываться слепой, если ты маячишь на горизонте?

– Включай музыку, проверю твой музыкальный вкус.

– Перебьешься.

Мобильник испаряется из моих рук и появляется в тех, что принадлежат Мэйсону. Грёбаное волшебство.

– Картер, это личная вещь!

Похоже, данный факт его не особо волнует. Парень бесцеремонно забирается в проигрыватель.

– Я не собираюсь смотреть фотографии, если ты не смотрела мои.

– И позволь узнать, о чём ты?

– Я просил не открывать ту папку.

– Я не открывала, – и это действительно правда. Насколько бы сильным ни было любопытство, не залезла в личное и не изучала содержимое ноутбука. Я вовсе не хочу узнавать его лучше.

Самая большая на свете ложь.

– Ты же знаешь, что это можно проверить?

– Я могу отдать его прямо сейчас для проверки.

Мэйсон ещё минуту пристально таращится на меня, после чего становится собой.

Ухмылка поднимает уголки его губ.

– Ладно, поверю. Я включу свою, если тебе нечего предложить из нормального репертуара.

Перехватываю телефон и выбираю первую попавшуюся песню, в конечном счёте, ей оказывается Being As An Ocean – Tragedy.

Жду язвительные комментарии, но Мэйсон молчит, слушает песню и смотрит вперёд. Делаю то же самое: отворачиваюсь и нацеливаюсь на стекло, за которым темнота сменяется тусклым светом. Наши отражения тоже там. Они, то слабо различимые, то чёткие и резкие.

– Включишь ещё раз? – спрашивает он, как только мелодия начинает затихать.

Молча киваю.

Больше не отказываю себе в такой мелочи, как подпевание, но беззвучное. Шевелю губами в такт словам, разглядывая наши отражения. Наши силуэты размываются, прямо как расставленные границы. Мне не нравится, что он отвечает встречным взглядом, и поэтому закрываю глаза, желая расслабиться и полностью уйти в мелодию.

Ничего не получается.

Нервозность и насторожённость не проходит, а лишь усугубляется.

Две остановки за спиной, впереди ещё три. Надеюсь, Мэйсон планирует проехаться дальше, но интуиция предсказывает, что слишком многого хочу.

– Прекрати пялиться на меня, – говорю я, ёрзая на месте.

– Или что?

– Ничего. Мне не нравится.

– Ты уверена, что тебе *не* нравится?

– Абсолютно.

– Сходишь со мной куда-нибудь?

– Мы это уже обсуждали и, кажется, договорились.

– Мне ничего не мешает спросить ещё раз. Если хочешь чего-то добиться, не сдавайся после первой неудавшейся попытки.

– Не в этот раз, Мэйсон.

– Мэйсон, – с насмешливой подковыркой, повторяет он.

– Твоё имя, насколько всем известно.

– Ты называешь меня по имени.

– И что?

– Ты делаешь это тогда, когда сдаёшься.

– Я делаю это постоянно.

– Нет.

Опускаю плечи, когда он отворачивается и вытягивает ноги, сложив пальцы в замок на затылке.

Господи, какая я наивная дура, думала, что можно расслабиться.

– Ты не выйдешь из поезда, пока не ответишь да.

– О, ну давай, останови меня, – я весело улыбаюсь, задумываясь, куда ударить, чтобы получить преимущество.

Мэйсон профессионально исправит оптимистичный настрой.

– Даже не рассчитывай, что ты сильнее меня.

– Я вовсе так не считаю, разве только немного.

Его горячее дыхание обжигает местечко за ухом. Я благодарю толстовку за длинные рукава, под которыми пробуждаются мурашки и встают волоски. Я млею, робею, ощущая хищную улыбку. Улыбку, за которую, клянусь, сильно поплачусь.

– Я хитрее. Я быстрее. Я сильнее.

– Искренне верю.

Просыпается желание похлопать его по плечу, но беру под контроль последние остатки здравого рассудка и отодвигаюсь.

Мэйсон поднимается с места, уже открываю рот, чтобы попрощаться. Как снова ошибаюсь.

– Попрошу внимания!

Взгляды пассажиров устремляются в нашу сторону. Я едва ли не краснею от макушки до кончиков пальцев на ногах. Хочется забиться в самый дальний уголок вагона и прикинуться невидимкой. Мёртвой. Кем угодно. Даже спящим бомжом.

К сожалению, с Мэйсоном это невозможно. Никогда не будет.

Он указывает на меня пальцем.

Меня начинает тошнить.

Очень сильно тошнить.

– Помогите уговорить эту девушку сходить со мной на свидание.

– Привяжем её к поручню? – замечает какой-то мужчина из толпы зевая.

– На сегодня другие планы, – Мэйсон ослепительно улыбается. – Хотя... идея неплохая. Его блестящие озорством глаза устремляются на меня.

– Будем ездить до тех пор, пока не кончится рабочий день. Пока ты не скажешь да.

Мне хочется рассмеяться. На смену тошноте приходит веселье. Я спешу сообщить не самую радужную для него информацию.

– Картер, рабочий день не кончится. У них перерывы между выездами и сменой машинистов. Упс.

– Ладно.

Ни капли не верю в согласие.

И не зря.

Мэйсон начинает скандировать: «Скажи да!». Каждый следующий раз голос становится громче. С энтузиазмом наблюдаю за попыткой и думаю, на сколько его хватит.

Я обвожу взглядом ошарашенную подобной выходкой толпу, и едва не давлюсь от смеха. Но всё меняется. Переворачивается не в мою пользу, когда толпа всё же поддерживает и гул голосов повторяет: «Скажи да!»

Я сжимаюсь, стараюсь дышать, оставаться в сознании, потому что все тычут на меня пальцами и объясняют происходящее новым вошедшим. В горле пересыхает, на лбу и затылке выступают испарины, я наверняка выгляжу похуже мертвеца. Все продолжают горланить, а я желаю взвыть. Это давит, уничтожает внутреннюю силу и ломает стержень. Сопrotивляться становится тяжелее. И когда Мэйсон, а следом и толпа за ним, отрезает выход к свободе, я проглатываю ком из битого стекла, появившийся в горле.

Меня охватывает паника и ужас по нескольким причинам.

Во-первых, он пойдёт на всё, чтобы получить желаемое.

Во-вторых, я не люблю быть в центре внимания.

В-третьих, замкнутое пространство, ещё и под землёй, выбивает почву из-под ног.

Но я, как и всегда, побеждаю в схватке со страхами и вскидываю подбородок, занимая прежнее место.

– Ты когда-нибудь каталась на метро сутками напролёт? – спрашивает Мэйсон.

– Это будет наш первый раз, – возвращаю ему улыбку.

Мэйсон на секунду закусывает губу и обращается к толпе:

– Всем спасибо. Наше первое свидание пройдёт в метро.

– Удачи, парень, – несколько мужчин хлопают его по спине или плечу.

Мэйсон падает рядом и его улыбка настолько широкая, что заставляет усомниться в адекватности мышления.

Песня так и крутится на повторе, и я переключаю её, заменяя следующей. И следующей. И ещё следующей.

Так проходит час, а за ним – два. Тело затекло, но упрямо сижу на месте и Мэйсон тоже. Он не предпринял попытки заговорить. Парень молча слушает музыку, и я решаюсь сделать ход конём. Переключаю песню на юную Майли Сайрус и украдкой улыбаюсь. Но новый план с треском проваливается. Мэйсон выглядит вполне довольным.

– Не получится, Трикс.

– Трикси, – исправляю я.

– Не-а, – отмахивается парень, покачивая головой в ритм мелодии.

Поездка претендует на адскую. Она напоминает символ бесконечности.

Композиции переключается одна за другой, и когда начинает играть When I Look At You, улыбка парня становится ещё шире. Я вовсе хочу помереть, когда Мэйсон начинает подпевать. Это шокирует и смешит одновременно. Поджимаю губы, чтобы не позволить улыбке и смеху вырваться наружу.

Соседи по вагону периодически поглядывают в нашу сторону. Некоторые смеются, кто-то улыбается. Те, что видели весь концерт – давно покинули поезд, но наша парочка осталась и, похоже, надолго.

– Не знала, что ты тонкая ранимая душа, Картер, – дразню я.

– Мэди в детстве любила этот фильм.

– Последнюю песню?

– Ага. Папа всегда жалел, что нельзя умереть на время, чтобы не видеть это.

– А ты плакал вместе с ними?

– Нет, я тоже прикидывался мёртвым.

Он делится со мной детством, и как бы ни хотелось, но мне нравится узнавать моменты из прошлого, даже если детские годы. На свою беду, решаюсь продолжить, хотя инициативу по-хорошему лучше пресекать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.